

Е.В. РЯГУЗОВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ВЗАИМОДЕЙСТ- ВИЯ «Я – ДРУГОЙ»

Учебное пособие

Magritte
The Collection

Саратов
2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	---

ТЕМА 1. Репрезентации личности как предмет психологического и социально-психологического исследования

1.1. Репрезентация как когнитивная схема и личностный конструкт.....	6
1.2. Символическая репрезентация и социальные представления	17
1.3. Искусство как система символических репрезентаций.....	33
Вопросы для самопроверки	49
Творческие задания	49

ТЕМА 2. Взаимодействие «Я – Другой» как основа со-бытия личности и становление ее субъектности в социальных взаимоотношениях

2.1. Диада «Я – Другой» – онтологическая константа человеческого бытия.....	51
2.2. Влияние межличностных отношений на формирование образа Я и образа Другого.....	71
2.3. Значимый Другой как необходимое условие становления личности и формирования ее идентичности	88
2.4. Роль Другого в развитии субъектности и формировании ценностно-смысловой регуляции личности.....	105
Вопросы для самопроверки	122
Творческие задания	123

ТЕМА 3. Социально-психологическая концепция личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой»

3.1. Основные положения социально-психологической концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой»	125
3.2. Характеристика личностных репрезентаций взаимодействия «Я – ингрупповой Другой» и «Я – аутгрупповой Другой» в социально-экзистенциальной сфере intersубъективного пространства	147
3.3. Роль личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» в преодолении субъектом последствий травматического стресса.....	165
3.4. Роль личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» для понимания Другого, самопонимания и саморазвития личности	174
Вопросы для самопроверки	190
Творческие задания	191

Рекомендуемый список литературы	194
--	-----

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее учебное пособие разработано для магистрантов факультета психологии, обучающихся по образовательной программе «Кросс-культурная психология». В нем отражено современное представление о репрезентациях взаимодействия личности с Другими в поликультурном мире. Дисциплина «Социальная психология репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» относится к вариативной части профессионального цикла (М2.В). Программа курса разработана на основе авторской концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» и опирается на предшествующие дисциплины: «Введение в кросс-культурную психологию», «Психология межкультурной коммуникации», «Этническая психология», «Методы формирования этнокультурной компетентности и толерантности», «Формирование этнической идентичности в условиях глобализации», «Кросс-культурная психология эмоций». Взаимосвязь курса с другими дисциплинами ООП способствует более углубленной подготовке магистрантов к решению специальных и практических профессиональных задач и формированию необходимых компетенций.

Целью курса являются:

- формирование научных представлений о культурных различиях современного мира и основных способах их анализа; а также о роли личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» в жизнедеятельности / деятельности личности;
- развитие навыков этнокультурной компетентности и сензитивности как способности личности воспринимать, понимать, структурировать культурно обусловленные характеристики других людей на основе репрезентаций взаимодействия.

Отличительной особенностью данного учебного пособия является то, что оно ориентировано на самостоятельность освоения магистрантами существенной части учебного материала и пользование им развитыми информационными ресурсами, т.е. в центре процесса обучения находится самостоятельная познавательная деятельность обучаемого, его активная включенность в познавательную среду. Одной из задач такого обучения является то, чтобы магистрант научился самостоятельно приобретать знания, пользуясь разнообразными источниками информации; умел с этой информацией работать, используя различные способы познавательной деятельности, и имел при этом возможность работать в удобное для него время, т.е. обучение максимально ориентировано на магистранта.

Структура учебного пособия включает в себя три главы, которые представляют собой стандартный учебный продукт, содержащий теоретический материал, вопросы для обсуждения и творческие задания, взятые в совокупности

они способствуют более углубленной подготовке магистрантов к решению специальных и практических профессиональных задач и формированию необходимых компетенций.

Первая глава «Репрезентации как предмет психологического и социально-психологического исследования» посвящена анализу различных подходов к изучению репрезентаций, определению их качественного содержания и видов, выделению основных функций. Еще один важный аспект изучения репрезентаций связан с признанием того, что каждый человек живет в мире, социально сконструированном Другими и духовно ими обжитом. В связи с этим показана многомерность и многогранность искусства как системы коллективных репрезентаций, концентрированного выражения эстетического опыта, способа познания субъектом действительности; инструмента взаимодействия личности и социума с окружающим миром; реализация личности через различные стратегии самоутверждения и способы достижения ею социокультурного и психологического равновесия, а также анализируются основные социально-психологические функции искусства.

Вторая глава «Взаимодействие «Я – Другой» как основа со-бытия личности и становление ее субъектности в социальных взаимоотношениях» касается проблемы взаимодействия «Я – Другой», имеющей междисциплинарный статус, а ее анализ требует привлечения знаний различных гуманитарных дисциплин, в которых она концептуально и категориально тематизируется и трактуется в разных контекстах; осуществляется теоретическая рефлексия взаимодействия «Я – Другой», предполагающая комплексный анализ, охватывающий различные уровни: уровень межличностных отношений и интеракций (диалог Я – Ты, место и позиция Я, интроективная и проективная идентификация, формирование образа Другого, обмен ролями, персонификации, не-Я); уровень личности и индивидуальности (роль значимого Другого в развитии личности, эффективности ее социализации, конструировании субъективности и идентичности личности); личностный уровень субъекта (генезис субъекта и субъектности, формирование смысловой и ценностной регуляции деятельности и поведения субъекта).

Третья глава «Основные положения социально-психологической концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» раскрывает ключевые положения авторской концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», которая опирается на субъектный, интерсубъектный, диалогический и когнитивный подходы к исследованию личности и ее взаимодействий. Предложенная социально-психологическая концепция позволяет установить уровни, контексты и социально-психологические механизмы формирования личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», определить социально-психологические факторы, обуславливающие динамику изменений личностных репрезентаций, характер взаимопроникновения различных репрезентаций и их влияние на содержание и качество реальных взаимодействий, а также описать типичные варианты личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Разработанная концепция позволяет систематизировать и обоб-

шить социально-психологические знания о социальных взаимодействиях, осуществить социально-психологический анализ личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» и способствует разработке и решению психологических проблем, связанных с созданием оптимальных социально-психологических условий для конструирования личностью репрезентаций взаимодействия «Я – Другой».

Форма контроля: экзамен.

Система оценивания аттестации:

Текущая аттестация	Минимальное количество баллов	Максимальное количество баллов
Самостоятельная аудиторная работа:	0	20
Выступление с презентацией	0	10
Развернутые и аргументированные ответы	0	5
Активное участие в дискуссиях (вопросы, аргументы)	0	5
Самостоятельная внеаудиторная работа:	0	20
<i>Задания выдаются персонально каждому студенту на семинарских занятиях</i>		
Научная и исследовательская деятельность по дисциплине		30
Теоретический анализ современных публикаций по межкультурной коммуникации по определенной схеме: гипотеза, методы, результаты, выводы (не менее 3-х)	0	
Промежуточная аттестация	0	30

Сумма баллов, набранных студентом по итогам изучения дисциплины	0–45	46–66	67–89	90–100
экзамен	неудовлетворительно	удовлетворительно	хорошо	отлично

ГЛАВА 1. РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Семантика понятия «репрезентация» (лат. repraesentatio, от re, и praesentare представлять) означает представленность, изображение, отображение одного в другом или на другое. В совокупности репрезентации создают внутреннюю структуру, образованную вербальными и образными компонентами, формирующуюся в процессе жизни человека, в которой представлена сконструированная им концептуальная картина мира, общества, самого себя.

Репрезентация задает знак и сама предстает как знаковый феномен. В зависимости от того, где и как конструируется тот или иной знак, мы условно выделили два направления к определению и изучению репрезентаций. В рамках первого направления в исследовании репрезентаций акцентируется внимание на значении личностных качеств, поставленных личностью целей и важности ситуативного контекста в формировании репрезентаций и их динамике (параграф 1.1), тогда как другое направление подчеркивает роль и значение социокультурного контекста и фокусирует внимание на социальной обусловленности репрезентаций (параграф 1.2). Кроме того, мы проанализировали психологический потенциал и функции искусства как совокупности социальных эстетических репрезентаций (параграф 1.3).

1.1. Репрезентация как когнитивная схема и личностный конструкт

Термин «репрезентация» определяется как представление одного в другом и посредством другого, т.е. репрезентация является конститутивной функцией знака, поэтому понятия репрезентация и знак взаимно определяют друг друга. Репрезентация задает знак и сама предстает как знаковый феномен. Оба понятия раскрываются через связь с презентацией как присутствием или наличием, что демонстрирует исторически-традиционный подход к их определению. Связь выражается в том, что феномен репрезентации изначально задается как «запаздывающий» или вторичный относительно присутствия — презентации, то есть репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент репрезентирования) объекта, который она представляет. Отсюда выводится ее значение правомочного «представительства», что показывает историческую сферу возникновения репрезентации как «сакрально-правового» понятия (Г. Гадамер). Понятие «репрезентация» изначально оказалось осложнено значением «отображения» или образного представления. Представительство репрезентации раскрывается, главным образом, через проблематику соотношения и онтологического статуса первообраза и отображения, разработанной философией Платона и далее неоплатонизмом и христианской теологией. Соотнесенность объекта с идеей, одним из возможных воплощений (через это и знаком) которой он является, преобразовалась в западной философской традиции в проблематику

возможности познания общего посредством связи общего и единичного. В средневековой теологии единичная, чувственно воплощенная религиозная репрезентация принимает значение «представительства» постольку, поскольку репрезентация начинает участвовать в силе отображаемого, то есть соотноситься с ним в онтологическом плане. Воплощенность абсолютного образа, его явленность в репрезентации побуждает рассматривать мир как «книгу» и искать «смысл смысла», «потаенный» смысл вещей. Следовательно, проблематика репрезентации и их сложного статуса может рассматриваться и в рамках спора об универсалиях (дискуссия о происхождении «идей» и их соотношении с «реальностью»).

Научные представления о ментальных структурах, выступающих носителями психических свойств субъекта, формировались в различных научных школах, как отечественной, так и зарубежной психологии: «когнитивные карты» (Э. Толмен), «образ мира» (А.Н. Леонтьев, В.В. Петухов, В.П. Серкин, С.Д. Смирнов), «субъективная модель мира» (Дж. Брунер), «внутренний мир человека» (Б.Г. Ананьев), «внутренний план умственных действий» (Я.А. Пономарев), «план» (Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам), «схема» (Ф. Бартлетт, И. Кант, Ж. Пиаже, У. Найссер), «когнитивные репрезентативные структуры» (Н.И. Чуприкова), «ментальный опыт», «концептуальные структуры» (М.А. Холодная), «ядерные структуры» (Е.А. Сергиенко), «структура индивидуального опыта» (И.О. Александров, Ю.И. Александров) и т.д.

Как известно сторонники когнитивного подхода (Р. Абельсон, Ф. Бартлетт, Н. Найсер, Т. Ньюком, Ч. Осгуд, М. Розенберг, П. Танненбаум, Л. Фестингер, Ф. Хайдер) стремятся объяснить социальное поведение личности при помощи описания преимущественно ее познавательных процессов, обращаясь, прежде всего, к психической деятельности, к структурам психической жизни. Фокус исследовательской аналитики сосредоточен на процессе познания (cognition), а также на связи между познанием и социальным поведением. Утверждается, что впечатления индивида о мире организуются в некоторые связанные когнитивные схемы, в результате чего образуются различные ожидания, верования, аттитюды, которые выступают регуляторами социального поведения личности. При этом когнитивные схемы, содержащие структурные группы понятий, включающие базовые знания о событиях и действиях, сценарии поведения, содержащиеся в прошлом опыте (Ф. Бартлетт), выступают и результатом, и средством познания (У. Найссер). В рамках этого подхода личность рассматривается как думающий субъект, способный понять значение ситуации, в которой ему приходится действовать и строить свое поведение в зависимости от этого понимания и в соответствии с ним.

В контексте когнитивной психологии репрезентации учитывают всю совокупность элементов ситуации и те задачи, которые необходимо решить личности, являясь по своей природе очень специфичными, детализированными и непечными. Репрезентация тут же модифицируется, если изменяется вся ситуация или те элементы, на которые раньше личность не фиксировала внима-

ние¹. С точки зрения когнитивистов существует различие между знаниями и репрезентациями, которое состоит в том, что знания должны быть активизированы для того, чтобы стать действенными, тогда как репрезентации являются действенными непосредственно. Представители когнитивизма полагают, что между этими двумя понятиями нельзя провести отчетливой границы, самым очевидным будет разделение декларативных и процедурных репрезентаций, каждая из которых сопряжена со специфическими процессами. Декларативные репрезентации обычно связывают с осознанными знаниями о мире, тогда как процедурные – с действиями и процедурами, остающимися не осознаваемыми личностью. Сторонники когнитивного подхода подчеркивают, что неправильно рассматривать ментальные репрезентации как объективную модель мира. Безусловно, они отражают определенные характеристики внешнего мира, но представляют собой внутреннюю субъективную модель этого мира. В более широком смысле репрезентации это теоретические средства, которые помогают исследователю делать выводы относительно таких довольно размытых обыденных понятий, как значение и знания². Репрезентационные системы могут моделировать узкую, специфическую область знания или визуального восприятия³, а могут представлять собой обобщенные семантические схемы⁴.

Еще одним важным положением когнитивистов является признание того, что конструирование репрезентаций направляется задачей, которая может относиться к разряду эпистемологических (сконструировать сеть связей для сохранения в памяти, имея в виду ее воссоздание) или прагматических (модифицировать существующую сеть связей, обогатить ее, переструктурировать). Продуктом такого рода репрезентаций является одновременная интерпретация целостной ситуации и задачи, а также приписывание разным элементам смыслов, сопоставимых одновременно с их истинными семантическими значениями и с целостной интерпретацией ситуации. Объектами, на которые опирается эта деятельность, являются элементы ситуации. Средства, с помощью которых конструируются репрезентации, могут быть трех видов: структуры знаний, существующие в памяти, которые служат рамкой для репрезентации (интерпретации); умозаключения, касающиеся существования объектов, приписывания свойств этим объектам; деятельности оценивания, которая позволяет верифицировать, насколько адекватны реализуемые действия требованиям задачи. Все перечисленные средства могут побудить личность к пересмотру репрезентации (интерпретации)⁵.

Представители когнитивного подхода совершенно обоснованно полагают, что репрезентации не являются реакциями на стимулы окружения, скорее

---

¹ Жан Франсуа Ришар. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., Институт Психологии РАН, 1998. - С. 5.

² George Jandler. Cognitive Psychology. Hillsdale; New Jersey London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1985. - p. 31.

³ Bobrow D. G., Winograd, T. An overview of Knowledge Representation Language. In: Cognitive Science, 1977, 1. - pp. 346.

⁴ Norman, D. A., Rumelhart, D. E. Explorations in cognition. San Francisco: Freeman, 1975. - p.33.

⁵ Жан Франсуа Ришар. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., Институт Психологии РАН, 1998. - С. 8-9.

это результаты взаимодействия с окружением. Это означает, что значения и смыслы, которые атрибутируются объектам, символам, людям, событиям, являются значениями и смыслами, которые личность создает посредством прошлого опыта, а не посредством перцептивных процессов. Именно прошлый опыт определяет значимые и важные ориентиры для личности. Соответственно, это подчеркивает решающую роль «рамки», «контекста», «значения» в когнитивной активности: все, что человек воспринимает и понимает, помещено для него в определенные рамки значений, подвергается своего рода «априорному означиванию»; нечто воспринимается и понимается человеком всегда уже из какой-то «предвосхищающей» схемы, позволяющей обрабатывать информацию тем или иным способом. На это же указывает С.Э. Поляков, подчеркивая, что модель репрезентации представляет собой единство апперцепции⁶.

Поскольку ситуации, в которых человек оказывается, достаточно изменчивы, то их перцепция или определение во многом зависит от личностных особенностей и ее прошлого опыта. Более того Л. Росс и Р. Нисбетт утверждают, что определение ситуации представляет собой результат активного взаимодействия личности и среды. По их мнению, субъективная интерпретация не является ни зеркальным отражением внешней ситуации, ни продуктом произвольного «конструирования реальности» познающим субъектом, а представляет собой результат именно взаимодействия между человеком и ситуацией⁷.

Начало исследований в этом направлении положил К. Левин разработкой теории поля как метода репрезентации мира, как системы представлений, позволяющих отразить психологическую реальность. Эти представления должны быть достаточно широки, чтобы применяться в отношении всех родов поведения, и в то же время достаточно специфичны, чтобы репрезентировать определенного человека в конкретной ситуации. К. Левин характеризовал теорию поля как «метод анализа каузальных отношений и построения научных конструктов»⁸. Он начал формулировать свои теоретические положения с триумфа о том, что поведение представляет собой функцию личности и ситуации, или функцию «жизненного пространства», включающего в себя как самого индивида, так и существующие в его психике представления об окружающей среде. К. Левин считает, что «научная психология всегда должна принимать во внимание целостную ситуацию, то есть состояние как человека, так и среды»⁹. При этом, как отмечает К. Левин, важно знать физические и социальные условия, потому что они ограничивают разнообразие возможных жизненных пространств – вероятно, как пограничные условия психологического поля¹⁰. Его принципиальная точка зрения на характер ситуации выражается следующим положением: «Описание ситуации должно быть скорее субъективным, чем объективным, т.е.

⁶ Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб: Питер, 2011. - 688с.

⁷ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. /Пер. с англ. В.В. Румынского, под ред. Е.Н.Емельянова, В.С. Магуна. – М.: Аспект Пресс, 2000. - С.12.

⁸ Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: «Сенсор», 2000. - С.16.

⁹ Левин К. Конструктивное представление ситуации. //Психология социальных ситуаций. Хрестоматия. Составитель Н.В. Гришина Н.В. - СПб.: Питер, 2001. - С.36.

¹⁰ Левин К. Психологическое поле. //Психология социальных ситуаций. Хрестоматия. Составитель Н.В.Гришина Н.В. – СПб.: Питер, 2001. - С.40.

ситуация должна описываться скорее с позиций индивида, поведение которого исследуется, нежели с позиции наблюдателя»¹¹.

Значения, которые человек реконструирует относительно объектов, людей, символов, событий или идей, соединяются в собственный уникальный «мир реальности», который включает в себя не только присвоенные знания, но и аффективно-ценностные отношения. Как считает Г. Кэнтрил, то, что человек воспринимает, является большей частью его собственным созданием и зависит от предположений, которые он привносит в данную ситуацию. Субъект придает значение и упорядочивает сенсорную информацию на основе «собственных потребностей и целей, и этот процесс отбора является деятельно креативным»¹².

Следовательно, первый период в исследовании репрезентаций был тесно связан с полемикой о том, в какой форме они «существуют» и о каких типах репрезентации может идти речь при их описании. Первоначально ментальная репрезентация описывалась в психологии как имеющая дело только с языковыми структурами. Язык трактовался как интериоризованная система знаний о языке, языковой компетенции, языковых умений и навыков, нередко к тому же интерпретируемая как система врожденных знаний.

Признание репрезентаций другого типа – образных – связано с именем А. Пейвио, в многочисленных работах которого была выдвинута теория двойного кодирования мира. Согласно А. Пейвио, все репрезентации могут быть дифференцированы на два вида – картиноподобные и языкоподобные¹³. Учитывая эту дифференциацию, в настоящее время говорят либо об аналоговых репрезентациях, которые сохраняют свое подобие оригиналу, либо о репрезентациях пропозициональных, имеющих аргументно-предикативную структуру. Заметим, что некоторые исследователи настаивают на доминантности и значимости именно второй формы хранения знаний, однако это мнение разделяется далеко не всеми.

Кроме этого исследователи различают аналоговые репрезентации, в большей или меньшей степени редуцированно изображающие фрагменты мира, и символические, условные, поскольку считается, что репрезентации – это особые когнитивные модели объектов и событий, воспроизводящие лишь часть сведений о них, иногда сведенную до конвенционального минимума. Совокупность вербальных репрезентаций определяется как ментальный лексикон, а совокупность всех репрезентаций обозначается как концептуальная система, или же концептуальная модель (картина) мира.

Наряду с данной классификацией по способу представления репрезентаций вводится также понятие «модальных» и «амодальных» репрезентаций. К первым относят все представления об ощущениях, а ко вторым – все символические, вербальные репрезентации¹⁴.

¹¹ Гришина Н.В. Психология социальных ситуаций. – СПб.: Питер, 2001. – 416с.

¹² Cantril H. Perception and Interpersonal Relations. In: Hollander, Edwin P., and Raymond G. Hunt (eds.) Classic Contribution to Social Psychology. New York: Oxford University Press/London: Toronto, 1972. - pp. 130 131.

¹³ Paivio A. Mental Representations. A dual coding approach. Oxford (Mass.): Oxford University Press. 1986. 322 p.

¹⁴ Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 1998. - 320 с.

Особое значение в анализе репрезентаций придается их генезису и происхождению у отдельного человека. Представители когнитивной психологии до сих пор дискутируют вопросы о том, с чего начинается формирование репрезентаций, существуют ли врожденные предпосылки их формирования или имеется уже сложившаяся врожденная система репрезентаций. Ярким представителем своеобразной компромиссной точки зрения по этому вопросу был Ж. Пиаже, выдвинувший идею о постепенном складывании разных типов репрезентаций по стадиям: сенсомоторной, образной, языковой¹⁵.

По мнению Р. Джекендоффа¹⁶, все репрезентации могут быть выведены на один уровень – уровень ментальных репрезентаций, уровень концептуальной структуры, где информация, полученная по разным каналам – сенсорная, моторная и т.п., оказывается сопоставима с информацией вербальной. Согласно экспериментальным данным, впервые полученным С.М. Косслиным¹⁷ ментальные операции с образными репрезентациями аналогичны тем, которые совершаются с вербальными репрезентациями. По всей видимости, переход от одних репрезентаций к другим не представляет для личности никаких трудностей. М. Анисфельд указывает, что языковые репрезентации активизируют в памяти человека связанные с ними концепты¹⁸.

М. Джонсон, противопоставляя свою концепцию «объективистским» теориям значения, в соответствии с которыми значение позиционируется как абстрактное отношение между символами и объективной действительностью, а концепты рассматриваются как четко определенные абстракции, утверждает, что субъективное познание и понимание мира основано на физическом, телесном опыте человека, тогда как многие абстрактные концепты являются расширением этих физических концептов. М. Джонсон употребляет термин образная схема (или образ-схема - *image schema*) для такой схематической структуры, с помощью которой организуется опыт. Его понятие образной схемы восходит к понятию схемы у И. Канта, но отличается от него. М. Джонсон определяет образную схему следующим образом: «Образная схема — это повторяющийся динамический образец (*pattern*) наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту»¹⁹. Совместно с Дж. Лакоффом он настаивает на том, что механизмом, при помощи которого понимаются абстрактные концепты, выступают метафоры, позиционируемые как концептуальные явления, основанные на сенсомоторном опыте (имеется в виду принципиальное для Дж. Лакоффа и М. Джонсона понятие концептов как принципов, организующих человеческое восприятие). Метафора основана скорее на соответствиях в опыте личности, чем на логическом сходстве. Метафора подразумевает понимание одной области через призму другой, ее можно трактовать, как перенос из области-источника в область-мишень, при

¹⁵ Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003.

¹⁶ Jackendoff R. *Semantics and cognition*. Cambridge (Mass), 1993.

¹⁷ Kosslyn S. *Image and mind*. Cambridge (Mass), 1980.

¹⁸ Anisfeld M. *Language and Development from birth to three*. Hillsdale, 1984.

¹⁹ Цит. по: А. Ченки. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. М., 2002. - С. 347.

этом область-источник обычно интуитивно понятнее, конкретнее, более известна через непосредственный физический опыт и легче передается от одного человека к другому. Можно сказать, что метафоры представляют собой переход от знакомого к незнакомому, от очевидного к менее очевидному. Важно заметить, что согласно данной теории, метафоры могут быть выражены разными способами — вербальным, невербальным, посредством культурных обычаев.

Исследование репрезентаций послужило поводом для сближения разных наук (психологии, философии, моделирования искусственного интеллекта, лингвистики и семантики) в рамках единой когнитивной парадигмы знания. Среди подобных исследований можно назвать теорию концептуальной метафоры и структурирования непредметного мира Дж. Лакоффа – М. Джонсона, кратко представленную выше. К таким теориям относится теория этнокультурной семантики ключевых культурных концептов А. Вежбицкой, согласно которой концепты рассматриваются как некие языковые способы категоризации действительности, как мысленные образования, необходимые исследователю для того, чтобы объяснить устройство окружающей действительности, концепт – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность»²⁰.

Помимо названных теорий к этому списку относится теория структурирования пространства и фонообразования Л. Талми, «ролевая» когнитивная грамматика Р. Лангакера, которые показывают связь знаний, заложенных в языке, с субъектом восприятия, познания, мышления, поведения и практической деятельности; преломление реального мира – его видения, понимания и структурирования – в сознании субъекта и фиксирование его в языке в виде субъектно (и этнически) ориентированных понятий, представлений, образов, концептов и моделей.

С перечисленными концепциями сближается еще целый ряд лингвистических исследований, авторы которых в той или иной степени разделяют установки когнитивной лингвистики, хотя и не входят в число когнитивистов: Т. ван Дейк, Дж. Хэйман, Т. Гивон. По их мнению, типичные схемы организации внутреннего мира говорящего, представленные в его картине мира, которая социально и этнокультурно обусловлена, но при этом индивидуальна по способу существования, представляют собой набор познавательных структур. В основе порождения и понимания речи лежат не только абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях – как в ментальных моделях, сценариях и фреймах, – но и личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Т. ван Дейк формулирует это таким образом, что люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нем, сколько о субъективных моделях явлений и ситуаций действительности. В связи с этим нам представляется уместным следующая цитата отечественного лингвиста и филолога Б. Гаспарова: «Уникальность жизненно-языкового опыта каждого из нас все время относит

---

²⁰ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. - С.263-305.

нас друг от друга»²¹. Тем не менее субъекты коммуникации понимают друг друга с той или иной степенью эффективности, а направленность на понимание выступает как фундаментальное условие человеческого общения. При этом успешное понимание осуществляется не только тогда, когда люди пытаются понять значение слов и словосочетаний в высказывании, но и прежде всего тогда, когда они сосредоточены на интенции собеседника, на том, что он хочет выразить, какое речевое действие производит.

Проблема когнитивных репрезентаций активно исследуется, не только в зарубежной науке (Дж. Андерсон, Р. Хаскелл, А. Пайвио, А. Невелл, Е. Шобен, Дж. Браун), но и в отечественной психологии (А.В. Брушлинский, Б.М. Величковский, В.Н. Дружинин, Е.А. Сергиенко, В.Д. Соловьев, М.А. Холодная Н.И. Чуприкова, Подпругина В.В., Блинникова И.В.²²). Заметим, что в отечественной психологии ментальная репрезентация изучается, прежде всего, как результат отображения, система сложившихся представлений, субъективное описание имеющегося опыта. Взгляд на ментальные репрезентации в таком ракурсе близок позициям психосемантического подхода²³, в рамках которого личность рассматривается как носитель сложной картины мира, которая включает представления о внешних объектах и психических явлениях. Так, например, Е.Ю. Артемьева указывает, что «значенческая репрезентация» психической реальности в сознании субъекта является столь же актуальной, что и проблема «содержательной» репрезентации психики²⁴.

М.А. Холодная под ментальными репрезентациями понимает актуальный умственный образ того или иного явления, то есть субъективную форму «видения» происходящего. Ментальные репрезентации являются оперативной формой ментального опыта, они изменяются по мере изменения ситуации и интеллектуальных усилий субъекта, являясь специализированной и детализированной умственной картиной события²⁵. Она указывает, что существуют два базовых требования к ментальной репрезентации:

1) ментальная репрезентация – это всегда порожденная самим субъектом ментальная конструкция, формирующаяся на основе внешнего контекста (поступающей извне информации) и внутреннего контекста (наличной у субъекта информации) за счет включения механизмов реорганизации опыта: категориза-

²¹ Гаспаров Б. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996. - С. 16

²² Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 1998. 320 с.; Подпругина В.В., Блинникова И.В. Ментальные репрезентации эмоций у учащихся общеобразовательной школы и школы искусств // Психол. журн. 2002. №3. С. 31-44; Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып.1. /Под ред Соловьева В.Д. М: Когито-Центр,2006. -249с.; Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. Т. 1. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — С. 298; Т.2.; Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып.2. /Под ред Соловьева В.Д. М: Когито-Центр,2008. -320с.; Когнитивные исследования: Проблема развития. Сборник научных трудов: Вып. 3 / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во ИП РАН», 2009. – 352 с.

²³ Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обычном сознании / В.Ф. Петренко. – М.: МГУ, 1983. – 177 с. Шмелев, А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А.Г. Шмелев. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 158 с.

²⁴ Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики /Под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.

²⁵ Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – М.: Изд-во «Барс», 1997. - С.98.

ции, дифференциации, трансформации, предвосхищения, перевода информации из одной модальности опыта в другую, ее селекции и т.д.;

2) ментальная репрезентация – это всегда в той или иной мере инвариантное воспроизведение объективных закономерностей отображаемого фрагмента реального мира»²⁶.

Репрезентация строится в процессе формирования поведения «здесь» и «сейчас». Они конструируются автоматически, бессознательно. В процессе построения используются фреймы содержащихся в памяти или систем знаний. Конструирование репрезентации, основанной на фрейме, включает в себя поиск подходящей репрезентации и модернизации ее согласно воспринятой информации. Способность генерировать репрезентации является врожденной и может совершенствоваться в процессе жизни²⁷.

Развитие ментальных структур осуществляется в направлении от форм глобальных и малодифференцированных к формам дифференцированным, иерархически упорядоченным и внутренне связанным. Соответственно важнейшим показателем зрелости ментальных структур на разных этапах онтогенетического развития является степень их дифференцированности и интегрированности. В качестве базовых свойств ментальных структур как моделей психического отражения можно выделить: репрезентативность, обобщенность, иерархичность, избирательность, активность, развитие.

Таким образом, ментальная репрезентация рассматривается в отечественных и зарубежных психологических теориях и определяется как результат познания или как способ познания реальности (т.е. формат, в котором осуществляется отражение). Если ментальная репрезентация рассматривается в качестве формата отражения, то она определяется как «структурные элементы системы переработки информации, к которым прилагаются некоторые операции» (Т.А. Ребеко). Формат ментальной репрезентации задается посредством структурных единиц и операций над ними, которые одновременно с этим являются единицами описания, относящимися к модели репрезентации. Развитие ментальных репрезентаций в онтогенезе проходит ряд уровней и приобретает иерархическую метаструктуру (амодальные, модальные системы репрезентаций) (А.В. Брушлинский, Т.А. Ребеко, Е.А. Сергиенко). Ментальная репрезентация как результат познания по смысловым характеристикам соотносима с понятием «образ», «оперативный образ», «представление», «информационная основа деятельности», «субъективный опыт», «категориальная структура сознания». Ментальная репрезентация имеет уровневую организацию (В.А. Барабанщиков, Б.Ф. Ломов, Н.И. Чуприкова); зависит от целей деятельности (обладает свойством оперативности) (Д.А. Ошанин, Ю.П. Поваренков, Ж.Ф. Ришар, В.Д. Шадриков); является элементом образа мира (О.Е. Баксанский, Е.Н.Кучер, А.Н. Леонтьев, В.В. Петухов, С.Д. Смирнов), зависит от предшествующего опыта (Е.Ю. Артемьева, У. Найссер); выполняет ряд функций, основными из которых являются регулирующая и прогностическая функции (Л.М. Веккер, У. Найссер).

²⁶ Там же, С.160.

²⁷ *Магазов С.С.* Когнитивные процессы и модели. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Исследования познания субъектом мира в данном направлении осуществляются на основании того, что когнитивные структуры, представленные в семантической памяти, являются не только репрезентативными, отображающими поступающую информацию, но и активными инструментами извлечения, анализа и структурирования информации об окружающей среде. Ментальная репрезентация дает возможность исследовать взаимодействие людей с миром путем изучения, избирательности, предпочтения, направленности субъекта к определенным аспектам взаимодействия²⁸, в ней переданы основные характеристики предмета отражения, познания – пространства, эмоций, психологических терминов²⁹.

В рамках когнитивной психологии интерес вызывает понятие личностный конструкт, введенное Дж. Келли. Личностный конструкт представляет собой абстракцию или обобщение из предшествующего опыта в виде классификационно-оценочного эталона, проверяемого личностью на собственном опыте. По мнению Дж. Келли, все личностные конструкты характеризуются биполярностью и дихотомичностью. Каждый конструкт имеет два противоположных полюса: эмерджентный (полюс сходства элементов конструкта) и имплицитный (полюс контраста). Для формирования конструкта необходимы, по крайней мере, три элемента (явления или предмета), два из которых должны быть похожими друг на друга, а третий – отличаться от них. Прогнозируя те или иные события, личность выделяет конструкты, которые кажутся релевантными, и выбирает («делает сложный выбор»), какой из полюсов релевантных конструктов будет применен. Основываясь на природе контроля, осуществляемого над элементами, Дж. Келли выделяет специфические типы личностных конструктов: упредительный, стандартизирующий входящие в него элементы; констелляторный, который может одновременно принадлежать различным областям, но является постоянным в своей области; предполагающий, оставляющий свои элементы открытыми для альтернативных конструкций и позволяющий личности усваивать новый опыт.

С точки зрения Дж. Келли, ведущие формальные свойства конструктов определяют их классификационные типы: 1) диапазон применимости, включающий в себя все события, при которых конструкт релевантен или применим, полагая при этом, что все конструкты имеют ограниченный диапазон применимости, хотя от конструкта к конструкту границы диапазона могут меняться;

2) фокус применимости конструкта, специфичный для применяющей его личности;

3) степень проницаемости конструкта, по которой конструкты могут различаться: проницаемый конструкт допускает в свой диапазон применимости

²⁸ Ментальная репрезентация: динамика и структура / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 1998. - 320 с.

²⁹ Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып.1. /Под ред Соловьева В.Д. М: Когито-Центр,2006. -249с.; Блинникова И. В., Сафуанова О. В. Психосемантика и процессы семантической обработки // Психология XXI века / Под ред. В. Н. Дружинина. — М.: ПЕР СЭ, 2003. — С. 268—291; Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. — М.:Изд-во Моск. УнЗта. — 1983. — 177 с.; Когнитивные исследования: Проблема развития. Сборник научных трудов: Вып. 3 / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во ИП РАН», 2009. – 352 с.

элементы, еще не проинтерпретированные в пределах его границ, а непроницаемый конструкт, охватывая явления, которые составляют его первоначальную основу, остается закрытым для интерпретации нового опыта. Степень проницаемости и непроницаемости конструктов относительна. Проницаемость относится только к области пригодности конструкта – конструкт по определению непроницаем для опыта, выходящего за диапазон применимости. В зависимости от особенностей применимости выделяются основные и периферические конструкты. По степени устойчивости и неизменности различаются также основные и ситуативные личностные конструкты. По особенностям диапазона выделяются всесторонние и частные конструкты. Конструкты могут быть жесткими, т. е. дающими неизменный прогноз, либо свободными, предполагающими вариативность при сходных условиях.

Важной для нашего анализа является идея Дж. Келли о том, совокупность личностных конструктов представляет собой систему, важнейшей характеристикой которой является ее относительная когнитивная сложность, выражающая количество составляющих систему единиц, их разветвленность и связь. Система формируемых личностью конструктов имеет сложную иерархию и множество подсистем. Поскольку конструкт не усваивается извне, а строится самим человеком, он всегда единичен и индивидуализирован. Система конструктов организуется в иерархическую структуру, в которой составляющие ее конструкты имеют либо доминантный, либо подчиненный статус. Конструкт может быть и совершенно независимым. Подчиняющие и подчиненные конструкты в системе одной личности не обязательно занимают такое же положение в системе другой. Чем более проницаемы и открыты подчиняющие конструкты личности, тем больше возможность изменения внутри структуры, в которую они входят. Если же у личности отсутствуют подчиняющие конструкты для интерпретаций и изменений, то она становится психологически ригидной.

Таким образом, в рамках когнитивизма конструкт «ментальная репрезентация» является базовым ключевым понятием. Когнитивная психология исходит из четкого разделения знаний и репрезентаций как постоянных структур и структур, связанных с обстоятельствами, но иногда сохраняется единый термин репрезентация для знаний, верований и собственно репрезентаций. В любом случае репрезентация исходит из значения замещения в противоположность референции. Она рассматривается в рамках «информационной» метафоры ментальной деятельности, представляющей попытку преобразовать и усложнить исходную схему «стимул — промежуточная переменная — реакция» и раскрывающейся, в основном, на уровне индивидуального сознания как конструкция, построенная в конкретном индивидуальном контексте для специфических целей.

1.2. Характеристика символических репрезентаций личности, ее социальных представлений и социально-перцептивных эталонов

Более глобальная картина функционирования репрезентаций личности в еще большем разнообразии их форм и типов представлена в концепциях, акцентирующих внимание на социальном аспекте понятия «репрезентация». В этом контексте возникает новая тематика и новая методология социального познания, связанная с исследованием языка, знака, знания, жизненного мира, конструирования социальной реальности, интерессубъективности и других феноменов, научный интерес к изучению которых был стимулирован интерпретацией понятия репрезентация как методологического принципа.

В рамках интеракционистской парадигмы (Дж.Г. Мид, Ч. Кули, И. Гофман, Г. Блумер) утверждается, что личность осмысливает реальность с помощью символов и, соответственно, продуцирует эти символы в процессе взаимодействия.

В центре внимания социального бихевиоризма Дж.Г. Мида находится активный разумный деятельный субъект, способный создавать и использовать значимые символы. Дж.Г. Мид полагает, что личность и социальное действие формируются с помощью символов, которые приобретаются в процессе социализации и взаимно подтверждаются или изменяются в ходе социального взаимодействия его участников. Ключевая идея Дж.Г. Мида состоит в том, что человек осваивает мир через символические значения, т.е. человек сам создает свой мир и овладевает им через совместные действия и деятельность с другими людьми. Дж.Г. Мид вводит различие между *знаками* – смысловыми стимулами, вызывающими инстинктивные реакции; *жестами*, выражающими определенный смысл, обеспечивающими социальную коммуникацию и доступными различными интерпретациям в той или иной конкретной ситуации (отношения, позиция, социальные установки, социальные действия) и *значимыми символами*, выходящими за пределы конкретной ситуации и содержащими общий, обобщенный смысл. Более того существует пространство общих значимых символов, на основании которых возможна социальная коммуникация. Дж.Г. Мид пишет: «Значимыми символами называются знаки и символические жесты, вызывающие у другого индивида то же самое представление о присущих им значениях, что и у первого, и поэтому вызывающие одинаковую реакцию»³⁰. Язык представляет собой систему значимых символов, является развитой формой коммуникации, в нем накапливается коллективный опыт общества, он выступает носителем интерессубъективного знания, снабжая личность схемами истолкования ситуаций.

Следовательно, в социальной коммуникации символы являются знаками, выступающими основой для интерпретации ситуации, обозначения намерений актора и прогнозирования его действий. Способность рассматривать ситуацию с позиции другого человека Дж.Г. Мид называет «принятием роли другого»,

³⁰ Цит. по Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб: Алетейя, 2000. - С.19.

подчеркивая, что способность к принятию роли другого предоставляет личности стратегические преимущества. Вводя этот теоретический конструкт, Дж.Г. Мид пытается привлечь внимание к тому, что участники социального действия взаимно ограничивают свои позиции и перспективы, причем без взаимного ограничения перспектив социальное взаимодействие вообще было бы невозможно. Понимание перспектив и ролей развертывается не только на межличностном уровне, но и на уровне отдельной личности, ибо «когда человек говорит что-либо другому человеку, он одновременно говорит это и самому себе»³¹.

Таким образом, Дж.Г. Мид постулирует, что социальное действие не может объясняться только соблюдением присвоенных норм, а всегда содержит интерпретацию не только этих норм, но и условий социального действия. Актеры не просто обладают статусами с четко определенными правилами и ролевыми ожиданиями, а устанавливают смысл и значение каждой социальной роли в зависимости от личной оценки ситуации, специфических возможностей проявления роли в ситуации и от того, как сказывается на социальном взаимодействии общее определение ситуации всеми ее участниками.

Продолжая традицию Дж.Г. Мида, Г. Блумер утверждает, что действующие субъекты создают в ходе социального взаимодействия общие символы, на которые затем ориентируются, подтверждают их, изменяют и переопределяют своими действиями. Благодаря взаимной интерпретации социальных действий непрерывно создается смысл социального взаимодействия и общее определение ситуации взаимодействия. Субъекты совершают действия не только потому, что ведут себя функционально по отношению к структурным условиям, но и потому, что они придают этим условиям значения и тем самым создают эти условия. Следовательно, сторонники символического интеракционизма акцентируют внимание на процессе формирования значений социальных действий, которые являются социальными продуктами и создаются через определение ситуации и социальное действие. Важной для нас является еще одна идея Г. Блумера, согласно которой внутренняя коммуникация любого участника интеракции является реакцией на внутреннюю коммуникацию любого другого участника. Г. Блумер настаивает на том, что интеракция представляет собой не условие социального поведения и социального развития, а выступает процессом, который сам формирует поведение личности. Он подчеркивает, что значения объектов (физических, социальных, абстрактных) может быть различным. В этой связи он замечает: «Человек понимает значение объектов по сути дела благодаря способам, с помощью которых другие лица, с которыми он взаимодействует, определяют для него это значение»³². В соответствии с этим значение объектов заложено не в самих объектах, а в их определениях, которые действующие люди взаимно демонстрируют друг другу. Личность интерпретирует объекты, придает им то или иное значение и организует свои действия на основе интерпретации. Человек способен приписывать вещам значения и тем самым создавать свой символический мир. Г. Блумер утверждает, что существует раз-

---

³¹ Там же, С.26.

³² Там же, С.55-56.

личие между окружающей средой и миром символических значений. Социальное действие можно понять, лишь учитывая процесс социальной интерпретации со стороны действующего субъекта, более того, по Г. Блумеру, интеракция и есть интерпретация.

Идея социальной обусловленности репрезентаций отчетливо артикулируется в работах представителей социального конструктивизма (А. Шутц, П. Бергер, Т. Лукман), согласно которым конструирование социальной реальности происходит посредством репрезентаций, производимых в мире повседневности.

А. Шутц ставит вопросы о том, как конституируется смысл в отношениях между действующим субъектом и другими людьми, и в чем смысл социального действия. Он полагает, что социальный опыт возникает вместе с новой ситуацией, «опыт есть воплощение совокупности всего рефлексивного использования собственного Я в его текущих переживаниях»³³. Через установление связи с тем, что уже есть в опыте, формируется смысл как нечто лежащее вне самих феноменов или явлений. Сравнение наличного опыта с предшествующим представляет собой процесс конституирования и конструирования социальной реальности, а в течение жизни складывается субъективная система релевантностей личности. По существу А. Шутц говорит о повседневных личностно окрашенных представлениях, под которыми понимается содержание здравого человеческого рассудка, и которые являются своего рода конструкцией, способствующие тому, что человек упорядочивает окружающую действительность. А. Шутц подчеркивает, что в конструировании многое зависит от особенностей индивидуального сознания, накопленного опыта, но и они отражают уже имеющийся социальный порядок. Человек приобретает социальный опыт и превращает его в типичный опыт, содержащийся в запасе знания, с помощью которого он создает свой субъективный мир и одновременно постигает себя в качестве части социального мира, который является общим с другими людьми и в котором уже накоплено общеобязательное знание, задающее определенные рамки мышления и поведения и определяющее единство и солидарность в восприятии внешнего мира.

В центре внимания П. Бергера и Т. Лукмана также находится повседневное знание, которое задает структуру смыслов и значений и является «фабрикой значений, без которых не может существовать ни одно общество»³⁴. Они считают, что «истоки любого институционального порядка находятся в типизации совершаемых действий, как наших собственных, так и других людей»³⁵. Действия, которые повторяются в определенных ситуациях, узнаются как таковые и ожидаются в сходных ситуациях. Это означает типизацию ожидаемых действий индивидов. При возникновении коллективного знания о «взаимных типизациях поведения», можно говорить о социальных ролях. Знание ролей подобно «ненаписанному сценарию драмы», в которой участвуют все члены общества. Играя роли, индивиды становятся участниками социального мира. Ин-

³³ Там же, С.76.

³⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. - С.31.

³⁵ Там же, С.120.

тернализировав эти роли они делают этот мир субъективно реальным для себя»³⁶. П. Бергер и Т. Лукман выделяют четыре уровня легитимации: первый – дотеоретический – представляет собой то, «что знает каждый» – первичные знания – это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, ценности и верования, мифы и тому подобное...»³⁷. Второй уровень легитимации образуют теоретические утверждения в рудиментарной форме: эти обоснования «весьма прагматичны, непосредственно связаны с конкретными действиями. Пословицы, нравственные императивы, народная мудрость, сказки, легенды, часто передаваемые в поэтической форме, – примеры этого уровня»³⁸. Третий уровень – это явные теории легитимации, которые относятся к институциональным секторам и представляют собой «дифференцированную систему знания». Четвертый уровень легитимации социального порядка представляют собой символические универсумы, которые объединяют разрозненные смысловые области. П. Бергер и Т. Лукман пишут: «Теперь же все сектора институционального порядка интегрированы во всеобъемлющую систему отсчета, которая составляет универсум в буквальном значении слова, так как любой человеческий опыт теперь можно понять как имеющий место в его пределах»³⁹.

Следовательно, социальный конструктивизм понимает ментальные процессы в виде результатов межличностного символического взаимодействия, а понятие «репрезентация» интерпретируется как ментальное образование, имеющее, прежде всего, социальное происхождение. Информационная метафора когнитивизма рассматривается не столько как дополняющая теорию социальных смыслов, сколько как являющаяся частью и результатом социального творчества в конкретных исторических и культурных обстоятельствах. Социальный конструктивизм исходит из фиксации кризиса репрезентаций, возникшего вследствие традиционного представления об истинности — ложности когнитивных репрезентаций, основанных на соотношении с «объективной реальностью», и на позитивистских представлениях об объективности научного знания. Таким образом, толкования репрезентаций в феноменологической и психологической традиции пересекаются и согласуются на основании конструктивизма в понимании социальных феноменов.

Дальнейшее исследование проблематики репрезентаций продемонстрировало недостаточность конструктивистского решения. Конструктивизм не позволяет провести четкое различие структур (объективированные результаты социального конструирования) и действий (актуальные практики), а также прояснить механизмы опосредования между этими двумя феноменами, что и относит их к онтологически разным областям явлений. В проекте П. Бергера и Т. Лукмана происходит своеобразная «экспансия» повседневности, принимающая на себя роль «естественного центра» репрезентаций, относительно которого производятся определения социальной реальности, и который задает все другие реальности на основе дифференцирующих критериев. Иницируемая понятием

³⁶ Там же, С.123.

³⁷ Там же, с.109.

³⁸ Там же, С.155.

³⁹ Там же, С.157.

«репрезентация» проблема соотношения объективных структур и субъективных практик обретает иное решение при привлечении постструктуралистской концепции полей П. Бурдьё.⁴⁰ Посредством введения понятий «поле», «позиция», «габитус» П. Бурдьё «децентрирует» репрезентации, освобождая их производство от непосредственной связи с повседневным жизненным миром. Репрезентации фиксируются как таковые и соотносятся с позициями агентов в структурированном социальном пространстве (поле), специфические характеристики которого накладывают ограничения на производимые в данном поле репрезентации. Сохраняя тезис о конструировании социальной реальности в процессах номинирования социальных объектов, П. Бурдьё показывает, что натурализация социальных репрезентаций, то есть их приведение к форме презентации, является необходимым условием производства конкретного дискурса в каком-либо поле. Существующие значения понятия «репрезентация» в сжатом виде могут продемонстрировать множественность способов и уровней его употребления. Понятие «репрезентация» в данном контексте охватывает три основных значения: представление или образ, репродукция презентации или повторение, замещение и, соответственно характеризуется тремя основными функциями:

- репрезентация как представление и есть собственное место идеальности;

- репрезентация с необходимостью участвует в структуре повторения: означающее должно быть узнаваемым, но, так как достижение идеальной идентичности нереально, простой акт повторения одного и того же заменяет презентацию репрезентацией. Сохранение дискурсов тождественности и идентичности, в которых факт определяется как равный себе, чем и задается возможность его «объективности», инициирует игру различия презентации и репрезентации. Таким образом, репрезентация занимает место презентации и претендует на его статус в социальной онтологии, т.е. репрезентации, по определению опосредованные и сконструированные (представляют собой артефакт), занимают место презентации, по определению непосредственной и естественной;

- замещение как еще одна функция репрезентации вовлекается в процесс бесконечной репрезентации, демонстрируя неполное присутствие с различных сторон или перспектив. В определенном смысле, разрыв отношения презентация — репрезентация уничтожает понятие «репрезентация» как таковое, так как определение репрезентации и ее значения в круге «бесконечной репрезентации» переводит неоднородность презентации и репрезентации на уровень номинации феномена в качестве одного или другого. Перевод такого рода не только подрывает исторические корни и традицию употребления обоих понятий, основанных на принципиальном (различие онтологического статуса) разведении указанных феноменов, но и снимает само «различие» репрезентации и презентации. Снятие различия обращает «в ничто» (Ж. Деррида) саму репрезентацию, конституированную ее отличием от презентации.

---

⁴⁰ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

Таким образом, если исторически первое толкование репрезентации соотносит это понятие с понятием знака, определяя и первое, и второе в модусе деривации (отклонения) как вторичные относительно присутствия, то и современные научные представления на этот феномен соединяют репрезентацию со знаком. Деконструкция понятий «присутствия», «тождества» и «истины» помещает любое возможное определение в ситуацию «репрезентационного круга». В такой ситуации наиболее естественный ход — к поискам абсолютной инаковости: бессознательного, избавленного от необходимости какой-либо репрезентации, или Другого, когда «присутствие» переходит в «присутствующего», или к балансированию на грани различия как различения.

Исследование функционирования различных типов репрезентаций в культуре и обществе традиционно отсылает к понятию «коллективные представления» Э.Дюркгейма. Именно французская школа социального познания внесла важный вклад в изучение этого феномена. В середине 1960-х С.Московичи, основываясь на символической (знаковой) и социальной интерпретации понятия репрезентация, использует термин «социальное представление», наполняя его глубоким социально-психологическим содержанием. Он считает, что социальные представления создаются коллективно и коллективно поддерживаются, и пишет: «Что происходит с каждым из нас, когда мы социализуемся? Происходит то, что мы постепенно научаемся понимать действия или ситуации определенным способом внутри нашей культуры. Тогда мы становимся способны согласовывать свою деятельность с деятельностью прочих членов нашей культурной группы и участвовать в передаче этих культурных значений тем, кто связан с нами. Таким образом, значения событий не создаются индивидом, но культурно совместно используются как социальные представления»⁴¹. С.Московичи определял социальные представления как когнитивные системы, обладающие собственным языком и логикой, в них содержатся идеи, мысли, образы и знания, которые коллективно разделяются членами общества. Это свойство представлений дает возможность более или менее объективного анализа репрезентации социальных явлений членами той или иной группы⁴², это набор понятий, убеждений, объяснений, берущих начало в повседневных межличностных коммуникациях, особый способ приобретения и передачи знания, благодаря чему создаются реальность и здравый смысл. Эти когнитивные системы, упорядочивающие образ мира, социальны как с точки зрения своего генезиса, так и в содержательном отношении⁴³. По его мнению, формы физического и социального окружения фиксируются в представлениях, а сама личность приобретает некую устойчивую «форму» в соответствии с социальными представлениями, поскольку у нее нет иного способа общения с миром, как только посредством уже существующих или вновь создаваемых

⁴¹ Цит по: Smith, Peter B., Michael H. Bond (eds.) *Social Psychology. Across Cultures. Analysis and Perspectives*. N. Y., ets., Harvester Wheatsheaf, 1983. - pp 84 - 85.

⁴² *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // *Психологический журнал*. Т.16. №1. 1995. - С.3-18.

⁴³ Цит. по Якимова Е.В. *Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы*. М: ИНИОН, 1999. – 115с.

представлений: социальные представления «обуславливают опыт», события, людей, с которыми соприкасается личность, и они же «предписывают» личности, что и как именно надлежит ей мыслить. С. Московичи считает, что необходим глубокий анализ субъективных представлений, из которых во многом складывается представление групп, но к которым это представление не сводится. Он исходит из того, что социальные представления как «системы, обладающие особым языком, логикой и структурой импликаций, системы, касающиеся как ценностей, так и понятий», относятся к той области психического, которая самым непосредственным образом определяется социальными условиями жизни индивида. Категория социального представления, по С. Московичи, отличается от категории коллективного представления, прежде всего своим назначением: «речь идет о понимании не традиций, а инноваций. Не уже устоявшейся социальной жизни, а жизни в ее становлении»⁴⁴. Социальные представления социальны потому, что в них представлен именно социальный срез реальности, они общезначимы для многих индивидов и создают общее пространство повседневности, детерминирующее поведение людей.

С. Московичи полагает, что формирование представлений является психологической необходимостью социальной жизни. Будучи с одной стороны достаточно устойчивыми, а с другой стороны, подвижными когнитивными образованиями, социальные представления создают возможность быстрой переориентации индивида в изменяющейся действительности, особенно в условиях неполной или неоднозначной информации о воспринимаемом объекте. Подвижный характер и пластичность социального представления делает его незаменимым звеном в исследовании изменений обыденного социально-психологического знания. Вместе с тем подобное акцентирование общественной сущности социального представления требует и большей определенности в квалификации того, в чем эта сущность конкретно выражается⁴⁵. С. Московичи достаточно ясно формулирует свою позицию по этому вопросу: «Если наши представления социальны, то это не только в силу их общего объекта, и не только потому, что они разделяются многими. А скорее потому, что они являются продуктом разделения труда, которое и сообщает им определенную автономность»⁴⁶.

Процесс формирования социального представления имеет особое значение для понимания конструктивистской сути теории С. Московичи. Это процесс состоит из множественных актов человеческого взаимодействия. Он пишет: «Представляя себе какую-нибудь вещь или понятие, мы не формируем о них исключительно наших собственных идей и образов. Мы генерируем и передаем нечто такое, что постепенно было выработано в бесчисленных местах и в соответствии с самыми разнообразными правилами. Именно в этих границах можно говорить о том или ином явлении как о социальном представлении. Это понятие современно по своей природе, так как в нашем обществе оно заменяет

⁴⁴ *Московичи С.* От коллективных представлений – к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т.1. №2. С. 94.

⁴⁵ *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М: ИП РАН, 2006. - С.104.

⁴⁶ *Московичи С.* От коллективных представлений – к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т.1. №2. - С. 94.

собой мифы, легенды и повседневные формы мышления, бытующие в традиционных обществах»⁴⁷. Представления выступают в роли теорий, объясняющих окружающий мир в контексте определенной когнитивной структуры. Отличительной чертой этой структуры является трансформация собственно информационных элементов в «репрезентативно-образные», сопровождающаяся превращением описания в объяснение.

Структура представления по С.Московичи включает три компонента: информацию (сумма знаний об объекте представления), установку и поле представления (характеризующее внутреннюю организацию элементов представления). Именно эти три компонента пополняются как в ходе социализации, так и в повседневном жизненном опыте. Установка представляет собой интериоризацию того, что уже взято и получено как от поля, созданного в группе, так и из собственного опыта. Поле представления формируется непосредственно в группе, где определяется общая смысловая рамка, в которую помещается новая информация, а также диапазон возможных интерпретаций того или иного понятия.

Согласно С. Московичи, динамика социальных представлений обыденного сознания включает ряд фаз: персонификацию (ассоциирование объекта представления с конкретными личностями), образование фигуративной схемы представления (визуально-репрезентируемой ментальной конструкции) и натурализацию (оперирование в обыденном сознании элементами фигуративной схемы как автономными объективными сущностями). Социальное представление имеет дело с двумя основными процессами: объектификация, предполагающий перевод абстрактного представления в конкретное, и анкеровка (укоренение), влекущее за собой категоризацию нового объекта в познавательных структурах, с целью минимизации признаков незнакомого объекта до уровня обычного набора признаков в привычном контексте. По мнению Г.Г. Дилигенского, в процессе укоренения вновь сконструированных социальных представлений происходит их взаимосогласование с теми, которые существовали в психике субъекта ранее, что обычно требует каких-то модификаций этих более старых представлений и всей системы в целом. Тем не менее, субъект может располагать различными, в том числе и противоречащими друг другу, представлениями, которые актуализируются в зависимости от тех или иных ситуаций, но которые объединяются хотя бы одним элементом⁴⁸.

Формирование и динамика изменений социальных представлений может рассматриваться в аспекте возрастной динамики и динамики организации знаний у взрослых людей в повседневной коммуникации, причем последнее достаточно полно изучено. Незнакомые объекты и явления, первоначально недоступные «здравому смыслу», включаются в сеть повседневных коммуникаций и ткань социальных представлений через посредство зацепления и объективации. В основе выделения этих процессов лежит убеждение в стремлении каждого человека избегать неизвестности и конструировать внутренне непротиворечи-

⁴⁷ Там же. С. 94.

⁴⁸ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология М: Наука, 2002. - С.29.

вую систему знаний. Под зацеплением понимается процесс классификации и присвоения имен (номинации) незнакомым объектам, которые сличаются с имеющимися и доступными в данной культуре категориями. В случае высокого сходства с имеющимися категориями новая информация непротиворечно включается в структуру социальных представлений, в ином случае структура социальных представлений трансформируется.

Механизмами формирования и закрепления социальных представлений выступают категоризация и наименование, язык и память. Социальные представления способствуют формированию социальной (групповой) идентичности, восприятию себя элементом социальной системы, у членов которой общее мировоззрение, общий взгляд на мир⁴⁹.

По С. Московичи, представления выполняют три функции:

✓ инструментальную (социальное представление является инструментом познания социального мира), при этом его роль аналогична роли обычных категорий, с помощью которых индивид описывает, классифицирует, объясняет события⁵⁰;

✓ опосредования поведения (социальное представление призвано участвовать в процессах формирования поведения и ориентации социальных коммуникаций). Представление трактуется как независимая переменная, детерминирующая поведение. Во внутригрупповом межличностном взаимодействии социальные представления «определяют поле возможных коммуникаций, ценностей или идей, представленных в разделяемых группой точках зрения, и тем самым направляют и регулируют желаемое поведение;

✓ адаптационную, поскольку социальное представление является средством адаптации совершающихся событий к уже имеющимся, т.е. оно способствует сохранению сложившейся картины мира»⁵¹.

С. Московичи выделяет три группы представлений:

1) руководящие представления, которые разделяются всеми членами группы и являются обязательными (принудительными) для членов группы;

2) освобожденные, эмансипированные представления выступают результатом знания той или иной малой группы;

3) полемические представления, которые возникают в ходе конфликта или противоречия, обусловлены антагонистическими отношениями между членами группы⁵².

Следовательно, в контексте теории социальных представлений оформились следующие направления их анализа:

- социальное представление рассматривается на уровне индивидуальной картины мира как феномен, минимизирующий рассогласование между привычным и новым содержанием, адаптирующий последнее к уже имеющимся сис-

⁴⁹ Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. - 128 с

⁵⁰ Андреева Г.М. Психология социального познания. М: Аспект Пресс, 2005. - С.218.

⁵¹ Там же, С.218.

⁵² Moscovichi S Notes towards a description of social representation // Journal of Social Psychology, 18. 1988. - pp. 211-260.

темам представлений, с помощью «моделей закрепления» и превращающий новое содержание в «свое», обычное, банальное⁵³;

- социальное представление выступает на уровне малой группы как феномен рефлексивной активности во внутригрупповом взаимодействии;

- социальное представление на уровне межгрупповых отношений понимается как элемент рефлексивных отношений между группами, детерминированный, с одной стороны, общими социальными факторами, с другой — специфическими ситуативными особенностями интеракций;

- на уровне больших социальных групп создан подход к изучению элементов обыденного сознания.

Таким образом, социальные представления одновременно являются и продуктом и процессом: они позволяют описать, классифицировать и объяснить объекты социальных изменений и в тоже время, они позволяют людям перерабатывать информацию из внешнего мира. Благодаря этому формируются и закрепляются привычки, лишняя информация не воспринимается. Человек видит окружающий мир не таким, каков он есть на самом деле, а «сквозь призму собственных желаний, интересов и представлений»⁵⁴.

Для С.Московичи ценность понятия «социальное представление» состоит в том, что оно позволяет свободно переходить с индивидуального аналитического уровня на социальный и, наоборот, выступая, своего рода «стратегической серединой». Применение этого конструкта позволяет реализовать особый психо-социологический подход и делает ненужной существовавшую до сих пор дихотомию индивидуального и коллективного аспектов социального анализа.

Представления имеют двойную направленность: они коренятся в культуре, языке и истории, что отражает тенденцию к стабильности; они связаны с социальными, политическими и экономическими изменениями, характерными для групп, выработавших представления, что отражает тенденцию к изменению.

В последние десятилетия проблема социальных представлений стала одной из центральных в социально-психологических исследованиях, а в современной социальной психологии существует мнение о том, что социальное представление является феноменом, наиболее подходящим для изучения сознания личности, групп и общества в условиях социальных изменений (К.А. Абульханова, Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, А.А.Бодалев, А.И. Донцов, Т.П. Емельянова, С. Московичи, Л.А. Петровская, З.И. Рябикина, Р.М. Шамионов).

В теоретической плоскости проблемы социальных представлений идут дискуссии относительно базовых положений концепции, методологии и методов исследования, а также возможностей использования полученных эмпирических данных. Исследователи обращают внимание на двойственность статуса

---

⁵³ Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии // Вопросы психологии. 1984. N 1. С. 147-152.; Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. - 128 с.

⁵⁴ Донцов, А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии / А. И. Донцов, Т. П. Емельянова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С.54.

концепции социальных представлений – как социально-когнитивистской и социально-конструктивистской⁵⁵.

Изучая социальные представления в условиях трансформации российского общества, Т.П.Емельянова определяет социальные представления как элементы общественного сознания, в которых на уровне здравого смысла взаимодействуют различные идеологические взгляды, убеждения, знания, в совокупности составляющие и объясняющие социальную реальность. По мнению Т.П.Емельяновой, наиболее значимой функцией социальных представлений является познание. Социальные представления обеспечивают описание, классификацию и объяснение социальной реальности, которая воспринимается человеком сквозь призму собственных желаний и интересов. Другая функция заключается в адаптации совершающихся социальных фактов, явлений политического, научного плана к уже сформировавшимся, ранее существовавшим взглядам, мнениям и оценкам. Еще одна функция социальных представлений состоит в опосредовании, регуляции поведения⁵⁶.

Рассмотрим определение социального представления Д. Жодле: «Категория социального представления обозначает специфическую форму знания, а именно, знание здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены. В более широком плане социальные представления – это атрибуты обыденного практического мышления, предназначенные для освоения и осмысления социального, материального и идеального окружения. Организация их содержания, ментальных операций и логики характеризуется рядом специфических особенностей. Социальная детерминированность содержания и самого процесса представления предопределена контекстом и условиями его возникновения, каналами циркуляции, наконец, функциями, которым оно служит во взаимодействии с миром и другими людьми»⁵⁷. Т.П. Емельянова совершенно справедливо отмечает, что определение Д.Жодле относит представление к числу форм и способов обыденного познания, познания здравого смысла, спонтанным, наивным, практическим познанием⁵⁸. Процессы возникновения и конструирования представлений происходят в соответствии с определенными социально-психологическими закономерностями. Некоторые авторы даже предполагают, что группы, формируя социальные представления, реализуют определенные цели: «В той или иной степени, в которой социальные группы являются создателями социальных представлений, их форма и развитие не будут контролироваться простыми внутриличностными или даже межличностными процессами якорения и объективации. Форма будет служить целям группы»⁵⁹.

⁵⁵ Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М: ИП РАН, 2006.

⁵⁶ Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22, N 6. - С. 39–47.

⁵⁷ Цит. По Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М: ИП РАН, 2006. - С.102-103.

⁵⁸ Там же, С.104.

⁵⁹ Breakwell G.M. Social representation and social identity //Papers on social representation. 1993. V.2 (3). - P.200.

Модель социального представления позволяет провести сравнительный анализ представлений, существующих в разных социокультурных и профессиональных группах, но не объясняет механизмов формирования и функционирования социальных представлений. Будучи формой коллективного знания, они строятся на основе информации, оценок, знаний, получаемых с помощью различных социальных институтов, однако их главной характеристикой остается «включенность в решение повседневных задач обыденной жизни»⁶⁰.

Ж. Абрик конкретизирует структуру социального представления, включая в нее центральное ядро, представляющее обязательную комбинацию основных компонентов, связанных в определенном порядке и привязанных к ряду ценностей и групповых норм, и периферические элементы, посредством которых представление ясно сформулировано в зависимости от контекста, т.е. центральное ядро связано с коллективной памятью и историей группы, тогда как периферическая система обеспечивает интеграцию индивидуального опыта каждого члена группы, поддерживает ее гетерогенность и допускает дифференциацию содержания, защищая центральное звено от внешних воздействий⁶¹. Ж. Абрик подчеркивает, что ядро является стойким к изменению, в то время как периферические элементы подвержены влиянию изменяющегося контекста.

Выделение центрального ядра основывается на гипотезе Московичи о наличии в каждом представлении ригидных, архаичных элементов – «тем». Это базовые идеи, которые направляют и ограничивают когнитивный поиск подобно схемам. Это достаточно стабильное центральное ядро организует другие элементы, определяет смысл социальных представлений и возможности его изменения, т.е. выполняет организующую и генерирующую функции (Л. Молинали). Содержание ядра обусловлено историческими, социальными и идеологическими условиями существования группы. Оно состоит из знаний особого свойства – нормативных, основанных не на фактах, а на ценностях, и поэтому не может быть изменено без угрозы существованию социальному представлению. Выделение центрального ядра репрезентации основывается на следующих количественных критериях: 1) уровне согласия мнений членов группы о важности данной характеристики объекта представления, 2) оценке необходимости характеристик для определения объекта. Впрочем, эти критерии недостаточны для определения центральных элементов из-за различной социальной динамики в группах. Элементы центрального ядра активируются в различной степени в зависимости от ситуации. Изменчивость в активации центральных элементов в процессе функционирования социальных репрезентаций во многом определяется типом механизма «зацепления», используемого группой. Если центральное ядро является наиболее согласованной, основанной на консенсусе частью репрезентации, то периферическая область призвана объяснить индивидуальные различия в процессе репрезентации. Она более изменчива, чем центральное ядро, и потому дает возможность интегрировать различные информации и прак-

⁶⁰ Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М: ИП РАН, 2006. С.107

⁶¹ Abric J. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations / Papers on social representation. 1993. V.2 №2. - Pp.75-78.

тики. Она состоит из когнитивных схем и является опосредующим звеном между репрезентацией и реальностью.

Таким образом, для современного периода развития концепции социальных представлений характерно выделение двухслойной структуры социальных представлений, состоящей из ядра и периферии (J.C.Abric). Центральное ядро образовано одним или несколькими элементами и является достаточно стабильным. Т.П.Емельянова уточняет, что для своеобразной защиты центрального ядра появляются периферийные элементы, которые обладают большей гибкостью для изменений и меньшей значимостью для стабильности социальных представлений, обеспечивая их запуск. В силу многоступенчатой защиты центрального ядра социальные представления являются достаточно стабильными и стойкими к изменениям, что обуславливает длительность процесса формирования новых представлений⁶². Социальные представления как элементы общественного сознания формируются и трансформируются в процессе коммуникативного взаимодействия, познания субъектом социальной действительности, а характерной особенностью социальных представлений выступает относительная динамичность. Близкую позицию занимают психологи, разрабатывающие проблематику социальной психологии знания. По их мнению, социальным является не только межличностное, но и внутриличностное знание как следствие обмена верованиями и интерпретациями мира, социальными являются факты внутреннего мира, поскольку их значения зависят от сконструированных прежде культурных концептов и категорий, в терминах которых этот опыт выражается⁶³.

Идеи когнитивизма и конструктивизма в анализе социальных представлений принимаются и отечественными учеными (В.Ф. Петренко⁶⁴, Г.М. Андреева, И.С. Клецина). Кроме того, продуктивным является подход, в рамках которого социальные представления выводятся из социально-психологических отношений и рассматриваются наряду с психическими и психологическими отношениями (В.Н. Панферов, В.Н. Куницына).

Еще одним интересным для нас понятием, введенным в научный лексикон в школе А.А. Бодалева, является понятие социально-перцептивный стиль личности и социально-перцептивный эталон. Под социально-перцептивным стилем личности понимается относительно устойчивая индивидуальная система приемов и способов восприятия и оценки личности партнера по общению. Считается, что в процессе взаимодействия с другими людьми у каждого человека со временем формируется свой индивидуальный социально-перцептивный эталон, являющийся результатом соотнесения индивидуальных межличностных представлений-оценок и исходов взаимодействия с наиболее распространенными социальными стереотипами. Утверждается, что социально-перцептивный стиль в содержательном плане представляет собой результат интериоризации

⁶² Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22, N 6. - С. 39–47.

⁶³ Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН РАН, 1999.

⁶⁴ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб: Питер, 2005. – 480с.

социальных стереотипов в процессе повседневного общения и совместной деятельности с другими людьми, а в плане технологическом является реализацией в конкретных действиях восприятия и оценки партнера по общению сложившегося социально-перцептивного эталона. Источниками формирования социально-перцептивного эталона выступают два вида информации: общеосведомительная (информация о внешних и внутренних устойчивых особенностях других людей, которая накапливается и сохраняется длительное время и используется при выработке общего подхода к оценке людей и их действий) и оперативно-регулятивная (формируется при взаимодействии с конкретными людьми в данный момент при решении определенной задачи). С ростом степени знакомства с конкретным человеком, группой, типом и категорией людей удельный вес использования оперативной информации снижается, уступая место информации общей, более устойчивой и обобщенной. Существенной для нас является идея о том, что социально-перцептивный эталон формируется, в том числе, и в процессе познания человеком самого себя, являющегося условием атрибутивных действий по отношению к другим людям. При этом, по мнению Петровской Л.А., основными источниками самовосприятия являются восприятие себя 1) через соотнесение (идентификацию, различение) себя с другими, предоставляющее возможность в случае установления идентичности в каких-то отношениях использовать Другого в качестве некоторой модели самого себя, удобной для анализа и наблюдения в силу ее внешней заданности и объективированности; 2) через восприятие себя другими, опираясь на межличностную обратную связь; 3) исходя из результатов собственной деятельности; 4) через наблюдения собственных внутренних состояний; 5) через непосредственное зрение собственного внешнего облика⁶⁵.

Представление о другом человеке тесно связано с уровнем собственного самосознания: богатство представлений о самом себе определяет и богатство представлений о другом человеке, и наоборот, чем полнее раскрывается другой человек (в большем количестве и более глубоких характеристик), тем более полным становится и представление о самом себе. В этой связи важнейшей характеристикой социально-перцептивного стиля личности является перцептивная сложность – свойство личности, определяющее ее способностью к использованию большего или меньшего числа (диапазона) социально-перцептивных оценок другой личности и самого себя (Гончаров А.И.).

По мнению З.И. Рябикиной, социально-перцептивный стиль может быть оценен с помощью следующих критериев:

- точности межличностного восприятия (высокая, средняя, низкая);
- самооценки;
- проективной тенденции, то есть тенденции приписывать свои качества другим людям;
- стабильности оценок, даваемых одним и тем же людям;
- способности к эмпатической идентификации;

---

⁶⁵ Введение в практическую социальную психологию /Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьева. 3-е, исправленное изд. М.: Смысл, 1999. —377 с

- сенситивности;
- содержания референтного эталона стиля общения и др.

Другими важными направлениями в исследовании репрезентаций являются социальный конструкционизм (К. Джерджен⁶⁶) и дискурсивная психология (Дж. Брунер, Р. Харре⁶⁷, Дж. Поттера, Д. Эдвардс, М. Уэзерелл, Я. Паркер, Дж. Шоттера), подчеркивающие социальную обусловленность всех психологических феноменов и фокусирующие внимание на языке как социальном действии и социальной практике⁶⁸. Мы не будем подробно останавливаться на анализе работ указанных авторов, он достаточно полно представлен в литературе⁶⁹, затронет только вопрос об экспликации психологического опыта или о культурно-историческом процессе конструирования личностью образа мира.

С точки зрения конструкционизма, измерение мира связано с символами и значениями, которые являются общезначимыми в пределах конкретного культурно-исторического контекста. Знание о мире, получаемое посредством включения в него значений, смыслов и взаимного обмена этими смыслами в соответствии с принятыми правилами, является социальным как в плане генезиса, так и в содержательном отношении. Средством и способом символического взаимодействия выступает лингвистическая коммуникация, в процессе которой возникают локальные, относительно устойчивые, но исторически и культурно подвижные «формы понимания мира». Эти формы (описания, объяснения) социальной практики в виде лингвистических образов, являются конституирующими элементами данной практики, составляя также неотъемлемую часть поведения, коммуникации, когнитивных, лингвистических паттернов. Знание становится продуктом совместной деятельности членов социального сообщества и выступает как совокупность конвенциональных дискурсивных артефактов или продуктов исторического и культурно локализованных отношений между членами общества.

К. Джерджен обосновывает положение, согласно которому все речевые высказывания, по сути, являются перформативами, т.е. речевыми актами равноценными поступку, поскольку они не описывают, не сообщают, не констатируют, а производят некие конвенциональные социально-осмысленные действия в системе социальных отношений, в которые включены говорящие⁷⁰. По К. Джерджену, высказывания представляют собой формы действия, обретающие свое значение в человеческой координации⁷¹. Он пишет: «Сами фразы являются

⁶⁶ Gergen K.J. Realities and relationships: soundings in social construction. — Cambridge (MA): Harvard University Press, 1997.

⁶⁷ Harre R. Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research // European journal of social psychology. 1989. Vol. 19. N 5. - P. 439–453.

⁶⁸ Burr V. Social Constructionism. — London: Psychology Press, 2003.

⁶⁹ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. М6 Аспект-Пресс, 2002. С.101-105; Улановский А.М. теория речевых актов и социальный конструкционизм // Постнеклассическая психология, 2004. Т. 1.; Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм и конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии, 2009. №2. С.35-45; Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН РАН, 1999.

⁷⁰ Gergen K.J. Realities and relationships: soundings in social construction. — Cambridge (MA): Harvard University Press, 1997.

⁷¹ Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. — Минск: БГУ, 2003. - С.78.

одним из элементов более широких действий, включающих движения конечностей, голосовые интонации, выражения глаз и т.д.»⁷². Соответственно, субъект коммуникации, социального взаимодействия или взаимообмена совершает перформативную активность с помощью языка по заранее установленным правилам. Далее К. Джерджен выстраивает следующую логическую цепочку: если высказывание – это действие, то оно не может быть оценено в рамках оппозиции «истинно – ложно», а должно быть проинтерпретировано с точки зрения эффективности и успешности действия.

К Джерджен считает, что существуют некие риторические фигуры (тропы), принятые в том или ином коммуникативном сообществе, которые предполагают определенную дескриптивную практику, включающую в себя конкретные способы использования терминов языка, которые являются автономными и независимыми от особенностей индивидуального опыта. Исходя из этого, отправной точкой социально-психологического анализа, по его мнению, должны выступать не референтные связи понятия и факта, а социальные отношения между людьми, которые, объясняя свой мир, привносят в него описательные термины и тем самым «заранее облачают в форму то, что позднее будет названо фактами»⁷³.

Обобщая основные положения социального конструкционизма К. Джерджена, И.С. Якимова резюмирует его метатеорию в следующих тезисах⁷⁴:

1. Термины, посредством которых люди объясняют мир и себя, не задаются предметом объяснения, а являются социальным артефактом – продуктом исторического и культурного взаимообмена между членами социальных сообществ.

2. Слова приобретают значения исключительно в контексте текущих социальных взаимоотношений и носят межиндивидуальный характер.

3. Степень устойчивости того или иного образа мира во времени не зависит от объективной ценности предложенных объяснений, а детерминирована социальными процессами.

4. Роль языка в жизнедеятельности людей определяется характером его функционирования в рамках принятого типа отношений. Языковые модели обусловлены образом жизни людей, принятыми ритуалами обмена, отношений доминирования и контроля.

5. Оценка существующих дискурсивных форм – это оценка принятых культурных образцов жизнедеятельности, а критериями оценки служит потенциал расширения существующего набора форм культурной жизни.

Соответственно, в рамках социального конструкционизма К. Джерджена речь идет о том, что традиционная познавательная схема психологии – «субъект – объект – ментальное представление – значение» является функцией лин-

---

⁷² Там же, С.44.

⁷³ Gergen K.J. Realities and relationships: soundings in social construction. — Cambridge (MA): Harvard University Press, 1997. p.18.

⁷⁴ Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН РАН, 1999. - С.32-34.

гвистических конвенций, принятых научным сообществом в контексте стандартного научного дискурса. Все это означает отказ от взгляда на ментальный язык как на референциальный указатель неких внутренних положений дел и рассмотрение его как значимой социальной функции, как составляющей черты социальных отношений⁷⁵. В своем крайнем варианте конструкционистская точка зрения допускает возможность разработки такого теоретического способа понимания психических процессов, «в котором ментальные предикаты функционируют *нереференциально*, а основной точкой опоры при объяснении служат социальные процессы»⁷⁶.

Этот крайний вариант конструкционизма был реализован, в частности, в дискурсивной психологии Р. Харре. В соответствии с его взглядами, вообще не существует никакой особой ментальной, психологической реальности или специфических ментальных структур, выступающих в качестве референтов для нашего психологического языка⁷⁷. Единственной человеческой реальностью (помимо физической и физиологической), согласно Р. Харре, является реальность разговора, социального взаимодействия, символически опосредованного взаимодействия между людьми. Элементами этой реальности разговора или разговорной практики являются *речевые акты* — некие встречные социальные действия, связывающие индивидов между собой. Дискурсивный процесс включает в себя не просто цепочку рассуждений, выраженных посредством языка, а структурированную последовательность интенциональных актов, приводящих в движение ту или иную знаковую систему, представляющую собой результат совместной социальной деятельности, т.е. социальное отношение выступают как смылосозидающий фактор образа повседневности. Личность действует в соответствии с теми социальными значениями, которые она приписывает структурным элементам ситуации, т.е. для того чтобы понять социальное поведение личности необходимо проникнуть в мир социальных значений, которые составляют основу поведенческой активности. Доминирующая роль в экспликации социальных значений принадлежит эмпирическому анализу «отчетов-описаний» или высказываний субъекта действий по поводу совершаемых поступков и ответных действий других участников взаимодействия.

1.3. Искусство как система символических репрезентаций

Еще одним важным аспектом присутствия, влияния и воздействия Другого на личность является признание того, что каждый человек живет в мире, социально сконструированном Другими и духовно ими обжитом. Культурные репрезентации определяют жизненный стиль той или иной социальной группы,

⁷⁵ Gergen K.J. Realities and relationships: soundings in social construction. — Cambridge (MA): Harvard University Press, 1997.

⁷⁶ Там же, С.66.

⁷⁷ Harre R. Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research // European journal of social psychology. 1989. Vol. 19. N 5. - P. 439–453.

который может иметь различную конфигурацию. В теории искусства это понятие имеет особое значение. Австрийский теоретик Х. Зедльмайр считал, что произведение искусства следует рассматривать не только в качестве источника или повода к произвольным умозаключениям, прочтениям, интерпретациям, но как «репрезентацию», связанную с пониманием того, что такое произведение есть самостоятельный «мир в малом». Согласно концепции Зедльмайра, воплощение художественной идеи происходит в процессе «интерпретации» как «преобразование взглядов» художника, а затем и зрителя. Произведение искусства должно познаваться как особая «духовная необходимость», отличная от исторической действительности. «Прояснение» этого факта — особого содержания художественной формы — представляет собой репрезентацию, раскрытие духовного смысла искусства. Культура — это ментальная «экипировка», которую члены общества используют для ориентации, взаимодействия, обсуждения, определения, категоризации и интерпретации текущего социального поведения в своем обществе. Это средство, с помощью которого члены общества вырабатывают соответствующее социальное поведение и интерпретируют поведение других. Конкретные когнитивные категории не являются имманентно присущими человеческому мышлению, они воспринимаются человеком в процессе инкультурации, то есть усвоения культуры, особенно языка.

В этой связи интерес вызывает понятие интеробъективности, введенное Б. Латуром, которое формулируется им в контексте фундаментального исследования природы социального взаимодействия. Он обращается к понятию фрейм и фреймированные взаимодействия, считая, что в каждое действие субъекта вмешиваются другие акторы. Он полагает, что поскольку достижение собственных целей опосредовано постоянными переговорами, то необходимо говорить об этом с точки зрения комплексности, то есть с точки зрения одновременного принятия в расчет множества переменных. Б. Латур пишет: «Если вы попытаетесь нарисовать пространственно-временную карту всего, что присутствует во взаимодействии, и набросать список всех, кто, так или иначе в нем участвует, вряд ли вы получите хорошо различимый фрейм; скорее — спиралевидную сеть с множеством самых различных дат, мест и людей»⁷⁸. Взаимодействие, по Б. Латуру, выражается в противоречивых формах: оно представляет собой систему фреймов, ограничивающую интеракцию, и сеть, которая распределяет одновременность, близость и «персональность» взаимодействий. Следовательно, Б. Латур подчеркивает не только фреймированный характер интеракций, но и указывает на сетевую распределенность взаимодействия, а, значит, взаимодействие предполагает кроме локальной системы фреймов еще и сеть гетерогенных отношений, благодаря которой человек постоянно выходит за рамки фиксированной системы фреймов.

Более того, Б. Латур фокусирует внимание на том, что в интеракциях, происходящих в режиме «здесь-и-сейчас» участвуют не только сами субъекты, но и другие люди посредством материальных и символических объектов. Он говорит о сложной и комплексной социальности, дифференцируя определения

⁷⁸ Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение, 2007. Том 6. №2. - С.85.

«сложный» и «комплексный». Б. Латур пишет: «Эти два прилагательных, хотя и имеют одинаковую этимологию, позволяют провести различие между двумя сравнительно разными формами социального существования. «Комплексное» означает одновременное наличие во всех взаимодействиях большого числа переменных, которые не могут рассматриваться дискретно. «Сложное» будет означать последовательное присутствие дискретных переменных, которые могут быть исследованы одна за одной, и сложены друг в друга на манер черного ящика»⁷⁹.

По Б. Латуру, взаимодействие людей, с одной стороны, четко ограничено «множеством перегородок, фреймов, ширм, противопожарных разрывов, которые позволяют перейти от комплексной ситуации к ситуации сложной»⁸⁰, а, с другой стороны, последовательные взаимодействия субъектов во многом «глобализованы благодаря использованию совокупности инструментов, орудий, расчетов и программ-компиляторов»⁸¹, что позволяет переходить от одних сложных и, в конечном итоге, изолированных отношений, к другим сложным отношениям, связанным с ними. Таким образом, по Б. Латуру, взаимодействие людей не ограничивается их телами, которые соприкасаются в одном времени и пространстве, связанные взаимным вниманием и общей деятельностью; для понимания человеческого взаимодействия приходится обращаться к другим элементам, другому времени, другим местам и другим субъектам. Взаимодействие означает, что во всех точках общества действие остается локальным и что оно всегда связывает тех, кто участвует в нем. Б. Латур формулирует это так: «Действовать – значит опосредовать действия другого»⁸². Но оно также означает, что действие должно разделяться с другими субъектами, находящимися в различных пространственно-временных структурах и обнаруживающими иные онтологии.

Признавая бесспорным наличие сети гетерогенных отношений с Другими (непосредственных и опосредованных), в контексте данной работы нас будет интересовать мир культуры, в частности психологический потенциал искусства и его влияние на становление личности и формирование субъектности.

Объектом искусства является реальная жизнь, но не «вся» и не «всякая» действительность, а квинтэссенция, эстетически оформленная закономерность её изменений, исторически и культурно выделяющаяся в бытии. По точному определению Ю.М. Лотмана, «искусство стремится быть похожим на жизнь, но оно не есть жизнь. Искусство – модель жизни. И разница между ними велика»⁸³. Мы согласны с мнением В.К. Суханцевой, что в искусстве происходит «сложнейшая и уникальная процедура воссоздания универсальных сущностей бытия через призму социокультурного опыта символизации значений чувственно и рационально осваиваемого мира. И ровно в том же смысле, в каком сама культура является своеобразным посредником между человеком и мирозда-

⁷⁹ Там же, С.87.

⁸⁰ Там же, С.88.

⁸¹ Там же, С.88.

⁸² Там же, С.98.

⁸³ Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб: Искусство-СПб, 1998. - С.9.

нием, давая субъекту адаптационные возможности, ключи, коды, символические языки для общения (и обращения) с Универсумом, знаково-символическая сфера искусства обеспечивает творческому разуму возможность свободного и независимого оперирования пространством и временем»⁸⁴.

В.К. Суханцева, разрабатывая философию музыки, предлагает выделить для ее анализа такие понятийно-логические оппозиции как «мироздание – мир», «вечность – время», «культура – индивид», полагая при этом, что вертикальная логика их иерархической связи отражает транзицию от всеобщего («мироздание – мир») к особенному («культура – индивид») согласно фундаментальному условию («вечность – время») бытия и перехода систем. Нам импонирует разработанная В.К. Суханцевой концепция, и мы предлагаем применить выделенные бинарные оппозиции не только к анализу музыки, а ко всем видам искусства в целом, содержательно наполнив и дополнив их. Для начала коротко охарактеризуем указанные оппозиции.

Базовой, фундаментальной оппозицией, по мнению В.К. Суханцевой, является бинарная пара «Мироздание – Мир человека», внутри которой разворачивается и функционирует любая деятельность и активность. Областью *операциональности* преобразований материально-идеальных сущностей выступает *культура*, вне которой *мир* репрезентирован человеку как своего рода топологическая констатация. Погружённые в культуру как в естественную среду пребывания, человеческая сущность и её деятельностные проявления подчиняются воздействию универсальных законов Мироздания, выступающих в виде объективных детерминаций человеческого мира и определяющих смыслы, значения и субъективности. Более того, с возникновением культуры мы говорим о «человеческом мире», имеющим свою историю и собственную траекторию движения, в том числе и благодаря постоянному присутствию познающего разума. В целом, можно констатировать, что мир человека тождественен миру культуры, по отношению к которому Мироздание выступает грандиозной предпосылкой бытия столь сложной и высокоорганизованной системы.

«Вечность – Время» является другой универсальной бинарной оппозиции. В.К. Суханцева считает, что в рамках этой оппозиции задается процедура музыкального смыслообразования, с помощью которой музыка превращается из мира звуков в мир человека и человеческой субъективности и которая составляет фундаментальное основание модели Универсума, возводимой в музыкальной культуре на протяжении всей социальной истории.

По отношению к музыке временные процессы Мироздания выступают как целостная область бытия, сверхмасштабы которой, в сравнении с длительностью человеческой жизни, могут быть приравнены к вечности. Поэтому времяобразовательная процедура, имеющая место в музыке, происходит из бытия природного времени, соотносится с ним, но при этом характеризуется совершенно иной направленностью: локализацией временного потока, вырыванием времени из мировых событий и его присвоением; изменением онтологических

---

⁸⁴ Суханцева В.К. Музыка как мир человека <http://www.philosophy.ru/library/suhanceva/index.html> - С.42

свойств времени за счет уплотнения и насыщения темпоральности особыми, музыкальными событиями.

Темпоральное многообразие культур мира проявляется в следующем:

- каждая культура создает свой специфический образ времени и содержит собственные представления о прошлом, настоящем и будущем;
- доминирующий образ времени, созданный отдельной культурой, предопределяет ценностные ориентации людей (этот образ может быть позитивным, негативным, катастрофическим, ретроспективным, перспективным и проч.), эти различия проявляются в образе жизни, в стиле, в морали и в языке;
- время является главной характеристикой пространства всякой культуры, и особенности его восприятия составляют ядро культуры. Можно говорить о разных типах темпоральной ориентации, присущих традиционным культурам: ретроспективной, ориентированной на прошлое, презентивной, направленной на настоящее, перспективной с ориентацией на будущее; кроме того, можно говорить о вневременной ориентации, или ориентации на вечность;
- культуры мира представляют многообразие форм и способов освоения времени, что, в свою очередь, свидетельствует о широких возможностях и имеющихся внутренних ресурсах каждого человека, вступающего в процесс интенсивной и экстенсивной коммуникации с той или иной культурой. «Другая» культура, как «alter ego», расширяет духовное пространство человека и помогает проявлению его скрытых, латентных возможностей⁸⁵.

Искусство как часть культуры имеет имманентный характер, его отличает «непривязанность» к внешним опорам, и, как следствие этого, динамичность и уклоняемость от натурализации, от превращения в нечто незыблемое и на века данное. Более того, с помощью искусства осуществляется связь времен и через единение с ним сохраняется и организуется необходимый людям социальный порядок.

Дуальная пара «Культура – индивид» введена для того, чтобы показать, что любая форма деятельности по законам культуры проистекает внутри границ выделенной оппозиции, где ношу противостояния, присущую самой культуре, берёт на себя индивидуальное бытие, благодаря чему не исчезает и не растворяется бесследно в потоке времени и истории. Именно с этих позиций творчество представляет собой ответственность, волю и целеполагание, проявляющиеся там и тогда, где и когда возникает востребованность свободы и автономии, превосходства субъективности над объективной заданностью бытия.

Культура предоставляет образцы и правила, транслирует нормы и ценности, позволяющие выработать специфические механизмы адаптации человеческой субъективности. Она задает определенную систему координат, с помощью которой маркируются границы человеческого существования. Культура, с одной стороны, императивна – она навязывает культурные ценности и регламентирует поведение человека, но, с другой стороны, именно культура их защищает, предоставляя личности специфическую свободу, которая, по мнению

---

⁸⁵ Алексина Т.А. Время в культурах мира // Вестник РУДН, 2002, №2.

М.К.Мамардашвили, есть особый случай бесконечности, разворачивающейся внутрь, в глубины познания и самопознания, когда бытие, данное индивиду как объект познания, одновременно служит предпосылкой бесконечного процесса самопознания⁸⁶. Следовательно, можно констатировать, что культура представляет собой сферу противостояния Духа, иногда жесткая и жестокая по отношению к своим индивидуальным носителям, и вместе с тем придающая им силы и предоставляющая им возможности (ресурсы) для самосознания, самопознания и самосозидания.

Нам кажется необходимым для полноты анализа ввести еще одну устойчивую бинарную оппозицию: «Бытие – Инобытие», которая воссоздает процедуру перехода от особенного к индивидуальному. Искусство здесь выступает как нереальность⁸⁷. Попытка доказать обратное только укрепляют искусство как сферу «инобытия»: искусство «лежит вне благоразумия практической жизни, вне сферы необходимости или пользы»⁸⁸, оно не связано с практичностью, прагматичностью и выгодой, оно нередко трансформирует и даже искажает реальность⁸⁹, с его помощью конструируется мир художественной реальности.

Прав был Ю.М. Лотман, когда утверждал, что уподобление в искусстве – явление вторичное, первично расподобление. Сначала предмет выходит из зоны практического употребления, наделяется определенной мерой условности, и только затем начинает приближаться к жизни. Условность является столь фундаментальным признаком искусства, что есть все основания считать значимым именно его нереальность. Искусство прямо постулирует условность своего содержания и предстает в культуре как наиболее достоверный, наиболее оформленный и общепринятый полюс нереального, который вместе с тем подвергается социальному контролю. Сфера искусства как условности обеспечивает более ясное и адекватное понимание повседневной реальности в ее первоизданности независимой от сознания. Искусство опровергает общераспространенные презумпции, преодолевает устоявшееся мнения и навязанные стереотипы во имя неограниченности и многообразия форм и содержаний, постоянно ставя вопросы и неизменно уклоняясь от окончательных ответов.

Искусство научилось проводить границу между реальностью и вымыслом. Это так называемая проблема фрейма. Внутри рамок разрешено особое развертывание событий: рамка как бы открывает иное пространство и одновременно препятствует проникновению в него, эта амбивалентность является основополагающим свойством искусства. Другим важнейшим аспектом отграничения является также неоднократно отмечавшийся в литературе факт, что рамка повышает значимость того, что в нее помещается. Или иными словами, феномен рамки, а также амбивалентность смысловых коннотаций понятия

⁸⁶ Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М: Школа «Языки русской культуры», 1997, 304с.

⁸⁷ Иванов М.В. Психологический смысл искусства. Комментарий к «Психологии искусства» В.М. Аллахвердова. СПб: ДНК, 2001. – С.103-156.

⁸⁸ Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В.Сильвестрова; Комментар. Д. Э. Харитоновича -М.: Прогресс - Традиция, 1997. - 416с.

⁸⁹ Аллахвердов В.М. Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб: ДНК, 2001, - 200с.

«значение» демонстрируют свойство вторично закодированного пространства не только значить что-либо, но и быть более значительным для воспринимающего. Фрейм в определенной своей функции отделяет значимое от незначимого. При подобном подходе можно и следует говорить о том, что пространство, заключенное в раму, является переводом при помощи определенного кода некоего предполагаемо нейтрального (в значении «незакодированного») пространства и времени, при этом «нейтральное» пространство-время актуализуется, получает выражение только в процессе перевода. Необходимо отметить, что рамка (граница) подвижна, и это убедительно показано Е. Григорьевой на примере кинематографа⁹⁰. Она считает, что пространственно-временные характеристики соотношения «наблюдаемого» и «наблюдателя» в кино схематично могут быть представлены в виде трех локальных хронотопов:

- «видимое» в данный момент на экране;
- предполагаемое продолжение этого «видимого» в зрительском воображении;
- собственно локальный хронотоп «реальности» наблюдателя, который в кинематографе оказывается чрезвычайно редуцированным, прежде всего в силу того, что кино навязывает зрителю еще и движение. Происходящее на экране очень активно, гораздо более активно, чем сам зритель, почти неподвижный, ограниченный креслом, погруженный в темноту. Темнота зрительного зала как бы растворяет автономную значимость тела реципиента как носителя активного начала, он почти полностью лишен возможности реагировать действием, в его репертуаре остаются только эмоции.

Такая тройственность соотношения локальных хронотопов свойственна не только кинематографу, но практически всем видам искусства как репрезентативным, так и нерепрезентативным. В определенном смысле, это вообще универсальное свойство восприятия человеком окружающей действительности. Искусство как модель восприятия человеком мира моделирует эту особенность. Кино в свою очередь необычайно «уплотняет» это промежуточное пространство тем, что периодически визуализирует его. В этом смысле нет искусства, настолько направленного на сотворчество со зрителем и, соответственно, настолько же авторитарного в степени ограничения пространства воображения зрителя, как кино, поскольку оно диктует и навязывает ему предполагаемое видение⁹¹.

Традиционная психология искусства опирается на естественно-научную парадигму и изучает восприятие искусства в формате воздействия произведения или его отдельных деталей на психику реципиента (Б.Г. Ананьев, Р. Арнхейм, Д. Берлайн, В.А. Ганзен, А.Л. Готсдинер, Дж. Купчик, К. Мартиндейл, П. Махотка, В.И. Петрушин, Г.С. Тарасов, Д.Н. Узнадзе, Г.Т. Фехнер).

Нетрадиционная психология искусства основывается на представлениях Л.С. Выготского о внешних, экстракорпоральных формах существования пси-

⁹⁰ Григорьева Е. Границы искусства и в искусстве. 2003 http://www.topos.ru/articles/0303/07_16.shtml

⁹¹ Там же

хики в культурных артефактах, согласно которым предметный мир, созданный человеком, дает своеобразный ключ к психике человека, к его сознанию⁹².

Л.С. Выготский, акцентируя внимание на связи восприятия и фантазии, утверждает, что эмоция выражается «не столько в мимических, пантомимических, соматических реакциях нашего организма, сколько посредством фантазии. Искусство пробуждает в нас очень сильные эмоции, которые могут внешне не проявляться. Эмоции искусства суть умные эмоции. Вместо того, чтобы проявиться в сжимании кулаков и в дрожи, эмоции разрешаются преимущественно в образах фантазии»⁹³. Он считает, что специфика любого художественного текста состоит не в единстве формы и содержания, а в их противоречии, основываясь на том, что произведение искусства, прежде всего, должно вызывать какие-то чувства, эмоциональные переживания. Для объяснения природы этого воздействия необходимо понять природу эмоций, которая, на первый взгляд, парадоксальна: с одной стороны, чувства всегда смутны, т.е. лишены сознательной ясности, а с другой стороны - сущность чувства состоит в том, что оно чувствуется, т.е. известно сознанию. Вслед за У.Джеймсом Л.С. Выготский разрешает этот парадокс и предполагает, что эмоция представляет собой сигнал согласия/несогласия, удовольствия/неудовольствия относительно специфики и характера неосознаваемых внутренних процессов. Он определяет своеобразный маршрут – от формы художественного произведения через функциональный анализ ее компонентов и структуры к воссозданию эстетической реакции и установлению ее общих законов. По Л.С. Выготскому, эстетическая реакция основана на противоречии формы и содержания и включает в себе «аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершающей точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение»⁹⁴, в результате чего актуализируется специфическое состояние очищения.

В рамках нетрадиционной психологии искусства выделяются различные подходы и направления исследований. Деятельностный подход (Л.С. Выготский, В.Г. Грязева-Добшинская, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.Ф. Петренко, С.Л. Рубинштейн, Е.Б. Старовойтенко) акцентирует внимание на рассмотрении восприятия произведений искусства как особой целостной внутренней деятельности, включающей когнитивные, эмоциональные, мнемические, оценочные, духовные, собственно перцептивные составляющие.

А.Н. Леонтьев считает, что эстетическая творческая деятельность создает идеальные продукты — произведения искусства, «эстетические объекты, которые существуют в некоторой материи: в звуках музыки, в красках, положенных на холст, в мраморе или бронзе»⁹⁵, отражая некоторую реальность, которая может быть реконструирована только в процессе воздействия продуктов эстетической деятельности, созданных одним человеком, на другого человека. «Поэзия, живопись, музыка, никем не воспринимаемые, не обнаруживают идеального,

⁹² Выготский Л.С. Психология искусства. М: Искусство, 1986. - 573 с.

⁹³ Выготский Л.С. Психология искусства. М, 1984. - С.265.

⁹⁴ Там же, С.273.

⁹⁵ Леонтьев А.Н. Осмысленность искусства.// Искусство и эмоции. Матер.межд. симп. - Пермь, 1991.

т.е. существенного своего содержания, того, в чем, собственно, кристаллизуется эстетическая деятельность человека». Он делает закономерный вывод о том, что «всякий продукт эстетической деятельности адресован человеку, людям, это продукт, предназначенный для воздействия на людей, и уже в самом процессе его творения как бы заложено то, что он будет восприниматься. Разумеется, эстетический продукт требует восприятия особого рода, а именно эстетического... Искусство по самой природе своей коммуникативно»⁹⁶.

Особым направлением деятельностного подхода является психосемантическое исследование искусства В.Ф. Петренко, которое отличается высокой степенью операционализации используемых понятий. Например, введенное понятие «художественный конструкт» представляет оппозицию персонажей произведения и соотносится с авторской системой личностных конструктов⁹⁷. С одной стороны, это понятие хорошо репрезентирует художественное, точнее, драматургическое, поскольку сохраняет в качестве единицы анализа целостный персонаж, а в качестве организации отношения - всех персонажей полифонической композиции произведения представляет систему ценностей автора. С другой стороны, это понятие адекватно репрезентирует психологическое измерение личности, что позволяет достаточно гибко решать исследовательские задачи. Эффекты художественного воздействия фиксируются через сравнение содержания личностных конструктов читателей до и после художественного воздействия с художественным конструктом конкретного произведения. В.Ф. Петренко считает, что «художественный конструкт, построенный автором на языке персонажных образов, их суждений о мире имплицитно содержится в тексте рассказа и выступает как «вещь в себе» и как результат осмысления мира автором. Текст как средство передачи мыслей автора должен быть прочитан, тогда художественный конструкт должен стать из «вещи в себе» «вещью для нас»⁹⁸.

Д.А. Леонтьев в рамках смысловой концепции искусства утверждает, что произведение искусства создает образ мира, «рисует» некую картину, изобразительный ряд, выражающий то или иное содержание, т.е. несет определенную знаковую телесность, обладающую совокупностью значений, выражающих авторские смыслы. Усвоение смысла предполагает «вживание» в него, «врастание в тот культурный мир, смыслом которого он является, смысл требует бытийного, жизненного соучастия в нем, сопричастности»⁹⁹. Он пишет: «Художественное произведение предстает как изображение образа мира, которое может анализироваться по меньшей мере в трех аспектах: в аспекте мира (под углом зрения «истинности», «правдоподобия» или «жизненности»), в аспекте образа мира (под углом зрения «самовыражения» или «самораскрытия» автора и в аспекте собственно изображения (под углом зрения «стиля» или «мастерства»). В процессе художественного восприятия происходит как бы обратное движение: от изображения мира к миру через видение мира автором»¹⁰⁰. Проблема спосо-

⁹⁶ Там же, С.5.

⁹⁷ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М: изд-во МГУ, 1997. - С.337.

⁹⁸ Там же, С.339.

⁹⁹ Леонтьев Д.А. Психология смысла. М: Смысл, 1999. - С.419.

¹⁰⁰ Там же, С.421-422.

бов представления смыслов в художественных произведениях неразрывно связывается Д.А. Леонтьевым с проблемами художественной коммуникации. Понимание произведений на уровне смыслов опосредовано как способностью субъектов осуществлять смысловую коммуникацию, т.е. активно решать обнаруженную «задачу на смысл», так и спецификой их позиции в отношении подобных задач, контекстами их жизненных ситуаций.

В.Г. Грязева-Добшинская с помощью персоналогического анализа новаторских авторских текстов делает акцент на личности автора, мастера, художника, но не в контексте отражения его биографической ситуации и субъективных переживаний в символических образах созданного произведения (что характерно для психодинамических теорий), а через изучение эффектов личностных воздействий произведений как отраженности личности их авторов. Персоналогический анализ искусства, по мнению исследовательницы, дает возможность изучить эффекты индивидуально-личностных влияний художника на аудиторию, тогда как сами произведения рассматриваются в аспекте символических игровых структур, которые задают пространство художественной коммуникации, выступают как орудия смысловой упорядоченности личностного опыта и опосредуют эффекты воздействия произведений. В.Г. Грязева-Добшинская считает, что «особые эффекты воздействия произведения современного искусства на личность – открытые катастрофы и незавершенные гармонизации»¹⁰¹, именно они задают смысловую задачу по преодолению дисгармонии и создают ситуацию необходимости самостоятельного действования в направлении гармонизации при обращении к задачам-загадкам, включенным в авторскую художественную игру.

Нам импонирует точка зрения Е.Б. Старовойтенко, которая в контексте культурной психологии личности полагает, что культура выступает бессознательным и сознаваемым контекстом, условием, содержательно – ценностным наполнением жизненного самоопределения индивида. Именно в пространстве культуры индивидуальность личности раскрывается той гранью, которая оказывается затененной при других фокусах ее рассмотрения: гранью искусного, проникающего самопознания, собственно и порождающего индивидуальность в продуктивном творческом диалоге и Я-отраженных отношениях с множеством других людей. Культурная деятельность и творчество способны обнаруживать и усиливать то, что в динамике иных сфер жизни индивида часто оказывается скрываемым, растворенным или распределенным во взаимодействии, а потому непринятым и неоцененным. Е.Б. Старовойтенко рассматривает авторские тексты как события культуры, которые «образуют самостоятельную сферу творчества, имеющую тройственное отношение к индивидуальности автора и референтов: текст по-новому структурирует и эксплицирует процессы, состояния, содержания, образы и идеи внутреннего мира автора, каждый раз выступает новой формой его прямого или опосредованного самовыражения, трансценди-

---

¹⁰¹ Грязева-Добшинская В.Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы. М: Академический проект, 2002. - С.178.

рует «личное» автора в душевный мир референта, обновляя его»¹⁰². Ею выделяются особые формы текстов – рефлексивные тексты («тексты Я»), которые выступают не только в виде вербально-смысловой ткани «Я» автора и являются отражением, субъективной репрезентацией его жизненного пути, но и выражают операциональный план рефлексии, т.е. определяют своеобразный маршрут движения самопознания. Творцами порождаются общие гибкие каноны понимания человеком себя во внутренней и внешней жизни, действующие в конкретную культурную эпоху и в снятом виде продолжающие действовать в последующие эпохи. Е.Б. Старовойтенко пишет: «Содержательно – смысловые «матрицы» индивидуального самопознания, передаваясь по путям межличностных влияний, могут становиться коллективными представлениями, конституирующими жизнь социума». Она подчеркивает, что рефлексивный текст «продлевает и «собирает» Я – состояния, Я – образы и Я – идеи, по этим следам возвращая автора к единому центру «Я». Рефлексивный текст является способом изменения и развития «Я»; он распространяет, расширяет авторское «Я» в пространство внешней и внутренней жизни других, порождая Я – в-Другом; становится средством прямого Я – обращения автора к каждой другой индивидуальной личности с призывом прочувствовать, понять и досоздать общий мир жизни»¹⁰³. Важным является то, что Е.Б. Старовойтенко делает акцент не только на самовыражении, самоактуализации, творческом Я Автора в пространстве культуры, а на триединстве автора, текста и референта, на духовных циркуляциях внутренних миров. Творец несет в себе, реализует и порождает личностные потенциалы и способности, направляющие в развитии каждого из индивидуальных субъектов культуры. Как указывает Е.Б. Старовойтенко: «Речь, прежде всего, идет о сознании, проблематизирующем мир, деятельности, дающей миру смыслы будущего, рефлексии, формирующей суверенное «Я» в соответствии с социальными и культурными перспективами, диалогизме бытия, состоящем в расширенной передаче открытий, касающихся жизни, взаимодействия, познания и самопознания людей».

В рамках системного подхода интересны работы Л.Я. Дорфмана, М.С. Кагана, В.Е. Семенова. В.Е. Семенов представляет искусство как «социально-психологическую систему взаимодействия, общения, отношений людей в процессах создания, распространения, восприятия, оценивания и воздействия художественных произведений, общий циклический процесс, начинающийся с влияния духовно-социальной среды на художника и заканчивающийся влиянием художника (посредством его произведения) на духовно-социальную среду»¹⁰⁴. В.Е.Семенов, опираясь на исследования в области философии, эстетики, социологии, искусствоведения, проводит исчерпывающий теоретический обзор, очерчивая историческую ретроспективу и обозначая потенциальную перспективу, выделяет социально-психологическую проблематику искусства как по линии идеалистических направлений и школ, так и по материалистической

¹⁰² Старовойтенко Е.Б. Самопознание и творчество индивидуальности в культуре// Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М., 2009.

¹⁰³ Там же

¹⁰⁴ Семенов В.Е. Искусство как межличностная коммуникация. СПб., 1995. - С.19.

линии, убедительно доказывая возможность рассмотрения искусства как межличностной коммуникации, «как сообщения, творимого одной личностью для другой личности, для другого духовного субъекта, для другой души»¹⁰⁵. Он конструирует достаточно сложную и согласованную модель художественной коммуникации, в которую включены основные субъекты, связанные между собой разнонаправленными интеракциями и характеризующиеся «социально-психологической совместимостью личности художника и его реципиента»¹⁰⁶. В контексте художественной коммуникации социально-психологическая совместимость выступает в качестве гипотетического ключевого принципа для объяснения процессов, эффектов и эффективности искусства.

Л.Я. Дорфман в рамках метаиндивидуальной психологии искусства изучает «совместный вклад психического и художественного во взаимоотношения человека и искусства, опираясь на положение об объектных формах и способах существования психического в мире, субъект-объектных взаимодействиях, с одной стороны, и полисистемном устройстве метаиндивидуального мира человека, – с другой»¹⁰⁷.

Интерес представляет психо-эстетический подход (Е.П. Крупник, Д. Лукач, Т.А. Флоренская, С.М. Эйзенштейн), направленный на изучение психологической природы катартического механизма личности, опосредующего воздействие искусства и трансформирующего её «ядерные» экзистенциальные структуры. Е.П. Крупник считает, что художественное сознание личности выступает внутренним психологическим условием, преобразующим потенциальные возможности искусства в реальные факторы воздействия¹⁰⁸. По его мнению, воздействие искусства на личность представляет собой целостный системный акт, в котором соотносятся воздействующий «стимул» (произведение искусства с его системой выразительных средств), художественное сознание личности, опосредующее воздействие искусства (психологические механизмы воздействия) и эффект «последствия» художественного произведения на личность. Он полагает, что если отношение к искусству не адекватно его специфике и принадлежит к области нехудожественных реакций, то потенциал художественного произведения может оказаться не реализованным, а его формирующее влияние неосуществлённым. Е.П. Крупник также предлагает рассматривать формирование эстетического отношения личности к художественному произведению как коммуникативный процесс, включающий в себя три взаимодействующие фазы¹⁰⁹: предкоммуникативную фазу, связанную с психологическими и эстетическими установками, обуславливающими коммуникацию с искусством; коммуникативную, ориентированную непосредственно на перцепцию произведения искусства; посткоммуникативную (оценочную),

¹⁰⁵ Семенов В.Е. Искусство как межличностная коммуникация (Социально-психологическая концепция). СПб: изд-во СПб университета, 1995. - С.3.

¹⁰⁶ Там же, С.20.

¹⁰⁷ Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М, 1997. - С.15.

¹⁰⁸ Крупник Е.П. Психологические механизмы воздействия искусства на личность // Психол. журнал, 1988. №4.

¹⁰⁹ Крупник Е.П. Психологическое воздействие искусства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. 240 с.

формирующую художественно-эстетическое сознание личности и предполагающую ценностно-смысловую рефлексию.

Следовательно, в психологии искусство рассматривается многомерно и многогранно: как концентрированное выражение эстетического опыта; как отрасль человеческой деятельности, стремящаяся к удовлетворению духовных потребностей; как процесс и итог значимого выражения чувств и переживаний в образах; как способ познания людьми действительности; как инструмент взаимодействия личности и социума с окружающим миром; как реализация Я через различные стратегии самоутверждения и способы достижения личностью социокультурного и психологического равновесия; как вариант моделирования действительности; как средство изучения законов жизни, способствующее прогрессу и развитию отдельного индивида и общества в целом; как способ межличностной коммуникации между автором, создающим тот или иной текст, и реципиентом, получающим, понимающим и принимающим это послание. Все перечисленные аспекты, безусловно, имеют право на существование и заслуживают внимания, каждый из них основывается на определенных методологических принципах и предполагает комплиментарные, но вместе с тем разные модусы анализа искусства.

Несмотря на многообразие подходов к психологическому изучению искусства для нас важным является признание практически всеми исследователями коммуникативности искусства, которая, по мнению Г.С. Тарасова, «стала своеобразной системообразующей линией, вокруг которой сходятся все — глобальные и частные — проблемы художественной практики и теории»¹¹⁰.

Еще одним важным ракурсом рассмотрения искусства является для нас познавательный аспект искусства. Анализ познавательной функции искусства мы хотим начать с рефлексии работы Ю.М.Лотмана «Природа искусства», в которой автор с помощью метафорического образа – «Наука и искусство - это как бы два глаза человеческой культуры», ставит вопрос о соотношении научного и эстетического познания, показывая их различие и в тоже время равноправие, позволяющее создать «объёмность нашего знания». Он полагает, что «искусство нельзя отнести к области забав или же наглядных иллюстраций к высоким моральным идеям. Искусство – форма мышления, без которого человеческого сознания не существует, как не существует сознания с одним полушарием»¹¹¹. Ю.М. Лотман связывает искусство с областью возможного, позиционируя «искусство как возможность пережить непережитое, вернуться назад, переиграть и переделать заново. Оно есть опыт того, что не случилось. Или того, что может случиться»¹¹². Для него искусство обладает «высочайшей нравственной силой», предоставляя выбор там, «где жизнь выбора не дает», но при этом искусство - не учебная книга и не руководство по морали, искусство стремится быть похожим на жизнь, но оно не есть жизнь. «Искусство – модель жизни. И разница между ними велика»¹¹³.

¹¹⁰ Тарасов Г.С. О психологии искусства //Вопросы психологии, 1992. №1. - С.108.

¹¹¹ Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб: Искусство, 1998.

¹¹² Там же

¹¹³ Там же

Аналогичную мысль высказывает М.М. Бахтин, добавляя нравственный вектор процессу приобретения эстетического знания: «Искусство и жизнь взаимно хотят облегчить свою задачу, снять свою ответственность, ибо легче творить, не отвечая за жизнь, и легче жить, не считаясь с искусством. Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности»¹¹⁴. Приведенные высказывания Ю.М. Лотмана и М.М. Бахтина акцентируют внимание на нравственно-этической стороне эстетического познания, говоря о социальной ответственности автора за транслируемое знание, предполагающей ориентацию, прежде всего, на интересы людей и социума в целом, и личной ответственности реципиента за усвоенное и присвоенное знание.

Г.Г. Шпет впервые в российской науке высказался о том, что творчество нельзя описать только в логических координатах, логика не может быть универсальным объяснительным принципом. Именно Г.Г. Шпет задает определенный контекст, который не только выдвигает на передний план законы метаморфоз смыслов, но и определяет особую артикуляцию проблем понимания и постижения искусства как особого специфического вида целостного знания¹¹⁵. Он считает, что искусство является специфическим видом знания, особенности которого связаны с его эмоциональной первичностью, симпатическим пониманием, вызываемым художественным произведением. Эмоциональная первичность переживания, обусловленные искусством, дают возможность соединить в нем саму вещь (или представление о ней) с суждением об этой вещи, то есть искусство является симпатической презентацией, которая дает особый род познания – всматривание в суть вещи, понимание ее субъективности, которое предполагает и объективное познание. Однако передача в искусстве определенного переживания дает возможность сформировать новое понятие, которое не является чисто абстрактным, но насыщено эмоцией. Г.Г. Шпет полагает, что отличие искусства от логического, объективного знания в том, что его предмет не имеет реального существования, а является только знаком, при этом оно абсолютно эмпирично, то есть дается только из личного опыта и субъективно. Следовательно, к познаваемому безусловному субъекту искусства человек приходит при помощи творческого «сопереживания, сочувствия, опирающегося на внешние экспрессивные формы произведения». Связывая понимание искусства с понятием внутренней формы, Г.Г. Шпет подчеркивает, что внутренняя форма художественного произведения является отражением приемов, методов, творческого пути художника и является источником знания, но знания субъективного, так как в нее вносятся жизненные идеалы, ценности данного творца, поэтому внутренняя форма передает не абстрактное знание, но мировоззрение творца, которое вызывает соответствующие переживания у зрителей¹¹⁶. Воспитательная ценность искусства, по мнению Г.Г. Шпета заключается в том, что эти переживания бессознательные и потому вызывают эмоции слушателей то-

¹¹⁴ Бахтин М.М. Искусство и ответственность <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/otv.html>

¹¹⁵ Шпет Г.Г. Искусство как вид знания // *Философия и психология культуры*. М.: Наука, 2007. С. 427–431.

¹¹⁶ Марцинковская Т.Д. Густав Густавович Шпет – жизнь как проблема творчества [Электронный ресурс] // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2009. N 2(4). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.04.2010г).

гда, когда разум мог бы отвергнуть данные идеалы. Мировоззрением же внутренняя форма становится только в результате философской рефлексии, как правило, осуществляемой не слушателями, но учеными, критиками, которые дают научное обоснование субъективной фантазии, переживанию творца, переводя искусство в ранг понятий и тем самым изменяя его природу. Однако ценность искусства как такового именно в том, что при помощи внутренней формы слушатель как бы соединяется с творцом, непосредственно соприкасается с ним, утверждая и свое, и его бытие через «сочувствие», сердечное единение и творческое сопереживание. Т.Д. Марцинковская подчеркивает, что отличие Г.Г. Шпета от других исследователей состоит в констатации того, как слушатель, реципиент входит в самосознание творца при восприятии его произведения, участвует в нем, сочетая свое самосознание с его в единстве «самочувства», то есть через эмоции осуществляется формирование единой самости творца и зрителя, а не просто снятие напряжения или формирование эмоции ритма, облегчающей вхождение в группу¹¹⁷. Именно через эту общность мировоззрения искусство и становится знанием, но не самого творца, а того имиджа, которое он раскрывает в данном произведении. Поэтому искусство не является переводом, но является самостоятельным продуктом духовной жизни как творца или слушателя, так и народа в целом. Искусство может помочь в формировании нового самосознания, так как, отдаваясь наслаждению, человек бессознательно и непроизвольно преобразуется, и у него формируется новое мировоззрение, новые идеалы. При этом формируется собственно культурное сознание человека, так как, сознавая и наслаждаясь культурным произведением, человек становится и осознает себя как культурное существо.

По мнению Г.Г. Шпета, искусство становится специфической формой психологического знания, подчеркивая, что духовность в большей степени отражает реальность и реальное состояние мира, чем сам мир, быт, так как в ней закодировано отношение людей к этому миру, «овнешненное» в предметах культуры – картинах, архитектуре, музыке, и, особенно, языке. Именно поэтому культура и связана с психологией, но не своими объективными выражениями, а своей субъективной частью. Искусство есть орудие, которое указывает на особый смысл, функцию данного предмета, это «знаки, самодовлеющего бытия не имеющие, но указующие на таковое и через это приобретающие собственное значение». Таким образом, Г.Г. Шпет приходит к мысли о том, что искусство, как и речь, может быть методом исследования психических особенностей человека, причем тех его духовных качеств, которые определяются и проявляются в социальном контексте.

А.Н.Леонтьев, рассматривая эстетическую деятельность как специфическую деятельность общественного человека, акцентировал внимание на том, что этой деятельности присуща «не обычная познавательная функция, такая же, как функция понятия, представления, идей вообще — правильно или неправильно, полно или неполно, более обобщенно или в более конкретной форме

---

¹¹⁷ Там же

отражающих природу общества, человека и мышления»¹¹⁸. Специфика эстетической деятельности, по А.Н.Леонтьеву, состоит не столько в понимании чувственных образов и переводе их в символы на уровне значений, сколько в передаче такого знания, которое может регулировать, управлять жизненными процессами на уровне субъективных смыслов. А.Н.Леонтьев пишет: «Искусство этим и совершает великую борьбу против утраты смысла в равнодушных значениях. ...Искусство — не только для человека, как значение, как познание. Искусство за человека, в этом его главное отличие. Не *для*, а *за*. Замена слов, мне кажется, точно выражает суть дела. Искусство заставляет человека жить в истине *жизни*, а не в истине *вещей*».

Сходную идею высказывает В.П.Зинченко: «...в отличие от науки искусство порождает живое знание. Искусство сохраняет человеческий мир целостным. Оно если и не предмет для подражания, то постоянное напоминание науке о существовании целостного неосколочного мира»¹¹⁹.

В.Ф.Петренко, анализируя идею В. Налимова, считающего, что познание мира, развитие идей осуществляется в движении от «мягких» (т. е. менее формализованных) языков, к которым относятся в первую очередь языки искусства, к «жестким» (более формализованным) языкам, приходит к заключению, что «действительно, некая парадигмальная идея первоначально существует в форме эмоционального образа той или иной, чаще зрительной, модальности, чувственной метафоры и лишь затем, конкретизируясь, структурируется в понятийную форму»¹²⁰.

Следовательно, можно констатировать, что взаимодействие человека с культурными артефактами приводит к порождению и пониманию «ответственного знания», «живого знания», «мягкого знания», «целостного знания». Искусство не отражает действительность и не подражает ей, а трансформирует, модифицирует и сгущает смыслы, в результате чего происходит «прямое усмотрение истины», не требующее доказательств. Вернее говорить не об истине, а о ценностях и здесь мы согласны с Дильтеем, считавшим, «что оперировать понятием *истина* в сфере гуманитарных наук некорректно, гораздо более адекватным понятием здесь выступает понятие *ценности*».

Через искусство личность познает не столько субъект-объектные и субъект-субъектные отношения, сколько переопределяет внутреннюю смысловую систему координат и выстраивает пирамиду ценностей, обретая устойчивые формы интеракции с предметным и социальным миром. С помощью искусства личность раздвигает рамки повседневности, расширяет репертуар социальных ролей, осваивает различные иногда не сочетаемые в жизни поведенческие модели и стратегии, в целом, «углубляя в себе меру понимания окружающего»¹²¹.

¹¹⁸ Избранные психологические произведения в 2-х томах. Под ред. В.В.Давыдова, В.П.Зинченко, А.А.Леонтьева, А.В.Петровского. М, Педагогика, 1983. т 2.

¹¹⁹ Зинченко В.П. Психология искусства // Большой психологический словарь. СПб, 2003. - С.439.

¹²⁰ Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб, 2005.

¹²¹ Кривцун О.А. Психология искусства. М, 1998.

Вопросы для самопроверки

1. Какие подходы к изучению и определению репрезентаций Вы знаете? Какой из них Вам импонирует? Ответ обоснуйте.
2. В чем представители когнитивного подхода видят различия между знаниями и репрезентациями?
3. Как Вы понимаете, что модель репрезентации представляет собой единство апперцепции?
4. Кто является автором теории «двойного кодирования мира» и в чем ее суть?
5. Сформулируйте основные положения теории поля К.Левина.
6. Назовите основные положения концепции социальных представлений С. Московичи.
7. Охарактеризуйте основные идеи социального конструкционизма К. Гергена.
8. Чем отличается конструктивизм как направление психологических исследований от конструкционизма?
9. Что является предметом изучения дискурсивной психологии?
10. Дайте определение культурным репрезентациям.
11. Какие функции выполняют культурные репрезентации?
12. Как Вы понимаете понятие «интеробъективность», введенное Б. Латуром?
13. Как с точки зрения психологии рассматривается искусство?
14. Охарактеризуйте психологический потенциал искусства.
15. Какие социально-психологические функции искусства Вы знаете?
16. Можно ли рассматривать искусство как процесс межличностной коммуникации? Ответ аргументируйте.

Творческие задания

Задание 1. Заполнить таблицу 1, указав авторов перечисленных терминов: «когнитивные карты», «когнитивные репрезентативные структуры», «образ мира», «схема», «план», «субъективная модель мира», «внутренний мир человека», «внутренний план умственных действий», «ментальный опыт» («концептуальные структуры»), «ядерные структуры», «структура индивидуального опыта».

Таблица 1.

Научные представления о ментальных структурах	
Термин	Автор / авторы
	Е.А.Сергиенко
	А.Н. Леонтьев, В.В. Петухов, В.П. Серкин, С.Д. Смирнов
	Э.Толмен
	Дж. Брунер
	Н.И. Чуприкова
	М.А. Холодная
	И.О. Александров, Ю.И. Александров)
	Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам),
	Я.А. Пономарев
	(Ф. Бартлетт, И. Кант, Ж. Пиаже, У. Найссер
	Б.Г. Ананьев),

Задание 2. Заполнить глоссарий по теме «Репрезентации личности как предмет психологического и социально-психологического анализа»

Таблица 2.

Глоссарий	
Термин	Определение
Репрезентация	
Ментальная репрезентация	
Символическая репрезентация	
Образная репрезентация	
Аналоговая репрезентация	
Модальная репрезентация	
Социальное представление	
Социально-перцептивный эталон	
Социальный стереотип	
Социальный аттитюд	

Задание 3. Проанализировать 2 социально-психологические теоремы: теорему Томаса «Если ситуация определена как реальная, она реальна по своим последствиям» и теорему Гофмана «Если Вы неправильно определите ситуацию, то она определит Вас», сформулировать и сравнить основную идею каждой из них. Аргументировать, как эти теоремы связаны с изучением репрезентаций.

Задание 4.

Подготовить доклад и презентацию по любому направлению искусства, включая авангардизм, абстракционизм, концептуализм, ар-брют и др.

ГЛАВА 2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «Я – ДРУГОЙ» КАК ОСНОВА СОБЫТИЯ ЛИЧНОСТИ И СТАНОВЛЕНИЕ ЕЕ СУБЪЕКТНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

Проблема взаимодействия Я и Другого рассматривается как междисциплинарная проблема, анализ которой требует привлечения знаний различных гуманитарных дисциплин (философия, социология, культурология), в которых она концептуально и категориально тематизируется и трактуется в разных контекстах. Представлена теоретическая рефлексия взаимодействия «Я – Другой», предполагающая комплексный анализ, охватывающий различные уровни: уровень межличностных отношений и интеракций (диалог Я – Ты, место и позиция Я, интроективная и проективная идентификация, формирование образа Другого, обмен ролями, персонификации, не-Я); уровень личности и индивидуальности (роль значимого Другого в развитии личности, эффективности ее социализации, конструировании субъективности и идентичности личности); личностный уровень субъекта (генезис субъекта и субъектности, формирование смысловой и ценностной регуляции деятельности и поведения субъекта).

2.1. Диада «Я – Другой» – онтологическая константа человеческого бытия

«Другой – понятие современной философии, представляющее собой персонально-субъектную артикуляцию феномена, обозначенного классической традицией как «свое иное» (Гегель) и обретающее статус базового в рамках современного этапа развития философии постмодернизма..., фундируя собой стратегическую программу «воскрешения субъекта»¹²².

Философский дискурс предполагает выделение 3 основных направлений исследования фигуры Другого: экзистенциально-феноменологического, герменевтико-диалогического и постструктуралистского.

Экзистенциально-феноменологическое направление представлено такими философами как Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, Р. Х.Ортега-и-Гассет, Ж.-П.Сартр, И.Г. Фихте, С. Франк, М. Хайдеггер, Г. Шпет.

Основатель феноменологии Э. Гуссерль утверждает, что феноменология отказывается от суждений, касающихся пространственно-временного, онтического аспекта бытия и обращается к миру, пользуясь совершенно иной установкой, которая уточняется следующим образом: «Я не отрицаю этот «мир», как если бы я был софист, и я не подвергаю его существование здесь сомнению, как если бы я был скептик, а я совершаю феноменологическую *ἐποχή*, каковая полностью закрывает от меня любое суждение о пространственно-временном существовании здесь»¹²³. Предметом феноменологии является чистое или трансцендентальное сознание, которое описывается, исходя из «конститутивной

¹²² Можейко М.А., Майборода Д.В. Энциклопедия постмодернизма. М, 2001.

¹²³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. - Т.1. - М.,1999. - С.26.

проблематики»¹²⁴, полагая под этим понятием образования в сознании предметностей, предшествующих объективному знанию о предметах и находящихся в особом коррелятивном отношении с последними. Конституирование и коррелят связаны с такими ключевыми категориями феноменологического подхода как феноменологическая редукция, сущностный (эйдетический) анализ и интенциональность.

Трансцендентальная редукция – методический шаг феноменологии, благодаря которому исследователь, как утверждает Э. Гуссерль, обращается «к потоку чистых переживаний сознания» и к тому, что в этих переживаниях конституируется. Благодаря трансцендентальной редукции весь эмпирический мир, включая и эмпирическое Я, «заключается в скобки», оставляя в фокусе внимания лишь чистое трансцендентальное Его, которое способно воспринимать эйдосы (чистые смыслы) вещей (предметов, событий, любого явления, в том числе и человека). При этом смысл не творится чистым «я», а относится к тому постоянно пребывающему в предмете, что остается тождественным, несмотря на все перемены интенциональных переживаний. Речь, таким образом, идет о смене когнитивной установки: познается не *что-то* в мире, а то, *как* конструируется мир сквозь призму очищенного от эмпирики сознания.

Другое ключевое понятие феноменологии Э. Гуссерля – интенциональность становится руководством в проведении феноменологической работы. Интенциональность выступает предпосылкой образования в сознании предметностей, поскольку сознание, определяемое как интенциональное, есть всегда «сознание о», оно уже направлено на предмет или интендирует его. Предметность является содержанием сознания или его *ноэмой*, в то время как форма сознания отражена в *ноэзисе* или актах сознания. Образование предметностей сознания осуществляется в самых глубинах сознания – во внутреннем времени-сознании. С этим новым понятием феноменологии связаны такие понятия как пассивный и активный генезис. И временность, и многообразие генезиса сознания дают феноменологическую картину сознания, которое, как оказывается, во многом парадоксально. Парадокс связан с упреком феноменологии в солипсизме как в принятии такой теоретической установки, согласно которой весь мир видится произведением сознания и в этом случае возникает проблема универсальности такой модели. Вопрос о сходстве сознания различных людей ставится Э. Гуссерлем как вопрос об образовании в сознании такого смысла как Другой. Он пишет: «Как я из моего абсолютного Его прихожу к другим Egos, которые в качестве именно других не действительно суть во мне, а во мне только осознаются?»¹²⁵. Если такой смысл сознанием порождается и образуется, тогда интенциональность превращается в интерсубъективность, т.е. лежащую в основании каждого сознания направленность на предмет, который находится между

¹²⁴ Гуссерль Э. Картезианские медитации. V Медитация //От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога/Научный ред. А.А.Михайлов, составл. Т.В.Щитцова. Мн.: «Менск», 1997. - С.48.

¹²⁵ Там же, С.49

(интер) нашими конституирующими действиями, конституируется сходным образом мной и Другим¹²⁶.

Обращение к теме интерсубъективности становится попыткой заглянуть в «жизнь сознания» Другого человека, обозначаемую Э. Гуссерлем как «опыт Чуждого», который «является трансцендентальными фактами моей феноменологической сферы»¹²⁷. При этом конституирование этих Я характеризуется определенной спецификой, поскольку, с одной стороны, они воспринимаются как объекты, а с другой стороны они осознаются как субъекты, имеющие возможность воспринимать и мир, и мое Я. Мир Другого выступает как интенциональный объект, обретающий характеристику «свойственности / несвойственности», в результате чего собственное Я воспринимается как не-чужое. Возможность такого взгляда предполагает не только преодоление солипсизма, но и совершенно новый ракурс самого феноменологического поиска: феноменология переходит от описания индивидуального сознания к описанию другого сознания, а значит, решает вопрос об их взаимодействии, предполагаемым самим сознанием, и объединении их в любых общностях – от общения до общества как такового.

Анализ понятия интерсубъективности представляет Я с самых разных точек зрения: как природное тело и психофизическое Я, как единство психической жизни и личность. Объединение всех этих уровней Я в единое целое интерсубъективно, т.к. оно возникает благодаря образованию в глубинах «чистого Я» смысла «Другой», а затем целого мира Других. Тема интерсубъективности обозначена Э. Гуссерлем в «5 Картезианской медитации», а более подробно осмыслена в работе «Феноменология внутреннего сознания времени»¹²⁸ и в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»¹²⁹. Генезис трансцендентального Я приводит Э. Гуссерля к идее «жизненного мира», в рамках которого интерсубъективность преобразуется в личностное измерение Я и Другого, без которого не существует ни мир вообще, ни какой-либо конкретный мир. Э. Гуссерль пишет: «Душевное конституирование объективного мира понимается как мой действительный и возможный опыт мира, мое, опытно познающее себя как человека, Я. Этот опыт является более или менее совершенным, он имеет постоянно свой открыто неопределенный горизонт. В этом горизонте физически, психофизически, внутреннепсихически обнаруживается с грехом пополам, а чаще всего просто плохо, для каждого человека каждый Другой как царство бесконечно открытых доступностей»¹³⁰.

Следовательно, содержание феноменологического дискурса Э. Гуссерля не исчерпывается опытом и субъективностью как интенциональной активностью по образованию значений и смыслов, через которую мир и собственная

¹²⁶ Там же В 5 медитации Гуссерль отражает все упрёки в солипсизме

¹²⁷ Там же, С.49

¹²⁸ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М:Гнозис, 1994.

¹²⁹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология //Вопросы философии, 1992. №7.

¹³⁰ Гуссерль Э. Картезианские медитации. V Медитация //От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога/Научный ред. А.А.Михайлов, составл. Т.В.Щитцова. Мн.: «Менск», 1997. - С.85.

субъективность конституируются, а включает в себя понятия Другой и интерсубъективность.

Таким образом, обобщая основные положения Э. Гуссерля относительно фигуры Другого, можно констатировать, что, по Э. Гуссерлю, бытие Я и бытие Другого – это, в первую очередь, телесное бытие. Тело Другого не тождественно, но аналогично телу Я, что позволяет идентифицировать его именно как тело Другого, а не как объект. В связи с этим способ постижения Другого – пространственно-временная аппрезентация, сущностью которой является отражение фигуры Другого, исходя из доминантности взгляда Я, особенностей социальных взаимоотношений и межличностных интеракций. Однако, следует указать, что Э. Гуссерль, признавая за Другим как телесное, так и духовное своеобразие, считает, что глубокое познание оригинала не достижимо, поскольку Я при взаимодействии с Другим конституирует смысл для себя Другого как результат аппрезентации.

Феноменологический смысл получают визуальные, слуховые, тактильно-кинестетические очевидности присутствия Другого, а в центре анализа оказывается тело, которое устанавливает и очерчивает границы между собой и другими. М. Мерло-Понти пишет: «Я имею мир в виде незавершенного индивида благодаря моему телу, являющемуся возможностью этого мира. Я воспринимаю положение объектов через положение моего тела или, наоборот, положение моего тела через положение объектов, но не в логической импlications, а в реальной взаимосвязанности...»¹³¹.

Э. Гуссерль считает, что доминантность функции тела важна, потому что именно благодаря ей можно говорить о теле другого по аналогии феноменального переживания собственного тела, и тем самым рассматривать весь процесс телесного конституирования мира как совместное действие отдельных и автономных индивидов-монад.

М. Хайдеггер предлагает собственное понимание феноменологического метода, опираясь на онтологический дискурс, и, соответственно, развивает феноменологию человеческого бытия. Анализируя диаду «Я – Другой», М. Хайдеггер справедливо полагает, что Я и Другой не только не существуют вне этого отношения, они заданы этим отношением и в то же время конституируют его. В некотором предельном смысле можно сказать, что Иным (Другим) у М. Хайдеггера выступает само Бытие, поскольку «бытие-в-мире» предстает как «бытие-с» или как сосуществование с Другим¹³².

По-другому теория опыта «чужого» выглядит в феноменологической философии после Э. Гуссерля. Ж.-П. Сартр исходит из тезиса о случайной природе существования «Другого», потому что «Другого» мы встречаем, а не конституируем¹³³. Ситуация взгляда «Другого» на «меня» не может быть проинтерпретирована как познавательная ситуация, в которой «я» может воспользоваться предзнанием своей «собственной» субъективности. По Сартру, случайность

¹³¹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб: Ювента, Наука, 1999. - С.447.

¹³² Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М: Республика, 1993.

¹³³ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр; пер. с франц., предисл., примеч. В.И.Колядко. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 2002. - С.273.

«Другого» означает, что отношение «бытие-для-другого» не выводится из фундаментальных онтологических структур «бытия-для-себя»¹³⁴. Возникновение отношения «бытие-для-другого» можно расценивать как опыт «чужого», спрогнозированный взглядом «Другого» на субъекта. В качестве постоянной структуры субъектного «бытия-для-другого» Ж.-П. Сартр выделяет опасность¹³⁵. «Бытие-для-другого» – это бытие в опасности, поскольку взгляд «Другого» переводит субъекта из актора в объект наблюдения и оценивания, ему атрибутируются качества и свойства, о которых Я не подозревает или которыми вовсе не обладает. Исходя из этого, конкретный опыт взаимоотношений с «Другим» становится у Ж.-П. Сартра стратегиями избавления от опасности, заключенной в отношении «бытие-для-другого». Таким образом, свою теорию существования «Другого» Ж.-П. Сартр основывает на опыте «чужого», который переживается «мною» как постоянная угроза «моего» отчуждения¹³⁶.

По мнению Ж.-П. Сартра, способ бытия предполагает возможность «быть увиденным Другим», при этом Другой, наблюдая за мною, может превратить меня из активного субъекта в пассивный объект, отчуждая мой мир и мои возможности. По этому поводу интересны следующие высказывания Ж.-П. Сартра: «Я улавливаю взгляд Другого внутри собственного акта действия как отверждение и отчуждение моих собственных возможностей»¹³⁷; «Другой – это скрытая смерть моих возможностей»¹³⁸. Следовательно, Другой оказывается видимой границей, маркирующей права обладания и указывающей на возможность существования неизвестных интрапсихических миров.

Явление Другого интерпретируется как появление взгляда (за которым нет лица). Х. Ортега-и-Гассет указывает на способность *политизировать* отношение к Другому, когда упоминает «о взгляде из-за кулис, следящий, контролирующий, преследующий, ненавидящий, унижающий и т.п., – повсюду взгляд, которые превращает нас в объекты чужой воли, страсти и насилия»¹³⁹.

Представление об опыте «чужого» как своеобразном опыте претерпевания реализовано в теории опыта «чужого» немецкого феноменолога Б. Вальденфельса, который рассматривает опыт «чужого» Э. Гуссерля как «превращенный опыт самого себя»¹⁴⁰. Б. Вальденфельс предлагает иную теорию опыта «чужого», которая, по его мнению, более соответствует странному феномену «чужого». Свою модель опыта «чужого» он обозначил как респонзивную (от нем. *response* – ответ, отклик, отзыв)¹⁴¹. Респонзивность связана с тем, что «чу-

¹³⁴ Там же, С.379.

¹³⁵ Там же, С.290.

¹³⁶ Пахолова И.В. Опыт «чужого» в терминах интенциональности и респонзивности (Э.Гуссерль и Б.Вальденфельс) // Вестник Сам.ГУ, 2006. №5/1 (45). - С.24-28.

¹³⁷ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М: Политиздат, 1989. - С.320.

¹³⁸ Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр; пер. с франц., предисл., примеч. В.И.Колядко. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб; Республика, 2002. - С.166.

¹³⁹ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Тема нашего времени // Самосознание европейской культуры. М: изд-во Политической литературы, 1991.- С.241.

¹⁴⁰ Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Б.Вальденфельс; пер. с нем. О. Кубановой // Логос. Философско-литературный журнал. 1995. №6. – М.: Гнозис, 1994. - С.81.

¹⁴¹ Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии / Б.Вальденфельс // Мотив чужого: сб. / пер. с нем., науч. ред. А.А.Михайлов, отв. ред. Т.В.Щитцова. – Минск: Пропилей, 1999. - С. 123.

жой» являет себя необычным образом. В определении явленности «чужого» Б. Вальденфельс следует за Э. Гуссерлем – «сущность чужого состоит в «подтверждаемой доступности оригинально недоступного»¹⁴². «Чужое не находится где-то в другом месте, оно само определяется как где-то в другом месте...»¹⁴³. Б. Вальденфельс указывает на существенное, по его мнению, упущение Э. Гуссерля в теории опыта «чужого». Рассматривая опыт «чужого» в горизонте «родного мира» и «чужого мира», Э. Гуссерль выделил две формы «чужести» – внутреннюю и внешнюю. «Чужесть» внутренняя есть «Чужесть внутри Родного мира, принадлежащая к его внутреннему горизонту», и «Чужесть вне Родного мира, принадлежащая к его внешнему горизонту». Внутренняя «чужесть» проявляется как все то, что «мне» не известно в разной степени неизвестности. Такого рода «чужесть» получает свое значение в «родном мире» исходя из «стилевой аналогии», т.е. «подпадая под “знакомый стиль”»¹⁴⁴. Но, по мнению Б. Вальденфельса, теория опыта «чужого» Э. Гуссерля не справляется с ситуацией, характерной для внешней формы «чужести» – когда чужеродное для «родного мира» предстает в модусе непонятности. В этом случае, замечает Б. Вальденфельс, «конкретная аналогия разрушается, и я попадаю в ситуацию неопределенности». Б. Вальденфельс определяет феномен «чужое» как гиперфеномен, поскольку «чужое» «демонстрирует себя только тогда, когда уклоняется от схватывания...»¹⁴⁵. На этом основании опыт «чужого» должен представлять собой «опыт непреодолимого отсутствия»¹⁴⁶. Для этого в интенциональном смысловом порядке «собственного» должна возникнуть брешь, пропасть, разрыв. Здесь Б. Вальденфельс опирается на учение Э. Гуссерля о раздражении (Affektion). Раздражение, прежде всего, можно определить как респонзивное, основываясь на том, что «раздражение с его пропастью между восприятием чужого и самовосприятием не может быть сведено ни к какому общему смыслу»¹⁴⁷. «Чужое» как гиперфеномен, т.е. как то, что является в своем отсутствии и внепорядковости, обнаруживается как раздражающая, атакующая, причиняющая сила. Феномен «чужое», по мнению Б. Вальденфельса, требует ответа. Респонзивная теория опыта «чужого» «начинается по ту сторону смысла и правил, там, откуда нечто нас вызывает и ставит под вопрос наши собственные возможности еще до того, как мы обращаемся к знанию и пониманию»¹⁴⁸. Б. Вальденфельс выстраивает логику ответа на притязания «чужого». Прежде всего, притязание «чужого» «имеет двойное значение, а именно является призывом, который направлен к кому-то, и претензией, которая распространяется на

¹⁴² Там же, С.126.

¹⁴³ Там же, С.127.

¹⁴⁴ Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Вальденфельс; пер. с нем. О. Кубановой // Логос. Философско-литературный журнал. 1995. № 6. М.: Гнозис, 1994. - С.81.

¹⁴⁵ Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии /Б.Вальденфельс // Мотив чужого: сб. / пер. с нем., науч. ред. А.А.Михайлов, отв. ред. Т.В.Щитцова. – Минск: Пропилеи, 1999. – С. 127.

¹⁴⁶ Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» /Вальденфельс; пер. с нем. О. Кубановой // Логос. Философско-литературный журнал. 1995. №6. – М.: Гнозис, 1994.- С.81.

¹⁴⁷ Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии /Б.Вальденфельс // Мотив чужого: сб. / пер. с нем., науч. ред. А.А.Михайлов, отв. ред. Т.В.Щитцова. – Минск: Пропилеи, 1999. - С.130.

¹⁴⁸ Там же, С.131.

нечто»¹⁴⁹. Сообразно двойственности притязания ответ имеет двойную форму. Ответ на нечто есть содержательный ответ, ответ-answer, который «заполняет пробелы в содержании вопроса...» Ответ на призыв ко мне есть ответ-response – событие ответа, «которое не заполняет никакие пробелы, а отвечает предложениям и притязаниям другого»¹⁵⁰. Далее Б. Вальденфельс выделяет четыре момента логики событийного ответа-response:

- сингулярность. Сингулярность есть знак уникальной событийности ответа, которая ставит ответ в ранг таких событий в истории человека и целых народов, «которые не забываются», так как они вводят новый символический порядок, утверждают смысл, открывают историю, призывают к ответу, порождают обязательства»¹⁵¹;
- неизбежность. Радикальность притязания «чужого» Б. Вальденфельс уподобляет силе «традиционных инстанций», среди которых «стремление к счастью, стремление к самосохранению, категорический императив или свобода»¹⁵²;
- недостижимый постфактум. Это означает, что событийность ответа «протекает здесь и теперь, но он начинается где-то в другом месте»¹⁵³. Другими словами, событие ответа всегда утверждает такой порядок, частью которого это событие не является;
- асимметрия. Асимметрия указывает, что притязание и ответ не совпадают в общем порядке «собственного» и «чужого»¹⁵⁴.

Кроме того, Б. Вальденфельс считает нужным дифференцировать репродуктивные и продуктивные ответы. Репродуктивный ответ имеет место там, где событие ответа так и не состоялось и «порядок вещей оказывается устойчивым, зияет пропасть между чужой провокацией и собственной продуктивностью»¹⁵⁵. Продуктивный ответ есть знак состоявшейся претензии «чужого», ведь, как замечает Б. Вальденфельс, претензия «становится таковой впервые в ответе». Несовпадение порядка претензии «чужого» и порядка ответа из сферы «собственного» есть то, «что делает весомым нашу речь и поступки»¹⁵⁶.

Таким образом, в формате указанного подхода Другой не только персонафицирован, но и обладает экзистенциально-феноменологической данностью: имеет тело, наделен сознанием, демонстрирует самобытный рисунок поведения. Однако диалог/полилог особенно с чужым не всегда безопасен: ведь не только Я наблюдает и рефлексивирует поведение Другого, конструирует его образ, аппрезентирует его, но и он производит те же действия и операции в отношении Я.

Герменевтическое направление представлено в работах В. Дильтея, Г. Гадамера, П. Рикера, П. Рикерта, которые не рассматривают Другого как конкрет-

¹⁴⁹ Там же, С.132.

¹⁵⁰ Там же, С.133.

¹⁵¹ Там же, С.135.

¹⁵² Там же, С.136.

¹⁵³ Там же, С.137.

¹⁵⁴ Там же, С.138.

¹⁵⁵ Там же, С.139.

¹⁵⁶ Там же, С.139.

ного субъекта, обладающего определенными качествами и свойствами, локализуемыми в пространстве и времени, познающего мир и взаимодействующего с другими людьми. В качестве онтологического посредника всех смыслообразующих интеракций в рамках этого направления выступают текст, язык, традиция. Отношения к себе и Другому формируются на основе текстов в пространстве культуры и человеческого опыта, в интерпретации которых человек нуждается, чтобы понять себя, осознать поставленные цели, отрефлексировать смысл собственного поведения и поведения других. Другим выступает все то, что не было проинтерпретировано и наделено смыслом, что осталось непонятым и не объяснимым. Голос и слух Другого, как в текстах, так и в иных проявлениях психической деятельности человека являются важным и определяющим в рамках герменевтического дискурса. Г. Гадамер полагает, что понимание всегда означает понимание Другого: «Только присутствие Другого помогает тому, с кем мы встречаемся, преодолеть собственные узость и смущение, прежде чем он откроет рот для ответа. То, что становится здесь для нас диалогичным опытом, не ограничивается сферой основ и контроснов, чьим обменом и объединением мог бы закончиться смысл каждого спора. Скорее всего, как показывают описанные опыты, в этом есть еще что-то другое, так сказать, потенциальность бытия другим, которая уже превосходит каждое сообщение в общей сфере»¹⁵⁷. С точки зрения Г. Гадамера, понимать Другого значит иметь возможность сменить перспективу видения, т.е. быть способным с позиции Другого увидеть самого себя.

П. Рикер также высказывает аналогичную мысль: «Я как Другой с самого начала предполагает, что индивидуальность Я настолько интимно подразумевает инаковость, что нельзя подумать о «Я», не подумав о Другом. При этом Я как Другой не только предполагает сравнение («Я» похож на «Другого»), но и причастности («Я» являюсь собой в той мере, в какой «Я» являюсь «Другим»¹⁵⁸.

М. Бубер, Ф. Эбнер, С.Л. Франк, М.М. Бахтин являются представителями диалогического подхода, в традиции которого Другой неотделим от субъекта, поскольку они объединены непрерывно продолжающейся коммуникацией. Другой является равным партнером по диалогу. Субъект позиционирует Другого как собеседника и формирует совместную общность – Мы: Я субъекта связано с Ты партнера по диалогу как непосредственно в момент коммуникации, так и шире – в формате культуры. Диалог предполагает субъект-субъектную интеракцию, в рамках которой трудно выделить активного субъекта, который познает и воспринимает и пассивного субъекта, которого познают и воспринимают, подразумевая взаимный обмен духовных активностей между равноправными субъектами, готовыми конструировать совместное коммуникативное пространство.

Диалог представляет собой постоянную смену ролевых позиций взаимодействующих субъектов и попеременное проигрывание ими роли Другого.

¹⁵⁷ Гадамер Г.-Г. Искусство и подражание // Актуальность прекрасного. М, 1991.

¹⁵⁸ Рикер П. Герменевтика и феноменология // Рикер П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. - С.404 – 412.

Вступая в пространство диалога, происходит обратимый обмен личными местоимениями – один из партнеров говорит «ты», но при этом другой интерпретирует это обращение как «я», позволяющий трансформировать диалоговые позиции, но, сохраняя при этом, самобытность и уникальность Я. Ф. Эбнер подчеркивает особую обратимость Я – Ты-отношения: Я – это еще и Ты для кого-то, кто обращается к нему, таким образом каждое Я есть одновременно Ты. Ф. Эбнер пишет: «Экзистенция Я лежит не в том, чтобы быть отнесенным к самому себе, но – и это решающее обстоятельство – в его отношении к Ты»¹⁵⁹.

По мнению М. Бубера, когда человек открыт для Другого, тогда он открывается и для самого себя. М. Бубер уточняет: «Я становлюсь Я, соотнося себя с Ты»¹⁶⁰. Аналогичную мысль высказывают и другие авторы: «Другой должен стать для меня внутренним и личностным «я»; или – что то же самое – стать для меня «ты»¹⁶¹; «Когда я говорю Я, я уже сказал «Ты есть», и когда я говорю Ты, я уже сказал «Я есть»¹⁶².

М. Бубер настаивает на том, что возникающее межпространство отличается как от внутреннего пространства субъекта (чистой субъективности), так и от социального пространства его интеракций с обществом (корпоративности); оно представляет собой особое интерпространство отношений, в котором субъект может самоактуализироваться в процессе и на основе диалога. Вступая в диалог, субъекты не только и не столько обмениваются информацией, действиями, знаниями, переживаниями, опытом, сколько оставляют друг на друге «следы» (Ж. Деррида). Для того, чтобы по-настоящему стать собой, человеку необходимо преодолеть свою самодостаточность, перейти внутреннюю границу навстречу Другому и Другим, принять ответственность за свою жизнь и за траекторию жизненного пути, обрести свободу.

Соответственно, в рамках этого подхода субъект видит в Другом партнера по диалогу, собеседник трансформируется из «он» в «ты», а коммуникация рассматривается как встреча двух равноправных сознаний. Поскольку Я имеет отношение к Ты не только непосредственно в момент коммуникации, но и до всякой встречи, их диалог может рассматриваться как пробуждение в них обоих некоего исходного первичного единства (С. Франк), понимающее проникновение в существо другого и удерживание его вплоть до «совпадения» (Э. Левинас).

Ключевой единицей анализа человеческого бытия М.М. Бахтин полагает отношения «Я – Другой», считая, что человек может познать себя и других лишь в ситуации встречи с сознанием другого человека. Развитие человека в онтогенезе и его вхождение в культурное пространство происходит под влиянием Другого, своеобразного «инобытия» Я, на границах с которым рефлексивируется собственная самость. Другой позиционируется как необходимый и ключевой элемент идентичности человека, его самоидентификации. По М.М. Бах-

¹⁵⁹ Эбнер Ф. Слово и духовные реальности // От Я к Другому. Минск: «Менск», 1997. - С.30.

¹⁶⁰ Бубер М. Два образа веры. Я и Ты. / Переводчик В.В.Рынкевич. М, 1995.- С.21.

¹⁶¹ Лайн Энтральго П. Теория и реальность другого // История философии. М., 1997. № 1. - С.180.

¹⁶² Эбнер Ф. Слово и духовные реальности // От Я к Другому: Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. - С.29.

тину, Другой – это открывающееся бытие, предполагающее самопринятие и понимание самобытности и уникальности собственного Я в ходе диалогического взаимодействия. Необходимо отметить, что фигура Другого – это всегда конкретный Другой, даже если этим конкретным другим является целая культура. Важным для нашего анализа моментом философии М.М. Бахтина является то, что в ходе диалогической интеракции происходит не только реализация собственной самости, но и постижение, приобщение к интрапсихическому миру Другого. С точки зрения М.М. Бахтина, диалогическое общение предполагает интимно-личностный уровень коммуникации, отличительной характеристикой которого является удовлетворение потребности в понимании, сочувствии, сопереживании. Для общения на этом уровне характерна психологическая близость, эмпатия, доверительность, доминирует «Я – Ты» контакт. Значимым является то, что диалог, элементарной единицей которого является высказывание, происходит на границе бытия коммуникантов, оказывая влияние на внутренний мир каждого, вступившего в общение. Таким образом, диалог в философской традиции М.М. Бахтина выступает своеобразным способом динамического бытия личности, а высказывание представляет собой законченный смысловой комплекс – языковое воплощение поступка, сочетающий в себе авторскую интенцию, его действие, реакцию реципиента и уникальный контекст.

Следовательно, М.М. Бахтин, констатируя социальную природу личности, признает уникальность и самобытность каждого человека, бытие которого реализуется на границе собственного и иного миров, своего и чужого сознания. Он показывает диалогический характер индивидуального сознания и его зависимость от социокультурного контекста, в котором происходит развитие, формирование и становление человека, при этом подчеркивая, что сознание человека детерминировано языком и смысловым контекстом.

Важно, что пространство диалога предполагает некую совместную перспективу, которая связана со смысловой амплификацией субъектов, вступивших во взаимодействие, при этом обогащение происходит благодаря соприсутствию, сопереживанию, сопричастности и соучастию.

Э. Левинас справедливо полагает, что человек сосуществует лицом к лицу с другими. «Другой есть то, что Я не есть»¹⁶³, причем он отличен от Я не только внешне и внутренне – конституционально и психологически, но и в силу своего бытия другим. Сущность Другого определяет смысл и значение межличностной связи: «Другой для меня – единственный мыслимый гарант моего Я»¹⁶⁴, поскольку все участники социальных интеракций имеют значение Другого, обусловлены Другим и являются значащими для Другого. Стоит добавить, что теоретическая рефлексия фигуры Другого приводит Э. Левинаса к пониманию его как «следа» или «полного отсутствия»: «Другой как тотально отсутствующий всегда недостижим, так как формой его существования является ускользание».

¹⁶³ Левинас, Э. Путь к Другому / Пер. Е. Бахтиной. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.

¹⁶⁴ Левинас, Э. Время и другой: Гуманизм другого человека / Пер. с фр. А. В. Парибка. СПб.: Высш. религиоз.-филос. шк., 1998.

Постструктуралистский анализ проблемы взаимодействия Я и Другого связан с такими именами как Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж. Лакан, М. Фуко. По мнению Ж. Делеза, Я обнаруживается «на дне Другого»¹⁶⁵, с точки зрения Ж. Деррида, «фрагментарный человек» может быть собран только посредством Другого¹⁶⁶, по Ж. Бодрийяру, «Другой» – это то, что позволяет не повторяться до бесконечности¹⁶⁷.

Р. Барт, анализируя диадку Я – Другой, рассматривает отношение между элементами как «потерю себя». Он отмечает, что самоидентификация обусловлена и определяется ограниченной позицией собственного тела субъекта, тогда как Другой, обладая способностью репрезентировать тело субъекта, имеет значительную власть над ним. По Р. Барту, эта зависимость от Другого причиняет субъекту боль, «умерщвляет» его, поскольку Я, представляя свое тело, вынуждено ориентироваться на телесные имиджи, которые были созданы другими.

«Другой» в контексте этого подхода позиционируется как инстанция, контролирующая способы вхождения человека в мир символических ценностей. Соответственно, Другой деперсонифицируется, обезличивается и представляет собой закон, совокупность правил, норм и конвенций, которые позволяют входить в символический порядок культуры и получать право на пользование ее символами.

Особого внимания заслуживают взгляды Ж. Лакана, показывающие не самотождественность Я. Он считает, что процесс самоидентификации, обретения самотождественности всегда идет только через синтез с образами Я, являющимися моими другими¹⁶⁸, Ю. Кристева также высказывает аналогичную мысль, подчеркивая гетерогенность субъекта, отсутствие у него однозначной и постоянной идентификации¹⁶⁹. С ее точки зрения идентичность выступает в виде постоянной самоинтерпретации, способной к изменениям при взаимодействии с Другим.

Основной тезис лингвистического психоанализа Ж. Лакана – бессознательное структурировано как язык и представляет собой дискурс Другого. Имеется в виду, что в процессе онтогенеза решающим для человека оказывается момент вхождения и овладения символическим богатством культуры. По мнению Ж. Лакана, Другой позиционируется как культурный механизм, посредством которого происходят разрешения «индивидуальных желаний», выступая, с одной стороны, как объект желания, а, с другой стороны, как система правил и норм, обеспечивающая порядок.

Вместе с тем в контексте этого подхода Другой манифестируется как часть себя. Интерсубъективность обнаруживается как в отношениях между личностями, так и в глубине каждой личности. При этом имеет место проекция себя на Другого и Другого на себя, что связано не столько с удвоением и дуб-

¹⁶⁵ Делез Ж. Мишель Турнье и мир без другого // Делез Ж. Логика смысла. - М., 1998. - С. 395.

¹⁶⁶ Деррида Ж. Письмо и различие. СПб, 2000.

¹⁶⁷ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.

¹⁶⁸ Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию «Я» (Je), открывающаяся нам в психоаналитическом опыте (Пер. А.Абрамовой) // «Стадия зеркала» и другие тексты. Париж, 1992.

¹⁶⁹ Кристева Ю. От одной идентичности к другой // От Я к Другому. Сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. - С. 254-275.

лированием самости, сколько с достраиванием ее целостности. Ж. Делез в этой связи пишет: «Двойником в процессе дублирования никогда не является другой, это моя самость, которая покидает меня как удвоение другого: я не сталкиваюсь с собою во внешнем, я нахожу другого во мне...»¹⁷⁰.

Конструирование внутри себя Другого как средство достичь автономности перед обществом (М. Фуко) также может быть связано с угрозой для Я и является бегством от общества в мир иллюзий, фантазий и симулякров. Создание симулякров связано с мнимыми воспоминаниями и ложными идентификациями с несуществующими Другими, т.е. человек устанавливает сходство и различие с отсутствующими прототипами, другие просто изобретаются и включаются во внутриличностное пространство, удваивая, умножая то, чего нет. В этом контексте интересно понятие «вакация Я», предложенное Ж. Батаем, где модальность отсутствия становится важной и определяющей, связанной с открытостью (вакацией) существований и возможностей.

Отличительной особенностью этого направления является то, что в его рамках Другой рассматривается в качестве множества окружающих человека людей – безликих носителей символического, задающих определенную модель бытия, которая усваивается на бессознательном уровне, соответственно человек позиционируется как функция, заданная другими, а его сознание наполнено внешними ему культурными формами.

Таким образом, взаимоотношения «Я – Другой» выступают в различных, но вместе с тем взаимосвязанных модусах:

- Другой как персонифицируемый Другой, маркирующий видимую границу Я - не Я, при этом ни Я, ни Другой не существуют вне этого отношения, однако смысл Другого представляет собой результат аппрезентации и обусловлен доминантностью взгляда Я;
- Другой как равноправный партнер по диалогу, при этом бытие каждого уникального и самобытного человека реализуется на границе собственного и иного миров, своего и чужого сознания, Другой выступает как открывающееся бытие, предполагающее самопринятие и понимание самобытности и уникальности собственного Я в ходе диалогического взаимодействия, Другой рассматривается как гарант Я, поскольку все участники социальных интеракций имеют значение Другого, обусловлены Другим и являются значащими для Другого;
- Другой как часть Я, позволяющая достраивать до целостности собственную самость, т.е. с помощью конструкта «Другой» констатируется интерес субъективности не только внешнего, но и внутреннего мира; структура Я многокомпонентна и включает в себя Другого (его установки, ценности, нормы);
- Другой как репрезентант культуры и безликий носитель символического, задающий определенную модель бытия, которая усваивается на бессознательном уровне, при этом сам человек позиционируется как функция, заданная Другими, а его сознание наполнено внешними ему культурными формами, в этом случае Другой позволяет расширить перспективы субъективного видения, по-

¹⁷⁰ Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Общая редакция и послесл. В. А. Подороги. / Пер. с франц. Б. М. Скуратова — М.: «Логос», 1997. - С.230.

колебать эксклюзивность собственного взгляда, Я и Другой не столько сравниваются, сколько задают и обуславливают друг друга.

Обозначается своеобразная траектория движения аналитической мысли: от различных субъектов к различным субъектам, от Другого как факта к Другому как необходимости, от единичного Другого к универсальному Другому в формате культуры.

Социологический дискурс не включает в чистом виде понятие «Другой», изначально предполагая как наличие других людей, так и существование общего социального мира. Вместе с тем все основные теории и концепции оперирует этим понятием, полагая его в качестве основания, которое «само собой разумеется», и является непосредственно очевидным, не требующим специального определения¹⁷¹.

Э. Дюркгейм пишет: «Наш долг – это всегда долг перед какими-то сознаниями; все наши обязанности обращены к духовным субъектам, мыслящим существам... В мире опыта я знаю лишь один субъект, который обладает моральной реальностью, более богатой, более сложной, чем мы, – это коллектив... Поскольку другой участвует в жизни группы, поскольку он является членом коллектива, к которому мы привязаны, он приобретает в наших глазах часть достоинства группы, и мы склонны его любить и к нему стремиться»¹⁷².

Э. Дюркгейм фокусирует свой исследовательский интерес на обществе как социальной реальности, первичной по отношению к конкретному человеку и на социальных девиациях, но, как показывают приведенные высказывания, он полагает, что необходимым основанием социального выступает другой человек или объединение людей. При этом в контексте нашей работы важным представляется тезис Э. Дюркгейма о том, что чем примитивнее общество, тем меньше различий между людьми, выше уровни насилия, принуждения и нетерпимости к инаковости.

М. Вебер считает, что социальным действием называется такой акт, который по своему смыслу, предполагаемому действующим или действующими людьми, соотнесен с поведением других и ориентирован на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других¹⁷³. Он настаивает на смысловом характере и ценностной обусловленности социального действия, заключая, что понимание людьми друг друга возможно лишь на основе общих ценностей. Эта идея созвучна взглядам Т. Парсонса, который, акцентируя внимание на проблеме социального порядка, считает, что при анализе социальных систем, ключевой точкой отсчета является понятие социальной системы действия, в то время как «система координат действия предполагает ориентацию одного и многих действующих в ситуации, которая включает других действующих»¹⁷⁴.

¹⁷¹ Баньковская С.П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. Том 6, №1. 2007. - С.75-87.

¹⁷² Дюркгейм Э. Определение моральных фактов // Теоретическая социология. Антология / Под ред. С.П. Баньковской. ч.1. М.: Книжный дом «Университет», 2002.

¹⁷³ Вебер М. Основные социологические понятия http://www.gumer.info/bibliotek_Buks

¹⁷⁴ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества // Американская социологическая мысль. — М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. — С.462-525.

В целом в контексте социологического дискурса происходит переход от онтологических оснований обобщенного Другого к определенному социальному типу, а «далее к индивидуальности, совмещающей в своей целостности социальное и внесоциальное бытие»¹⁷⁵. В этом плане интерес вызывают концепции Г. Зиммеля, А. Шюца, Р. Сеннета.

По Г. Зиммелю, помимо безусловности и незыблемости собственного Я «той же несомненностью обладает и факт Ты ... как нечто независимое от нашего представления, нечто такое, что настолько же есть для себя, как и наше существование»¹⁷⁶. При этом представления о Другом обусловлены спецификой собственного Я, т.к. «из личностного соприкосновения человек извлекает несколько смещенный образ Другого»¹⁷⁷, связанный с обобщением и невозможностью репрезентировать в себе отличную от себя индивидуальность. Г. Зиммель пишет: «Словно есть в каждом человеке такая точка наиглубочайшей индивидуальности, форму которой внутренне воссоздать не сможет тот, у кого эта точка качественно отлична»¹⁷⁸. Соответственно, совершенное знание об индивидуальности другого недоступно, человек может сконструировать лишь обобщенный образ, расплывчатость очертаний которого обусловлена не только невозможностью адекватно познать его индивидуальность, но и наложением на этот образ отношения к Другим. Значит, человек, взаимодействуя с Другим и конструируя его образ, не совпадающий с действительностью, относит его к некоторому типу, к обобщенной категории и оценивает степень соответствия или рассогласования характеристик того или иного типа с конкретным образцом, сформированным уникальностью личности. С точки зрения Г. Зиммеля, «мы все суть фрагменты не только типа человека вообще, но и нас самих... Однако взор Другого восполняет это фрагментарное, делая нас тем, чем мы никогда не являемся чисто и полно... Практика жизни заставляет создавать образ человека только из реальных, эмпирически известных отрывков, но именно она-то и основывается на изменениях и дополнениях, на преобразовании данных фрагментов во всеобщий тип и полноту идеальной личности»¹⁷⁹. Таким образом, Я видит Другого так же, как Другой видит Я, воссоздавая образ чужой уникальности и типизируя, восполняя и преобразовывая фрагментарное. Позиции Я и Другого у Г. Зиммеля выступают как равноправные позиции, вернее позиции с равноправными перспективами, т.к. Я лишь постольку есть Я, поскольку претерпеваю на себе взор Другого, того самого Другого, которого лишь созерцание Я делает уникальным индивидом. Г. Зиммель пишет: «В представлении человека человеком сказываются смещения, умаления, дополнения, идущие от всех этих априорно действующих категорий: от типичности человека, от идеи его совершенного завершения, от социальной общности, к которой

¹⁷⁵ Баньковская С.П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии //Социологическое обозрение. Том 6, №1. 2007. - С.77-78

¹⁷⁶ Зиммель Г. Как возможно общество?//Зиммель Г. Избранное. М: Юрист, 1996. Т.2. - С.511.

¹⁷⁷ Там же, С.514.

¹⁷⁸ Там же, С.514.

¹⁷⁹ Там же, С.515.

он принадлежит. А надо всем этим, как эвристический принцип познания парит мысль о его реальной, чисто индивидуальной определенности»¹⁸⁰.

Г. Зиммель утверждает, что все общение людей в рамках социальных категорий было бы другим, если бы каждый выступал для Другого как партнер лишь в соответствующей социальной категории, как носитель именно теперь выпавшей ему социальной роли, по его мнению, «любые социальные интеракции допускают наряду с их социальным содержанием некое *помимо того*»¹⁸¹. Он полагает, что общество образовано из неравных элементов. Его исследовательская аналитика фокусируется на описании и изучении нескольких социальных типов, которые по разным причинам стигматизированы обществом, но для которого их существование значимо и необходимо: Чужак, Враг, Преступник, Бедняк. Чужак обращает на себя внимание, поскольку выполняет совершенно определенные функции в группе. Г. Зиммель считает, что основным критерием для определения Чужака является пространственный критерий, включающий в себя единство близости – удаленности Чужака по отношению к группе, а также момент его появления в ней. На основании этого критерия специфика взаимодействия Чужака с группой описывается с помощью таких понятий как дистанция, граница, мобильность, фиксированность, а специфической характеристикой интеракции Чужака и группы Г. Зиммель полагает свободу Чужака. Для группы Чужак представляет собой нечто вроде инородного тела, он не включен в нее, а все время находится на некотором расстоянии, его присутствие в группе значимо лишь потому, что позволяет зафиксировать этот процесс отдаления или возвращения в конкретную группу¹⁸². Важным является то, что отчуждение Чужака связано не с депривацией или стигматизацией, а с его особой позицией в группе – позицией не члена группы, а наблюдателя, что и определяет его свободу относительно норм, правил, ценностей, прав и обязанностей. Именно позиция наблюдателя обуславливает характер его свободы, отмеченной объективностью, основанной на том, что он не связан ни с одной группой; абстрактностью, поскольку с ним можно разделять лишь самые общие черты, те, которые объединяют каждого человека с каждым; безличностью или взаимозаменяемостью Чужака. Вместе с тем Чужак вызывает подозрение – он может разрушить установившийся порядок и нарушить господствующие обычаи и традиции. Таким образом, основная функция Чужака, по Г. Зиммелю, – это обозначение границ группы.

Модус «Враг» предполагает равенство и одинаковость по многим позициям, «а всякий мельчайший антагонизм приобретает иное, относительное значение, чем это бывает между людьми более отчужденными, с самого начала взаимно ориентированными на возможные различия»¹⁸³, соответственно, большая схожесть качеств, склонностей, убеждений, интересов и установок может

¹⁸⁰ Зиммель Г. Как возможно общество? // Зиммель Г. Избранное. М: Юрист, 1996. Т.2. - С.516.

¹⁸¹ Там же, С.517.

¹⁸² Баньковская С.П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. Том 6, №1. 2007. - С. 78.

¹⁸³ Зиммель Г. Человек как враг // Зиммель Г. Избранное. М: Юрист, 1996. Т.2. - С.506.

привести к тому, что, на первый взгляд, незначительное рассогласование будет переживаться как нечто совершенно невыносимое, а Другой начнет позиционироваться как враг. Что касается Бедняка и Преступника, то эти социальные типы порождены самим обществом, они противопоставляются обществу, но при этом носители этих типов остаются его членами, органически включенными во взаимосвязь целого.

А. Шюц настаивает на том, что окружающий мир изначально является интересубъективным миром культуры: он населен и культурно сконструирован другими людьми – до нас, вместе с нами, после нас. Он интересубъективен, поскольку в нем существуют люди, связанные друг с другом различными отношениями: они познают друг друга, влияют друг на друга, понимают Других и понимаемы Другими. Это положение он признает аксиоматичным, т.е. не требующим доказательств. Его интересует другое – как можно объяснить, что один и тот же объект приобретает разные значения для разных субъектов. Причины такого очевидного факта, по его мнению, кроются в том, что Я и Другой обладают, во-первых, разными перспективами видения, а, во-вторых, находятся в разных биографически детерминированных ситуациях, в центре которых определено место, где локализовано Я, но это Я разных людей. Лишь относительно собственного Я взаимоотношения с Другими приобретают определенный смысл, становятся «Мы», и только относительно «Нас», другие люди позиционируются как «Они». А. Шюц подчеркивает множественность Других, которые могут быть: современниками, т.е. одновременно существующими в пространстве и времени в режиме «лицом-к-лицу», предполагающими, что некоторые сегменты реального мира равнодоступны Я и Другому, каждый из которых взаимно вовлечен в биографию другого; предками, чьи прошлые действия и результаты интерпретируются и оказывают определенное воздействие на актуально живущих людей; потомками, на которых можно ориентироваться и ответ (ответственность) перед которыми придется держать.

Перечисленные отношения свидетельствуют о наличии широкого разнообразия различных связей: от близости до анонимности, от силы и глубины до поверхностности, от персонализированности до неизвестности и обезличенности. А. Шюц убежден, что все перечисленные отношения (даже Мы-отношения) не предполагают постижения уникальной сущности Другого, которая неизбежно обобщается и типизируется. Более того, он считает, что конструирование Другого как фрагментарной персональности, как ролевой типизации приводит к самотипизации, к приписыванию самому себе определенных ролей и функций.

Исходя из временного критерия, А. Шюц выделяет такой социальный тип как Чужак, понимая под ним «взрослого современника, принадлежащего к нашей цивилизации, который стремится быть постоянно принятым в группе»¹⁸⁴. Он дифференцирует и фокусирует свое исследовательское внимание на двух разновидностях чужака – Чужестранце и Человеке, вернувшемся домой. По

¹⁸⁴ Schutz A. The Homecomer // Schutz A. On Phenomenology and Social Relation. The Univ. of Chicago Press, 1970. - P. 294–308.

мнению А. Шюца, чужестранец должен присоединиться к группе, которая никогда не была и никогда не будет ингруппой, тогда как возвращающийся домой имеет сходный с группой культурный образец, т.е. аналогичную систему релевантностей, принятую членами этой группы. Образец формируется в ходе его использования и апробирования членами группы на протяжении всей ее истории. Вместе с тем Чужак (чужестранец) не разделяет с группой этой истории, у него сформирован другой культурный образец, вследствие чего возникает определенное рассогласование между старым и новым культурными образцами. А. Шюц полагает, что сначала Чужак трансформируется из незаинтересованного наблюдателя в действующего участника – партнера, который пытается использовать новый культурный образец для освоения и присвоения определенного сегмента социального мира, поскольку прежняя схема ориентации (старый образец) оказывается непригодной при взаимодействии с новой группой. Вместе с тем переформатирование культурного образца является непростым делом, Чужаку мешает в этом, прежде всего, его статус в новой группе – размытый и неопределенный – он чужой для группы, а кроме того, параметры форматирования созданы и заданы старым образцом: он может усвоить новый культурный образец не полностью, а лишь фрагментарно. За рамками остается ситуативный контекст применения образцов и схем, накопленный опыт его использования, сама история формирования культурного образца¹⁸⁵. Именно контекстуальное использование культурного образца позволяет членам группы безоговорочно, основываясь на вере об адекватности и правильности культурного образца, следовать его алгоритмам благодаря типизированным, автоматическим действиям, обеспечивающим эффективное взаимодействие членов группы друг с другом и с окружающим миром.

По мере взаимодействия с новой группой этот образец наполняется уникальным опытом и конкретизируется в контексте той или иной социальной ситуации. При этом Чужак не принимает на веру «правильность» нового образца, он должен понять не только, как нужно действовать, но и почему в той или иной ситуации необходимо поступать именно так, а не иначе. Следовательно, освоенный культурный образец отличается от представлений или знаний о нем, поскольку является необходимой для взаимодействия интерпретацией, предполагая те или иные реакции и ожидания со стороны группы – носителя культурного образца. В связи с этим Чужак воспринимает участников взаимодействия не как обобщенных, типичных других, а как уникальных и самобытных индивидов, атрибутируя эти же качества и всей группе в целом. В результате он конструирует мир «псевдо-анонимности», «псевдо-типичности» и «псевдо-интимности», а неуверенность и чувство опасности сопровождают его поведение в этом мире. Для Чужака (чужестранца) новый культурный образец выступает не как защитный слой, «а как область приключений и исследований, не как инструмент разрешения проблемных ситуаций, а как сама проблема»¹⁸⁶. Инте-

¹⁸⁵ Шюц А. Чужак // Избарное: Мир, светящийся смыслом» - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2004. - С. 533 – 550.

¹⁸⁶ Баньковская С.П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. Том 6, №1. 2007. - С.80.

ресна еще одна мысль А. Шюца, которая касается функционально-темпорального параметра отношений между Чужаком и группой: группа пытается рутинизировать, ассимилировать и стереть различия Чужака, тогда как со стороны Чужака происходит активный процесс непрерывного исследования и постоянного испытания культурного образца группы.

Что касается Чужака вернувшегося домой, то процесс формирования инаковости по отношению к своей группе, по А. Шюцу, представляется еще более сложным и драматичным¹⁸⁷. Прежде всего, необходимо раскрыть значение термина «дом», которым пользуется А. Шюц. Под домом им понимается нулевая точка системы координат, которую человек приписывает миру, чтобы обрести в нем свое место и понять самого себя. Коннотативно дом связан с особым апробированным способом жизни, с традициями и укладом, с готовыми образцами типичных действий, коммуникативных стилей, культурных практик и социокультурных кодов. В пространстве дома существует общая для всех его обитателей схема выражений и интерпретаций – система релевантностей, позволяющая понимать Другого и ориентироваться на его действия. В связи с этим А. Шюц пишет: «Я всегда имею шанс – субъективно или объективно – предсказать действия другого в отношении меня, равно как и их реакцию на мои действия. Мы можем не только предвидеть, что произойдет завтра, но и планировать более отдаленное будущее. Вещи продолжают оставаться такими же, как были»¹⁸⁸. Более того, люди, находясь в едином времени и пространстве, конструируют институализированные ситуации, которые позволяют восстанавливать прерванные отношения и продолжать их с того момента, когда они были прерваны. Возможность восстановления прерванных отношений принимается во внимание всеми членами группы. Соответственно, дом – это центр персональной жизни, символ персональной закрепленности и личной ответственности, тесно связанный с образом Я. Более того, дом – это место, где человек совпадает с самим собой, где нет необходимости вступать во взаимодействие друг с другом в регистре статусов и репутаций.

Структура домашнего мира полностью изменяется для того, кто его покинул, он включается в иной контекст опыта, который превращает его в другого человека. Происходит пространственный и временной разрывы со своей группой, в результате которых меняются функции и положение Другого: персональность Другого теряет свойство целостности и дробится на части. Еще одним характерным моментом являются изменения в системе релевантностей: у человека, покинувшего дом, эти трансформации наступают быстро и носят, по мнению А. Шюца, инновационный характер: любое, даже самое неудачное решение видоизменяет состав наличного знания, обогащая его опытом собственных ошибок. Те, кто остались, продолжают существовать согласно привычному образцу, который может быть и меняться, но плавно и медленно, так что люди успевают приспособиться к изменениям, адаптировать свою систему интерпре-

¹⁸⁷ Шюц А. Возвращающийся домой // Избарное: Мир, светящийся смыслом» - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2004. - С. 550 – 557.

¹⁸⁸ Там же, С.551.

таций, и сохранить при этом единство группы. Вернувшийся домой возвращается именно туда, где ему все знакомо, но изменяется он сам, и он ожидает, что эти уникальные и важные изменения будут релевантно восприняты его Мы-группой. Но домашняя группа оценивает опыт вернувшегося извне, с точки зрения Они-группы, и восприятие это псевдотипично и псевдорелевантно. Следовательно, человек, вернувшийся домой, учится заново быть своим среди своих, переводить в старые образцы новые цели, новые средства, приобретенные навыки и уникальный опыт, полученный и пережитый вдали от дома. А. Шюц подчеркивает, что на феноменологическом уровне переживание двойного несоответствия между прежним представлением о группе и ее культурном образце и актуальными репрезентациями, а также между упрощенным схематичным представлением группы о его уникальном опыте и его собственными знаниями и переживаниями, могут не доминировать и не определять характер отношений с Мы-группой, но наличие этих несоответствий приводит к модификации прежних отношений. При этом основной функцией вернувшегося домой является выявление едва заметных различий в жизни группы, определение ее жизненного ритма через сравнение «теперь» и «прежде».

Оставляя за рамками аналитики описание современного общества Р. Сеннетом, в рамках которого он утверждает, что основной характеристикой постиндустриального общества можно считать чрезмерное усиление самости и доминирование интимности, подтверждая этот тезис тем, что люди стремятся к душевному комфорту там, где должны действовать социальный закон и социальный принцип, остановимся на его положениях, связанных с необходимостью существования публичной сферы человека, которая в отличие от приватной сферы предполагает коммуникации и интеракции различных непохожих друг на друга людей. С точки зрения Р. Сеннета, публичное с давних времен понималось как очевидное и открытое всеобщему обозрению (в отличие от «приватного», которое подразумевало укромную сторону жизни, ограниченную семьей и друзьями). Он пишет: «К тому времени, когда слово «публичное» обрело свое современное значение, оно означало не только сферу социальной жизни, расположенную вне пространства семьи и близких людей, но также то, что эта публичная сфера знакомых и посторонних включала относительно широкое разнообразие людей»¹⁸⁹. Благодаря публичной сфере возможно существование общества, в котором люди уважают и понимают интересы, взгляды и ценности Других, признают их право быть Другими, обеспечивая тем самым демократические свободы и социальный порядок. Именно публичная сфера связана с социальными взаимодействиями – «различные сложные социальные группы должны неизбежно вступать в контакт»¹⁹⁰. Человек, ориентированный на собственную приватную сферу, а не на общественного Другого, испытывает интерес не только к своему приватному, но и к частной жизни Другого, поскольку любой человек нуждается в Других, чужих для собственной идентификации. «Падение публичного человека» в современных условиях привело к то-

¹⁸⁹ Сеннет Р. Падение публичного человека. М, 2003. - С. 24.

¹⁹⁰ Там же, С.25.

му, что нормы поведения, характерные для приватной сферы, начали проецироваться на публичную область, искажая и извращая их, и одновременно доказывая необходимость существования публичной сферы, населенной многими разноликими Другими. Публичное пространство заполнено по большому счету Чужаками и незнакомцами, и, находясь в некоей неперсонифицированной среде, человек должен вызвать доверие своим поведением в нерегламентированной ситуации. Именно в этих условиях вырабатываются, перенимаются, имитируются поведенческие паттерны и модели, которые одобряются большинством людей, и маркируются как правильные с точки зрения группы. Такое поведение в меньшей степени детерминировано личностными особенностями участников интеракции, и потому освобождает их от необходимости рассказывать что-либо о себе. Р. Сеннет подчеркивает: «Это придало жизни улицы определенную форму. Актер пробуждал чувства зрителей, не раскрывая перед ними своей сути, а зрители использовали те же критерии достоверности в похожих целях. Человек мог вызвать эмоциональную реакцию собеседника, ничего не сказав о себе самом. Существование этого мостика позволяло людям наслаждаться общением, не затрагивавшим вопросов личной сферы»¹⁹¹. На наш взгляд, трудно представить себе общество одинаково хороших и позитивно относящихся друг к другу людей, однотипно думающих, единообразно рассуждающих и имеющих идентичный репертуар поведенческих моделей, последствия функционирования таких людей вместе блестяще описал И. Джэнис в феномене «огруппления мышления», имеющим место при защите группой позитивных групповых чувств¹⁹².

Таким образом, в рамках социологического дискурса диада «Я – Другой» выступает в виде онтологического условия социального порядка, а Другой позиционируется через различные социальные типы и их разновидности: как описание Своего, обладающего сходной системой релевантностей, и Чужого, символизирующего другой порядок (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Р. Сеннет, А. Шюц). Обозначается своеобразная траектория движения аналитической мысли: от различных субъектов к различным субъектам, от Другого как факта к Другому как необходимости, от единичного Другого к универсальному Другому в формате культуры. Прослеживается переход от определения онтологических оснований обобщенного Другого к выявлению конкретных социальных типов: отношение «Я – Другой» выступает как условие социального порядка и репрезентируется через содержательные и функциональные особенности различных социальных типов. Другой артикулирует иное видение мира и является обязательным персонажем на сцене публичной жизни. При этом присутствие Другого выступает необходимым условием существования любой группы и формирования идентичности каждого из ее членов. Многоликость и разнообразие Другого и Других способствуют как гармоничному развитию личности и группы, так и прогрессу общества в целом.

---

¹⁹¹ Там же, С.77.

¹⁹² Цит. по Майерс Д. Социальная психология. СПб: Питер, 1997. - С.384.

2.2. Влияние межличностных отношений на формирование образа Я и образа Другого

Образ Я и образ Другого формируется посредством интерперсональных отношений и межличностных интеракций. В отечественной психологии проблема отношений была артикулирована А.Ф. Лазурским, В.Н. Мясищевым, Б.Ф. Ломовым и изложена в их классических работах. Несомненный вклад в изучении жизненных отношений внес С.Л. Рубинштейн, идеи которого, а также их применение в онто-психологической модели развития жизненных отношений личности, представлены в исследованиях Е.Б. Старовойтенко.

По мнению А.Ф. Лазурского, в основе личности находятся два типа отношений – отношения между личностью и окружающей средой (экзопсихика) и отношения между экзопсихикой и эндопсихикой – «внутренним механизмом человеческой личности»¹⁹³. А.Ф. Лазурский и С.Л. Франк указывают, что индивидуальность человека определяется не только своеобразием его внутренних психических функций (памяти, воображения, внимания и др.), но и его отношениями к окружающим явлениям, к тому, что он любит и ненавидит, чем интересуется и к чему равнодушен¹⁹⁴. Как известно, А.Ф. Лазурский отводит доминирующую роль эндопсихике, составляющей ядро личности, подчеркивая важное значение экзопсихики, «так как именно она доставляет нам внешнее, более или менее сформированное проявление того или иного типа, придавая самому типу известную рельефность, определенность и законченность»¹⁹⁵. Мы присоединяемся к мнению Д.А. Леонтьева относительно того, что динамика развития взглядов А.Ф. Лазурского выражалась, прежде всего, в резком повышении значимости именно экзопсихики во втором варианте его теории, в то время как его точка зрения на эндопсихику почти не изменилась¹⁹⁶.

В.Н. Мясищев рассматривает отношения не только как общий принцип, но и как особый класс психических фактов, характеризующих психику человека со стороны ее сознательной избирательной активной связи с любыми предметами и процессами действительности, подчеркивая, что главную сторону отношений человека составляют его взаимоотношения с другими людьми. Он определяет личность как систему (ансамбль) отношений человека к окружающей действительности¹⁹⁷, т.е. как субъекта отношений и переживаний, и акцентирует внимание на том, что отношения репрезентируют сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь, выражающуюся в действиях, реакциях и переживаниях. Он подчеркивает, что система общественных отношений, в которую онтогенетически включается человек, формирует его

¹⁹³ Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. - М.: Наука, 1997. - С.9.

¹⁹⁴ Лазурский А.Ф., Франк С.Л. Программа исследования личности в ее отношениях к среде // Лазурский А.Ф. Избранные труды по общей психологии. К учению о психической активности. Программа исследования личности и другие работы. СПб.: Алетейя, 2001. - С.125.

¹⁹⁵ Там же

¹⁹⁶ Леонтьев Д.А. Теория личности А.Ф. Лазурского: от наклонностей к отношениям // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 4. - С. 7-20.

¹⁹⁷ Мясищев В.Н. Психология отношений /Под ред. А.А.Бодалева. М: изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. - С.48.

субъективные отношения ко всем сторонам действительности. Именно система отношений человека к окружающему миру и к самому себе является наиболее специфической характеристикой личности, по сравнению с другими компонентами. Раскрывая сущность понятия «отношение», В. Н. Мясищев выделяет модальность отношений: активность – пассивность, позитивность – негативность и определяет психологический смысл отношения как одной из форм отражения человеком окружающей его действительности. Формирование отношений в структуре личности человека происходит в результате отражения им на сознательном уровне сущности тех социальных объективно существующих отношений общества в условиях его макро- и микробытия, в котором он живет. Несмотря на констатацию тотальности отношений, он дифференцирует 3 вида отношений: отношения личности со средой (Я – среда); межличностные отношения (Я – Другой); внутриличностные отношения (Я – не Я). В. Н. Мясищев считает, что отношения личности – ее потребности, интересы, склонности – являются не продуктом каких-то абстрактных исторических условий, а результатом того, как человеку удастся взаимодействовать с совершенно конкретной для него окружающей средой, и насколько эта среда способствует проявлению и развитию его индивидуальности как в предметной деятельности, так и при взаимодействии с другими людьми.

Мы присоединяемся к мнению Ф.Е. Василюка, который, анализируя концепцию отношений В.Н. Мясищева, считает необходимым различать широкий и узкий смысл понятия «отношение». Когда В.Н. Мясищев говорит об отношении личности к действительности вообще, то, по мнению Ф.Е. Василюка, он использует этот термин в широком смысле слова, а тогда, когда речь идет об «особом специфически человеческом общественном отношении, т.е. отношении к другому человеку, людям, различным группам и общностям»¹⁹⁸, то имеется в виду узкий смысл понятия «отношение».

С точки зрения Б.Ф. Ломова, для раскрытия объективного основания психических свойств личности нужен анализ отношения «индивид—общество», а именно общественных отношений. Личность как член общества «необходимым образом включена (сознательно или неосознанно) в систему общественных отношений. Мотивы, стремления, установки, привычки, симпатии и антипатии личности во многом зависят от того, каково ее объективное отношение к производству, обмену и потреблению, какими гражданскими правами она обладает, как включена в политическую и идеологическую жизнь общества»¹⁹⁹. Б.Ф. Ломов подчеркивает, что существует как многообразие форм общественных отношений (личные и межличностные отношения, взаимовлияния и взаимные действия, содействия и противодействия, поступки, участие в социальных событиях, профессиональная и непрофессиональная деятельность, прямое и косвенное общение), так и разнообразие способов включения конкретных личностей в те или иные виды общественных отношений и различия в степени их реализации в жизни каждой личности. Любой человек связан отношениями с

¹⁹⁸ Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М: МГППУ; Смысл, 2003. - С.153.

¹⁹⁹ Ломов Б.Ф. 1984. - С.300.

Другим/Другими, которые отражаются в потребностях людей, начиная от потребностей в материальных условиях жизни, включая потребности в деятельности, познании, общении, в способе удовлетворения этих потребностей. На базе мотивационно-потребностной сферы формируются жизненные цели личности, и строится концепция ее собственного будущего. Важно отметить особый класс отношений, выделяемый Б.Ф. Ломовым, а именно субъективные отношения, которые отражают то, как личность относится к миру и Другим в этом мире и выступают в качестве способа включения личности в объективно развивающиеся общественные отношения. В субъективных отношениях выражаются ценностные ориентации, интересы, привязанности, симпатии и антипатии личности, именно они корреспондируют с субъективной позицией личности, ее пристрастностью, оценками, планами и ожиданиями. Система субъективных отношений составляет сложное, многоуровневое, динамическое образование и «выступает в роли своего рода «костяка» субъективного мира личности»²⁰⁰. При этом Б.Ф. Ломов подчеркивает, что субъективные отношения формируются и проявляются, прежде всего, как отношения к людям, а отношения ко всем другим сферам действительности опосредуются ими. В целом, субъективные отношения, по Б.Ф. Ломову, выступают как форма отражения взаимодействия и взаимоотношения людей и как их регулятор.

В модели развития жизненных отношений, предложенной Е.Б. Старовойтенко²⁰¹ и представляющей собой творческую экспликацию идей С.Л. Рубинштейна, констатируется, что человеческий мир создается динамикой предметных связей и пересекающихся отношений индивидов, приобретая качество «общественного»²⁰². При этом акцент делается не только на то, что общественные отношения влияют и обуславливают развитие личности и становление ее субъектности, но и что сами общественные отношения изменяются, развиваются и обновляются благодаря активности индивидов, их взаимовлиянию и объединению, т.е. существует развивающее участие и влияние личности на собственную жизнь, и жизнь других людей²⁰³.

По Е.Б. Старовойтенко, общественные отношения как взаимные отношения людей даны отдельному человеку в качестве объективной реальности, которую он должен воспроизвести и субъективно трансформировать. В действительных взаимоотношениях с другими, в совместном духовном и предметно-преобразующем действии у человека развиваются личные отношения к миру, благодаря которым он может отделять себя как «внутреннее» от своего внешнего бытия, соотносить себя с миром, приобретать в нем свою качественную определенность и занимать собственную позицию, то есть, становится человеком самоопределяющимся. Отношения как факторы самоопределения обусловли-

²⁰⁰ Там же, С.331.

²⁰¹ *Старовойтенко Е.Б.* Введение в гуманитарную психологию. Киев, 1996.; Старовойтенко Е. Б. Отношения личности: Философско – психологические и рефлексивные модели. – Мир психологии. 2006. №4. -С. 26 – 37; Старовойтенко Е. Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академ. проект. 2004.

²⁰² *Старовойтенко Е.Б.* Модели жизненных отношений личности в контексте отно-психологии С.Л. Рубинштейна // Философия России второй половины XX века: С.Л. Рубинштейн. (Под ред. К.А. Абульхановой). Москва: РОССПЭН. 2009. - С. 346 – 379.

²⁰³ *Старовойтенко Е.Б.* Модель персонологии в парадигме «жизни» //Мир психологии, 2010, №1.

вают траекторию индивидуальной жизни и развиваются в форме «жизненных» отношений (познавательного, нравственного, эстетического, деятельного).

Через диалог (внешний и внутренний) с Другими происходит открытие Я, постигается собственная суверенность, свобода и действенность в мире, осознание своих действий и поступков, рефлексия причин и следствий и, в целом, развитие сознания как обобщенного бытийного отношения индивида. Е.Б. Старовойтенко пишет: «Познание и рациональная регуляция жизни в качестве «моей», «мною определяемой», «меры моей свободы и ответственности» превращает индивидуальную жизнь в рефлексивный процесс, развивается в рефлексивное отношение»²⁰⁴. Рефлексивные отношения в совокупности с действительными, практическими отношениями формируются как «со-отношения». Они имеют общественное происхождение, источники развития, содержание и способы объективации. Их общественная суть определяет и одновременно определяется свойством индивида быть личностью. Приобретая устойчивое личностное содержание в форме отношений, индивид упорядочивает свою жизнь, укрепляется в ней, придает индивидуальному бытию соответствие общественному канону. Отношения индивида образуют качественную структуру его личности и воспроизводят константные характеристики социальных связей, в которые жизненно вовлечен индивид. Важно, что общественное не проецируется в индивидуальное, а соотносится индивидом со своей личной позицией, представленной в качестве «моего отношения к окружению». Отношения индивида, формирующие в нем личность, принадлежащие ей, индивидуально выражающие и проявляющие ее сущность, выступают «личностными отношениями» и одновременно «отношениями индивидуальности».

Интересны идеи Е.Б. Старовойтенко относительно того, что личность, самоопределяясь среди других, вступает в осознанные «отношения» к тому, что наполняет ее мир, разделенный с другими. При этом отношения личности к миру и жизни реализуются актами сознания, самосознания, рефлексии, деятельности, самодеятельности и непрерывно возобновляют связь «Я – Другое». Автор указывает, что «Другим» для личности может выступать любой объект ее внешней или внутренней активности (вещи, люди, человек, свойства, состояния, процессы), а в ходе взаимодействия и взаимного проникновения ее «Я» и объектов активности, данная связь эволюционирует во все более сложные отношения «Я (Другое) – Другое (Я)» и «Я (Другое в Я) – Я (Я в Другом)»²⁰⁵.

Рассматривая «отношение» как базовую категорию персонологии жизни, Е.Б. Старовойтенко предлагает полную и согласованную систему характеристик отношений²⁰⁶. К ним относится, в первую очередь, целостность как единство их объективных условий, устойчивых субъективных тенденций, гибких способов реализации, процессуальных и продуктивных компонентов. Еще одной характеристикой выступает диалогизм отношений, начиная от их внешней

²⁰⁴ Старовойтенко Е.Б. Модели жизненных отношений личности в контексте отно-психологии С.Л. Рубинштейна // Философия России второй половины XX века: С.Л. Рубинштейн. (Под ред. К.А. Абульхановой). Москва: РОССПЭН. 2009. - С.353.

²⁰⁵ Старовойтенко Е.Б. Модель персонологии в парадигме «жизни» // Мир психологии, 2010, №1.

²⁰⁶ Там же

детерминации со стороны других людей, до глубинного влияния отношений на внутренний мир другого человека. Предметность как направленность на значимые для личности реальные объекты также является характеристикой отношений, наряду с идеальностью и духовностью как участием интеллектуальных процессов и высших ценностных образований в становлении отношений. Автор указывает на такие характеристики как активность самосознания в осуществлении отношений, благодаря которой создается возможность для их рефлексивного развития, и единство сознания и бессознательного в протекании, качествах и предметной объективации отношений. Подчеркивая субъектный характер отношений как в плане их обусловленности личностью, так и в контексте обратного влияния отношений на личность и ее жизнь, Е.Б. Старовойтенко акцентирует внимание на индивидуальности отношений, определяемой высоким уровнем развития и неповторимостью их внутренних источников, содержания, процессуального строения и творческой реализации. Проблемность как наличие оппозиций в структуре и динамике отношений, а также возникновение, осмысление и разрешение их противоречий выступает в качестве еще одного признака отношений. Кроме указанных выше, автор выделяет феноменологичность отношений и участие в их реализации процессов самооценки, самопереживания, самопознания, самодеятельности, а также исполнение отношений в актах жизненного выбора, принятия жизненных решений, в определении жизненных стратегий, открытиях жизненного предназначения.

Следовательно, каждая личность находится во множестве различных отношений с другими людьми, отношений к Другим как объектам для себя, отношений к себе как объекту для Других и для себя, и устанавливает субъект – субъектные отношения к Другим и к себе.

В рамках этого параграфа в фокусе исследовательского интереса находятся межличностные отношения, т.е. отношения Я – Другой. Под межличностными отношениями понимаются, вслед за А.Л. Журавлевым, объективно переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми, в основе которых лежат разнообразные эмоциональные состояния взаимодействующих людей²⁰⁷.

Говоря об основополагающей роли Других для построения Я, необходимо упомянуть концепцию Э. Эриксона, в которой он выделяет восемь стадий психосоциального развития. На каждой стадии возникают кризисы – внутренние конфликты, и приобретаются новые личностные качества в зависимости от успешности их разрешения²⁰⁸. Ключевым понятием Э. Эриксона является психосоциальная эго-идентичность, понимаемая как центральное интегративное качество личности, субъективно переживаемое как чувство непрерывной самоидентичности и базирующееся на принятии личностью целостного образа себя в единстве с ее многообразными социальными связями²⁰⁹. Не останавливаясь на описании стадий, выделенных Э. Эриксоном, проанализируем значи-

²⁰⁷ Социальная психология. Учебное пособие. / Отв. Ред. А. Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002. - 351с.

²⁰⁸ Эриксон Э. Детство и общество. СПб: Речь, 2002.

²⁰⁹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 352с.

мость межличностных отношений в концепции Э. Эриксона, для удобства анализа дополнив известную схему описания стадий психосоциального развития двумя важными параметрами: значимая фигура/фигуры и межличностные отношения (табл. 2.1).

Таблица 2.1.

Роль Другого/Других в процессе психосоциального развития по Э.Эриксону

Стадия	Возраст	Значимая фигура/фигуры	Межличностные отношения	Психосоциальный кризис
Орально-сенсорная	Рождение-год	<i>Мать</i>	<i>Ласка, забота или отвержение</i>	Базальное доверие – базальное недоверие
Мышечно-анальная	1-3 года	<i>Родители и сиблинги</i>	<i>Забота, контроль</i>	Автономия – стыд и сомнение
Локомоторно-генитальная	3-6 лет	<i>Семья как система и приятели, равные по статусу</i>	<i>Ориентация к жизни среди равных людей</i>	Инициативность - вина
Латентная	6-12 лет	<i>Семья, учителя и один друг (реальный или воображаемый)</i>	<i>Близость (дружба)</i>	Трудолюбие - неполноценность
Подростковая	12 – 19 лет	<i>Несколько друзей</i>	<i>Близость и сексуальное влечение, направленные на разных людей (дружба, любовь)</i>	Эго-идентичность – ролевое смешение
Ранняя зрелость	20-25 лет	<i>Партнер (деловой, сексуальный) и родительская семья</i>	<i>Сочетание близости, заботы о Другом и сексуального влечения (дружба и любовь)</i>	Интимность - изоляция
Средняя зрелость	26-64 года	<i>Собственная семья и партнеры</i>	<i>Дружба, любовь, забота о Других</i>	Продуктивность – застой
Поздняя зрелость	65 лет и больше	<i>Собственная семья и семья детей</i>	<i>Забота</i>	Эго-интеграция - отчаяние

Данные, приведенные в таблице 1, убедительно свидетельствуют о присутствии в жизни каждой личности значимых фигур и выстраивании с ними различных интерперсональных связей. Более того Э. Эриксон отмечает, что именно отношения личности и общества как отношения сотрудничества обеспечивают гармоничное развитие личности, тогда как неудачные, неадаптивные, нежелательные варианты психосоциального развития во многом определяются содержанием, характером и валентностью межличностных отношений.

Аналогичную мысль высказывает К. Роджерс, констатируя наличие конфликта между установками личности, возникшими под воздействием окружающих, и непосредственным опытом индивида. Именно это, по его мнению,

лежит в основе дезадаптации. Он постулирует наличие глубинных слоев психики, которые являются социализированными и позитивными по своей направленности. Напомним, что К. Роджерс различает понятия «Я» и «Я-концепция»: «Я» – это результат непосредственного переживания своего реального опыта, а «Я-концепция» – устойчивое образование, которое конструируется на протяжении всей жизни и на которое оказывают влияние такие факторы, как социальные нормы и реакции других людей на поведение человека²¹⁰. «Я» – это сложно структурированная картина, существующая в сознании и включающая собственное «Я» и множество вероятных межличностных отношений.

Необходимо обратить внимание на важное обстоятельство, отмеченное Р.Д. Лэйнгом в контексте экзистенциального психоанализа. Он убежден в том, что развитие личности во многом определяется ее пониманием своего места в мире, которое, в свою очередь, задается ей Другими, образующими первоначальный узел ее окружения. Более того он совершенно справедливо полагает, что каждое человеческое существо, будь то ребенок или взрослый, пытается занять определенное место в интрапсихическом мире Другого, требуя признания уникальности, незаменимости и собственной значительности для Другого. Взрослые и дети ищут определенного «положения» в глазах Других, положения, задающего пространство для действий. Р.Д. Лэйнг пишет: «Большинство людей вряд ли выбрали бы неограниченную свободу внутри узла личностных отношений в обмен на полное безразличие кого бы то ни было к тому, что они делают. Разве кто-нибудь выберет себе свободу, если все, что он делает, не имеет никакого значения ни для кого? Похоже, что это универсальная человеческая потребность — стремиться занять место в мире хотя бы одного единственного Другого. И может быть, величайшее утешение в религии — это сознание, что ты живешь перед Лицом Другого»²¹¹.

Личность в определенные периоды своей жизни должна осознавать, что она занимает первое, а может быть и единственное важное место в жизни, по крайней мере, одного человека. В этом случае Другой выступает не столько в виде условия развития личности, сколько в виде его ресурса. Р.Д. Лэйнг считает, что если подобное переживание отсутствует, и личность не осознает своей собственной значимости, значительности и ценности для кого-то Другого, то она искусственно создает для себя важное место в мире Других. В результате этого ее положение становится ложным и приобретает статус маргинального: она начинает существовать в полагаемом ею незаполненном месте, которое она не занимает в мире Других. Некоторые, переживая внутреннюю пустоту и нехватку экзистенциального смысла, заполняют себя Другими (интроективная идентификация) или живут опосредованно, через жизни Других людей (проективная идентификация). При этом их «собственная» жизнь останавливается: они фиксируются и замедляют собственное развитие и рост. В этом случае личность начинает эксплуатировать разрыв между Я и внешними проявлениями и сама становится жертвой этого разрыва, прибегая к деструктивным спосо-

²¹⁰ Роджерс К. Искусство консультирования и терапии. М.: Аспект-Пресс, Эксмо, 2002. - 976с.

²¹¹ Лэйнг Р.Д. «Я» и Другие / Перевод с англ. Е. Загородной. — М.: Независимая фирма «Класс», 2002. — 192 с.

бам самораскрытия. По Р.Д. Лэйngu, чтобы понять в полной мере чье-то переживание своего «положения», очевидно, необходимо знать не только его собственные действия, но и действия Других и то, как Другие представлены в его собственном воображении и фантазии. Следовательно, Р.Д. Лэйнг полагает, что необходимым условием для развития и становления личности являются не только вклады, которые вносят Другие в ее экзистенциальное положение (в ее различных аспектах), но и рефлексия собственного присутствия в качестве Другого в их интрапсихическом пространстве.

Дж. Морено сосредоточивает свое исследовательское внимание на связи «Я – Ты» (под влиянием идей М. Бубера), изучая межличностные отношения и интраперсональные миры. Он интересуется, прежде всего, «столкновениями» между личностями, их локусами переживания всей реальности, не рассматривая личность как просто объект. Не отрицая влияния и значимости прошлого опыта, его аналитика ориентируется на исследование межличностных горизонтальных отношений, происходящих в режиме «здесь-и-теперь». Он полагает, что коррекция восприятия себя в отношениях с Другими происходит через обмен ролями со значимыми Другими или с самим собой. По Дж. Морено, именно роли (социальные, психосоматические, психодраматические, копинговые) определяют поведение человека и имеют отношение к внутреннему миру личности. Он утверждает, что связи между людьми возникают не благодаря переносу, а благодаря интерперсональному процессу (в его терминологии «теле») установления контакта, процессу вчувствования в другого человека.

Интерперсональная теория Г.С. Салливана заслуживает особого внимания, поскольку, в ней постулируется ключевая роль Другого в формировании образа Я и образа Другого. В основу своей теории Г.С. Салливан положил три принципа, заимствованные им из биологии: принцип коммунального (общественного) существования, принцип функциональной активности и принцип организации. Он определяет личность как «относительно продолжительный паттерн периодически возникающих межличностных ситуаций, характеризующих жизнь человека»²¹², справедливо утверждая при этом, что индивид не может существовать и не существует вне взаимоотношений с другими людьми, его нельзя изолировать от интерперсональных связей, человек всегда член «социального поля» и может быть понят только в этом контексте. Личность обнаруживается лишь тогда, когда человек так или иначе ведет себя по отношению к одному или нескольким Другим. Г.С. Салливан рассматривает реальные или воображаемые интерперсональные отношения в качестве основных детерминант психического развития человека, а личность как гипотетический конструкт, являющийся продуктом межличностных отношений и существующий только внутри этих отношений. Безусловно, на протяжении жизни меняются интерперсональные отношения, в связи с чем трансформируется и личность, в которой он выделяет следующие структурные элементы:

---

²¹² Цит. по Холл К., Линдсей Г. Теории личности. М.: «КСП+», 1997. 720. - С.162.

- система динамизмов (особые энергетические трансформации, обеспечивающие удовлетворение потребностей и проявляющиеся в межличностных отношениях);
- система персонификаций (сформировавшихся образов себя и окружающих, стереотипно определяющих отношение к себе и Другим);
- система когнитивности (когнитивных процессов), включающая в себя прототаксис – инфантильное, бессвязное течение и переживание идей; паратаксис – фиксация связей между событиями, объединенными временем, безотносительно к их логическому значению и синтаксис – оперирование символами, значение которых принимается и разделяется социальной группой.

Проанализируем динамизмы и персонификации. По Г.С. Салливану, динамизм – это мельчайшая единица, которой можно пользоваться при изучении индивида. Он поясняет: «Любая привычная реакция по отношению к одному или нескольким людям, существуй она в форме чувства, отношения, открытой реакции, составляет динамизм. Базовые динамизмы одинаковы для всех, но способ выражения различен – в зависимости от ситуации и жизненного опыта индивида»²¹³. Согласно Г.С. Салливану, человека характеризуют две ведущие потребности, одна из которых имеет биологическую природу (потребность в нежности, ласке), а вторая (потребность в безопасности, избегании тревоги) связана с межличностными отношениями. Психологический смысл первой потребности — ослабление силы физиологических потребностей (голод, жажда, половое влечение). Этот уровень функционирования присущ и животным. Вторая ведущая потребность имеет социальную природу и направлена на снижение тревоги и неуверенности. Несоответствия потребностей способам их удовлетворения, а также беспокойство по поводу своей безопасности, передающееся ребенку от матери и развивающееся в неблагоприятных межличностных ситуациях, вызывают, по мнению Г.С. Салливана, многочисленные личностные напряжения и конфликты. Динамизмы подразделяются на два основных класса: первый из них имеет отношение к получению удовлетворения, а второй к обеспечению безопасности. Способность достигать удовлетворения и безопасность равнозначно обладанию власти в межличностных отношениях и ведет к уважению себя и Других. Самоуважение первоначально складывается из отношения к тем, кто осуществляет заботу, определяя впоследствии характер интерперсональных отношений. Значимым для нас является то, что Г.С. Салливан отмечает важность эмпатии, которая заключается в продуцировании у ребенка различных полярных состояний – тревоги и эйфории, напряжения и релаксации, комфорта и дискомфорта – через эмоциональное заражение от родителя. Первый класс динамизмов способствует удовлетворению основных (базовых) потребностей и связан со специфическими участками тела, тогда как второй относится к напряжениям и состоит из трех категорий: рассогласовывающие, изолирующие и согласовывающие динамизмы²¹⁴.

²¹³ Там же, С.167.

²¹⁴ Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии / Пер. с англ. — СПб: Ювента, 1999. — 347с.

Рассогласовывающие динамизмы включают деструктивные паттерны поведения, связанные с озлобленностью, которая возникает в возрасте 2-3 лет, когда дети начинают игнорировать и отвергать действия, фактически являющиеся проявлением материнской ласки. Многие родители пытаются контролировать поведение своих детей с помощью наказаний, в результате дети начинают воздерживаться от любых проявлений потребности в ласке, защищая себя с помощью недоброжелательного отношения к окружающим и озлобленности. Родителям становится все труднее воздействовать на ребенка с помощью ласки, что, в свою очередь, закрепляет негативное отношение ребенка к окружающему миру. Соответственно, под озлобленностью Г.С. Салливан понимает динамизм злости и ненависти, обусловленный чувством того, что человек живет среди врагов. При этом озлобленность может принимать форму застенчивости, вредности, жестокости или других видов поведения. Г.С. Салливан описал озлобленность так: «Жизнь была чудесной до тех пор, пока мне не пришлось начать общение с людьми»²¹⁵.

Изолирующие динамизмы включают образцы поведения, не относящиеся к межличностным отношениям. Парадоксальным на первый взгляд, кажется утверждение Г.С. Салливана относительно того, что примером изолирующего динамизма выступает сексуальное влечение, поскольку многие теоретики рассматривают сексуальную потребность как одну из причин межличностного общения. Г.С. Салливан предполагает, что сексуальное влечение (*lust*) не требует обязательного присутствия другого человека для своего удовлетворения, поскольку проявляется в форме аутоэротичного поведения, даже в том случае, если объект сексуального влечения – другой человек. По Г.С. Салливану, сексуальное влечение является очень мощным динамизмом в период юности, когда оно зачастую ведет к снижению самооценки. Сексуальная активность человека часто отвергается другими, что увеличивает уровень его тревоги и подавляет чувство собственной ценности. Кроме того, сексуальное влечение часто служит помехой близким отношениям, особенно в период ранней юности.

Согласовывающие динамизмы – это полезные образцы поведения, такие, как близость и Я-система. Как упоминалось выше, по мнению Г. Салливана, основная межличностная потребность – потребность в ласке (*tenderness*). Изначально именно эта потребность проявляется в согласовывающем динамизме близости (*intimacy*). Близость, однако, более специфична и предполагает тесные отношения между двумя людьми, имеющими более или менее равный статус, – людьми, которые должны воздействовать друг на друга при помощи сотрудничества. Каждый из них видит в Другом равную себе личность, а не только объект наслаждения. Близость – это динамизм, требующий равных отношений, поэтому она не всегда существует между родителями и детьми, а возникает лишь тогда, когда ребенок становится взрослым и начинает видеть в родителе равного себе. Близость является целостным динамизмом, который направлен на то, чтобы вызвать у партнера симпатию, нежность и преданность и тем самым избавиться от двух неприятных чувств – тревоги и одиночества.

---

²¹⁵ Цит. по Фрейджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост. М, 2002. - С.516-529.

В качестве центрального динамизма, способствующего нормальному функционированию человеческой личности, Г.С. Салливан постулирует Я-систему (*self-system*) – комплексный образец поведения, который обеспечивает безопасность личности, защищая ее от тревоги. Я-система – согласовывающий динамизм, возникающий из межличностного общения. По мере развития Я-системы у человека начинает формироваться устойчивый мысленный образ самого себя, поэтому любой межличностный опыт, который воспринимается как не согласующийся с этим ментальным образом, становится угрозой безопасности. В результате человек пытается защитить себя от межличностных напряжений с помощью действий, обеспечивающих безопасность (*security operations*). Целью этих действий является снижение чувства неуверенности и тревоги, которые возникли вследствие того, что самооценка подверглась угрозе. Г.С. Салливан описывает два основных действия, обеспечивающие безопасность – это диссоциация (*dissociation*) и селективное игнорирование (*selective inattention*).

Диссоциация включает в себя стремления и потребности, которые человек не хочет допускать в сознание, в некоторых случаях детские переживания становятся диссоциированными и не включаются в Я-систему. Переживания взрослого человека также могут стать диссоциированными, если не соответствуют стандартам поведения данного человека. Однако эти переживания не исчезают: они продолжают влиять на личность на подсознательном уровне. Диссоциированные образы и переживания могут проявляться в снах, мечтах или других бессознательных действиях и направлены на обеспечение безопасности.

Селективное игнорирование отличается от диссоциации и представляет собой отказ замечать вещи или явления, которые человек не хочет замечать. Селективно игнорируемые переживания более приемлемы для сознания и более ограничены в возможностях. Они возникают после того, как устанавливается Я-система, и активизируются, когда человек пытается вытеснить переживания, которые с ней не согласуются. Селективно игнорируемые переживания, так же как и диссоциированные переживания, воздействуют на человека, даже если не осознаются им, и определяют, какие фрагменты этих переживаний будут присутствовать в сознании, а какие – будут игнорироваться и отрицаться. Поскольку и диссоциация, и селективное игнорирование искажают восприятие действительности, Г.С. Салливан называл действия, обеспечивающие безопасность, «мощным тормозом личностного развития»²¹⁶.

Следовательно, «система самости» формируется на основе одобряющих или неодобрительных оценок других людей, обуславливается ролями, принимаемыми под влиянием общества. Она предписывает или запрещает те или иные модели поведения и режимы действий в зависимости от конкретных межличностных ситуаций. Человеку свойственно «избирательное невнимание», связанное с минимизацией тревоги в интерперсональных отношениях и сохранением стабильной «я-системы».

Персонификации – это мысленные образы самих себя и других людей, среди которых основными на ранних этапах онтогенеза являются три вида:

---

²¹⁶ Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии / Пер. с англ. — СПб: Ювента, 1999. - С.300.

мать-плохая, мать-хорошая и Я. Кроме этого, некоторые дети формируют персонификацию идола (воображаемого товарища). Г.С. Салливан считает, что первой персонификацией для всех является персонификация мать-плохая (*bad-mother personification*), которая формируется на основе эмпирического опыта, связанного с фрустрацией потребности в пище. Эта персонификация является недифференцированной, поскольку включает всех людей, которые ухаживают за ребенком, и не выступает аналогом «настоящей» матери, а служит лишь маркером неправильного кормления. Персонификация мать-хорошая (*good mother*), основанная на материнской ласке и поддержке, возникает после формирования персонификации мать-плохая. Эти два представления, одно из которых основано на восприятии ребенком тревожной и агрессивной матери, а другое – спокойной и ласковой матери, складываются в комплексную персонификацию, состоящую из амбивалентных качеств, проецируемых на одного и того же человека. Однако пока ребенок не овладел речью, эти два противоположных образа матери, по Г.С. Салливана, могут сосуществовать друг с другом.

По Г.С. Салливану, персонификации Я (*me*) формируются у ребенка в результате межличностного общения, после того как создан образ матери. В период младенчества ребенок приобретает три вида персонификаций Я (*я-плохой, я-хороший, не-я*), каждая из которых связана с развитием понятия о себе или своем теле. Персонификация я-плохой является следствием наказаний и неодобрения, которые ребенок получает от матери. Возникающая в результате тревога достаточно сильна, чтобы понять модальность поступка, но не настолько серьезна, чтобы стать причиной диссоциации или селективного игнорирования. Так же как и другие персонификации, я-плохой формируются из межличностных ситуаций, поскольку ребенок может понять, что он поступил неправильно, только с помощью другого человека. Персонификация я-хороший является результатом переживаний ребенка, связанных с одобрением и поощрением, а также со снижением уровня тревоги. Персонификацию не-я, по Г.С. Салливану, и последующую диссоциацию или селективное игнорирование может сформировать у ребенка внезапная сильная тревога. Когда он отрицает эти переживания, воспринимая их как не относящимися к его Я, они становятся частью персонификации не-я.

Если потребность в общении невозможно полностью удовлетворить по каким-либо причинам, то дети часто придумывают себе воображаемых товарищей (*imaginary playmates*), которые могут быть для ребенка так же важны, как и реально существующие. Эти воображаемые товарищи являются формой персонификации идола (*eidetic personifications*). Дети выдумывают несуществующих в действительности людей или черты характера с целью защиты самооценки. Следовательно, не все межличностные взаимодействия в реальности происходят между людьми. Персонификации идола присущи не только детям: большинство взрослых склонны приписывать окружающим людям черты характера, которыми те не обладают. Персонификации идола могут вызвать конфликт в межличностных отношениях, когда люди проецируют воображаемые черты ха-

рактера на Других; персонификации препятствуют общению, мешают людям находиться на одном уровне знания.

Таким образом, Г.С. Саливанн утверждает, что жизнь человека можно рассматривать как систему межличностных отношений, при этом личность позиционируется не только как продукт действия внутренних детерминант, но и как отражение социокультурных факторов и интерперсональных репрезентаций. Личность понимается как относительно постоянная конфигурация межличностных отношений, гипотетический конструкт, предназначенный для объяснения взаимоотношений и взаимовлияний людей друг на друга, она представляет собой продукт социокультурной адаптации и состоит из черт и потенциальных возможностей индивида, которые были поддержаны социальным окружением в детстве. Он подчеркивает роль тревожности, обусловленной межличностными отношениями и постоянно сопровождающей личность при контактах с другими людьми, считая, что причиной ее появления является значимый Другой, одобрения которого ребенок пытается заслужить или неодобрения которого стремится избежать. Г.С. Салливан отмечает, что сама тревожность выступает источником личностной динамики, а сформированность чувства межличностной надежности у ребенка оптимизирует процесс общения.

Дж.Г. Мид ключевым понятием социальной психологии полагает межиндивидуальное взаимодействие, которое детерминируется и обуславливается обществом. Репертуар и своеобразие имеющихся у того или иного индивидуального Я реакций и способов действий зависят от разнообразия и широты систем взаимодействия, в которых участвует Я и Другой. В то же время он признает, что социальный индивид является источником движения и развития общества. Дж. Г. Мид считает, что естественным типом поведения, в результате которого личность осознает себя и овладевает системой значений конкретного общества, является ролевая игра, дифференцированная им на два вида: «play» и «game», соответствующие двум основным этапам социализации ребенка и развития его самосознания. На первом этапе, когда сфера жизнедеятельности ребенка ограничена, и он взаимодействует с узким кругом лиц ближайшего окружения, ребенок подражает действиям окружающих, повторяя и имитируя их (play). В период игры по правилам (game) ребенок не беспорядочно принимает роли Других и переходит от одной роли к другой, а делает это по системе, по правилам игры, установленным и контролируемым обществом. Система формируют отношения, в которые ребенок вступает с окружающими и которые усложняются по мере расширения сфер жизнедеятельности.

Теория В. Шутца также подчеркивает роль межличностных отношений в становлении и развитии личности²¹⁷, основываясь на положение З.Фрейда о том, что социальная жизнь взрослого человека фатально предопределена опытом его детства, В. Шутц указывает на наличие трех межличностных потребностей: включения – потребность устанавливать и поддерживать приносящие удовлетворение отношения с другими, контроля – потребность во власти в

---

²¹⁷ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. М6 Аспект-Пресс, 2002. - С.101-105.

межличностных отношениях и любви – потребность построения тесных эмоциональных связей в отношениях с другими. Эти потребности определяют связь личности с ее социальным окружением и обуславливают поведенческие паттерны взрослой личности по отношению в Другому.

Коротко остановимся на теории Э. Берна, который вводит и наполняет специфическим содержанием понятие эго-состояние, определяемое как целостная система идей и чувств, связанная с эмоциональной сферой личности и детерминирующая рисунок ее поведения. По Э. Берну, эго-состояния имеют ярко выраженные поведенческие и аффективные маркеры. Он утверждает, что эго-состояния не сводятся к ролям, а представляют собой психологическую реальность, выделяя при этом три основных состояния Эго²¹⁸:

- «Родитель» – состояние Я, отражающее сходство с родителями и предполагающее активизацию определенного набора поведенческих схем и эмоциональных состояний собственных родителей (отца, матери или тех, кто их заменил), основанное на механизме подражания или на желании соответствовать родительским требованиям. Э. Берн различает опекающего и контролирующего Родителя. Эго-состояние «Родитель» подчинено императиву: «Должен!».
- «Взрослый» – состояние эго, ориентированное на объективную оценку реальности, связанное с актуализацией поведенческих паттернов и эмоциональных состояний самостоятельного и социализированного члена общества, который способен объективно оценить ситуацию и принять ответственное, правильное решение с точки зрения социума, его норм и конвенций. Вербальным императивом этого состояния Эго является посыл: «Нужно!»
- «Ребенок» – эго-состояние, представляющее собой фиксированное переживание раннего детства, сопряженное с импульсивной активностью, непоследовательностью, иррациональностью, оригинальностью и креативностью, обусловленное детским «Хочу!». Э. Берн выделяет два модуса этого эго-состояния – естественный ребенок и адаптированный ребенок (послушный и бунтующий).

На наш взгляд, выделенные эго-состояния не просто семантически отсылают к фигурам значимых Других, а свидетельствуют об устойчивом запечатлении опыта интеракций (реальных или виртуальных) со значимыми Другими и с интернализированными культурными образцами. Актуализация запечатленных фрагментов или целостных поведенческих паттернов (интонаций, жестов, поз, структуры высказываний) задает рамку взаимодействия в режиме «здесь и сейчас», определяет характер коммуникации в той или иной ситуации и навязывает определенную позицию, позволяя, во-первых, не нарушать традиционно установленный порядок, соблюдая своеобразную преемственность поколений, во-вторых, расширять и разнообразить репертуар социальных ролей, а, в-третьих, корректировать, дорабатывать сценарий собственной жизни, определять уникальную траекторию саморазвития и самодетерминации.

Безусловный интерес вызывают работы Н. Пезешкиана, в которых, в частности, постулируется, что значимые Другие, их отношения и установки выступают в качестве модели для подражания. В позитивной психотерапии счита-

²¹⁸ Берн Э. Игры, в которые играют люди. М, 1998. - С.16

ется, что в социальном контексте развитие базовых способностей личности, к которым относятся любовь и познание, происходит под воздействием четырёх формирующих факторов модели для подражания²¹⁹, которые графически представлены на рис.2.1. Н. Пезешкиан полагает, что на основании каждого из указанных факторов формируется та или иная базовая концепция первичной социализации – Я-концепция, Ты-концепция, Мы-концепция и Пра-концепция. Именно эти имманентные концепции составляют основу личности, представляя собой динамические образования, способные к изменению и переконфигурированию под воздействием и с учетом нового опыта.

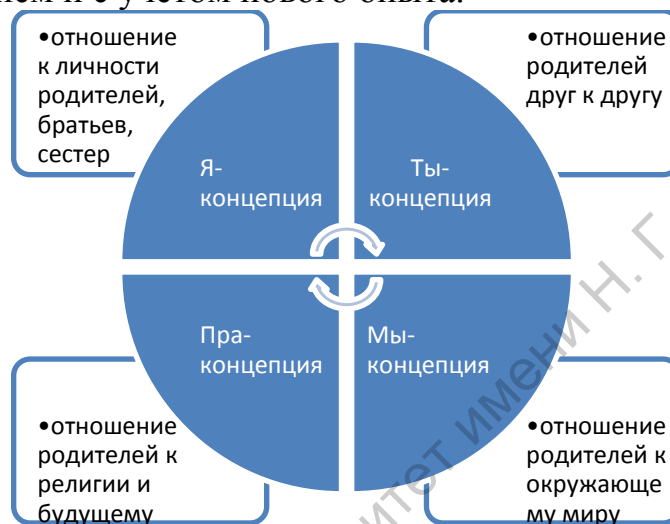

Рис. 2.1. Четыре формирующих фактора модели для подражания

Рассмотрим каждую из концепций, выделенных в рамках указанной модели.

1) «Я» концепция. Отношение к индивиду и его способностям значимых окружающих (родителей и сиблингов) определяет как представление ребенка о себе, так и его самоотношение. В случае преимущественного поощрения базовых способностей и потребностей личности формируется базовое доверие к миру, создаётся представление о себе способном (способность к познанию) и любимом, ценном для мира (способность к любви). Если естественные проявления личности преимущественно фрустрируются значимым окружением, то формируется отношение к себе как к не способному (способность к познанию), не любимому и не ценному (способность к любви) для окружающих (отсутствие базового доверия).

2) «Ты»-концепция. Отношения между родителями (значимыми людьми, являющимися примером для подражания) становятся моделью для формирования стиля партнёрства. Результатом поощрения способности к любви является умение принимать партнёра, как он есть, а способности к познанию – умение устанавливать и поддерживать подвижные личностные границы в отношениях. Результатом фрустрации способности к любви становится неприятие, а

²¹⁹ Пезешкиан Н. Психотерапия повседневной жизни. Тренинг разрешения конфликтов. СПб: Речь, 2001.

способности к познанию – неумение устанавливать границы вообще или установление слишком жёстких границ (как гиперкомпенсация).

3) «Мы»-концепция. Отношение родителей или значимых Других к обществу, группам и т.д. моделирует паттерны социализации: открытость/изолированность в контексте способности к познанию и приятие/неприятие в рамках выделенной способности к любви.

4) «Пра»-концепция. «Пра-Мы» представляет собой отношение родителей (значимых людей, примеров для подражания) к будущему, религии, фантазии, смыслу жизни. Она усваивается как собственное отношение – осмысленность – бессмысленность (способность к познанию), надежда – отчаяние (способность к любви).

Таким образом, Н. Пезешкиан фактически показывает, каким образом формируется основа не только и не столько представлений и отношений личности о себе и к себе, сколько фундамент ее партнерских отношений с Другим и Другими. Он констатирует, что важными являются взаимодействия и взаимоотношения личности с референтным окружением, сиблинговая позиция, структурирующая опыт субъекта, взаимоотношения внутри референтного окружения, а также отношение значимых Других к различным группам, обществу, будущему, религии и морали. Безусловно, взаимоотношения в семье как основном институте первичной социализации зависят от многих факторов различной этиологии: от экономического и социального состояния общества, зависимости семьи от общества, традиций общения, доминантных ролей супругов, типа и структуры семьи, характера и личностных качеств членов семейной системы. Все перечисленные факторы прямо или косвенно связаны с культурой, и как отмечает Н. Пезешкиан, каждый конкретный индивид склонен смотреть на мир через призму собственного опыта, той конкретной системы культуры, в которой он рос и формировался как личность²²⁰. Аналогичную идею высказывает Г.Л. Хиршхорн, указывая на то, что «внутрисемейные межличностные взаимоотношения, с одной стороны, способствуют ассимиляции культурных схем общества в структуру личности, а с другой – аккомодируют внутренний мир индивида к культурным схемам общества»²²¹.

Н. Пезешкиан подчеркивает важность присутствия разноликих других, уточняя, что «плюралистическое сосуществование во многих семьях и группах, где каждый придерживается различных философских, религиозных, этических взглядов и живет согласно специфическим производственным отношениям и правилам человеческого поведения, становится нормой воспитательных отношений внутри отдельной семьи. Это превращает транскультурный подход в основу межличностных отношений»²²².

В.В.Козлов указывает на роль и значение Другого в формировании образа Я и не-Я. Он утверждает, что стержень устойчивости личности погружен в социум, и во многом социальная среда является той силой, которая поддерживает

²²⁰ Пезешкиан Н. Терапия семейных отношений. М., 1995.

²²¹ Цит. по Шапиро А.З. Психолого-гуманистические проблемы негативности внутрисемейных взаимоотношений // Вопросы психологии. 1994. № 4. - С.56.

²²² Пезешкиан Н. Психотерапия семейной жизни. М., 1996. - С.28.

стабильность личности через механизмы обусловленности ролями, статусами, диспозициями и установками. При этом сознание человека бинарно, и в силу этой особенности в психике человека помимо структуры Я существует противоположная структура, которая обозначается как «не Я», как глобальная система «Анти-Я – концепция». Значит, любой подсистеме «Я» соответствует подсистема «Не Я», как некое зеркальное отражение «Я» с отрицательной валентностью и с соответствующей мозаикой идентификаций или мозаикой дуальностей²²³. Более того, границы между этими подструктурами личности подвижны, имеется зона пересечения, которая, с точки зрения В.В.Козлова, является ресурсом личностного роста, развития и свободы. В.В. Козлов вводит понятие о Персоне, Интерперсоне и Трансперсоне как уровнях организации психической реальности, содержащих в свою очередь три класса компонентов: материальный, социальный и духовный, каждый из которых имеет свой «антипод», зеркальное отражение с отрицательным знаком – не-Я как отрицаемые компоненты идентичности. К несомненным достоинствам интегративного подхода, разрабатываемого В.В. Козловым, в исследовании идентичности относятся учет многомерности бытия Я как представленного в различных сферах: внутриличностной (Персона), межличностной и социальной (Интерперсона), глубинной (Трансперсона) и разработанность психотехнической компоненты – интенсивных интегративных психотехнологий.

Социально-конструкционистская точка зрения предлагает новый способ понимания отношений к себе, миру и Другому в этом мире. К. Герген считает, что отношения предшествуют индивиду и делает акцент на области социального, фокусируясь на дискурсе, диалоге, координации, совместной выработке значений, дискурсивном позиционировании. Субъект или актор приходит к пониманию того или иного значения через ответные действия другого. Ничто из того, что сказано или написано, не обладает врождённым значением; оно не несёт само по себе однозначного сообщения. Однако значение цепочки слов или действий не определяется и только реципиентом (получателем сообщения). Скорее индивидуальные действия функционируют как индикаторы возможных последовательностей отношений личности; они побуждают к выбору ею определённых линий деятельности и отбрасыванию других. Реагируя тем или иным образом, личность использует в первоначальном действии одну потенциальную форму значения, отвергая многие другие возможности. Обратная связь подвержена множественности интерпретаций и открыта для различного рода переозначивания. Когда собеседники вступают в новые отношения и пытаются вместе обрести осмысленность, они полагаются на предыдущие практики производства смысла. И поскольку они, как правило, были участниками множественных отношений, распределённых во времени и обстоятельствах, они будут вводить в настоящее опробованный словарь речевых и поведенческих паттернов. В итоге, личности вступают в каждое отношение как многоголосые, – неся с собой бесчисленные голоса, присвоенные в прошлом. Любая конкретная фраза может представлять собой смесь прошлых высказываний, связанных между собой, и в

---

²²³ Козлов В.В. Духовная психология: в поисках изначального. М: изд-во Трансперсонального института, 2000.

то же время, посредством традиции или ограниченной истории взаимообмена, производство значения в любом данном отношении будет стремиться к уменьшению количества доступных ресурсов. Личность оказывается не просто многоголосой, но и многовозможной в категориях способностей введения объектов, либо привлечения дальнейших контекстов для конструирования значения в данном отношении. Чем богаче диапазон таких способностей координации, тем более гибкими и эффективными могут быть люди перед лицом непрерывного вызова нового и неожиданного²²⁴.

Таким образом, значимость межличностных отношений для формирования образа Я, не-Я и образа Другого признается всеми исследователями, независимо от их позиции и трактовки понятия «отношение». Основную сторону отношений личности составляют ее взаимоотношения с Другими, которые репрезентируют психологическую связь, основанную на опыте реальных или виртуальных интеракций с Другими, с интернализированными культурными образцами, и выражающуюся в действиях, реакциях и переживаниях. Личность не может существовать и не существует вне взаимоотношений с другими людьми, от разнообразия и широты систем взаимодействия, в которых участвуют Я и Другой, зависят межличностные репрезентации. Понимание себя и Другого возможно только в контексте интерперсональных связей, поскольку личность обнаруживается лишь тогда, когда человек так или иначе ведет себя по отношению к одному или нескольким Другим. Благодаря отношениям с Другими, их реальными или потенциальным оценками на основании субъективно интерпретируемой обратной связи формируются представления о собственном Я и не-Я, об образе Другого. Для эффективного вхождения в социокультурный мир, овладения его ресурсами и капиталами, личности необходимо не только присутствие Других, но и рефлексия собственного присутствия в качестве Другого в их жизненном пространстве.

2.3. Значимый Другой как необходимое условие становления личности и формирования ее идентичности

В психологии категория «Другой» специально не тематизируется и не определяется, но она имплицитно (по умолчанию) присутствует практически во всех теориях и парадигмах, ориентированных на развитие личности, генезис ее познавательных, аффективных и волевых процессов, интерпретацию психических свойств личности, ее социализацию и развитие самосознания. Проанализируем некоторые основополагающие теории и направления психологических исследований в контексте определения роли и значения Другого для развития личности и формирования ее идентичности.

Признавая бесспорную уникальность каждого человека, У. Джемс посту-

---

²²⁴ Джерджен, К. Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика / Пер. с английского А. М. Корбута // Образовательные практики: амплификация маргинальности: Сб. / Под ред. А. А. Забирко. – Мн.: Технопринт, 2000. – 184 с. — (Университет в перспективе развития).

лирует наличие сходных свойств и качеств у разных людей, их похожие реакции на одинаковые стимулы, актуализацию у них одних и тех же состояний, проживание ими типичных жизненных ситуаций. При этом он указывает на исключительный дифференцирующий признак, согласно которому все человечество различается: «всякий из нас по-своему разделяет мир на две половинки, и для каждого почти весь интерес жизни сосредоточивается на одной из них, но пограничная черта между обеими половинками одинакова: «Я» и «не-Я». Личность ближнего сливается со всем остальным миром в общую массу, резко противоположаемую собственному «я»²²⁵.

В приведенной цитате для нас важным являются два момента: первый касается констатации схожести, гомогенности, взаимосвязанности Я и Другого («не Я»), они представляют собой единую целостность, самостоятельное существование составных частей которой условно и искусственно, однако между ними проходит отчетливая граница. Второй момент связан с утверждением власти Я, с его доминантной позицией и с фокусированием интереса именно на этом компоненте.

Проанализируем основные положения концепции «Я» У. Джемса. Он предлагает выделять в «Я» две стороны: Я-познаваемое («Я-эмпирическое»), где Я выступает в роли объекта, и Я-познающее («чистое Его»), в этом случае Я находится в модусе субъекта. Я-познающее, с точки зрения У. Джемса, это «мышление, в котором содержание в каждый момент различно, но которое имплицитно заключает в себе как непосредственно предшествующее, так и то, что в свою очередь заключалось в предшествующем»²²⁶.

Эмпирическое Я, по У. Джемсу, включает тело человека и все многообразие проявлений его аффективной, когнитивной, мотивационно-потребностной и регулятивной сфер (мысли и представления, чувства и отношения, установки и ожидания, действия и поступки). Кроме этого оно охватывает «общую сумму всего того, что человек может назвать своим: не только его физические и душевные качества, но также его платье, дом, жену, детей, предков и друзей, его репутацию и труды, его имение, лошадей, его яхту и капиталы»²²⁷. С точки зрения У. Джемса, эмпирическое Я синонимично понятию личность, и должно быть проанализировано в формате составных элементов, чувств и эмоций, вызываемых ими (самооценки) и поступков, порождаемых ими (заботы о самом себе и самосохранении).

Что касается составных элементов личности (это самое широко цитируемое положение У. Джемса), то он выделяет следующий компонентный состав: 1) физическую личность, 2) социальную личность и 3) духовную личность.

Физическая личность представлена телесной организацией; одеждой; ближайшим окружением – значимыми другими, поскольку «когда они умирают, исчезает часть нас самих»²²⁸; домом как приватным местом, где человек устанавливает свои порядки, контроль и чувствует себя защищенным и приня-

²²⁵ Джемс У. Психология//Под ред. Л.А.Петровской. М: Педагогика, 1991. - С.80.

²²⁶ Там же, С.119

²²⁷ Там же, С.81.

²²⁸ Там же, С.82.

тым; продуктами деятельности, представляющими собой воплощенные персональные идеи, замыслы, интенции, т.е. всем тем, с кем/чем человек себя идентифицирует, и кто/что формирует его персональную идентичность.

Социальная личность предполагает существование Других, взаимодействие с ними и формирование на этой основе представлений, отношений и оценок Других относительно той или иной личности, создающих опору для конструирования взаимоотношений с другими людьми. Социальная личность – это совокупность представлений, складывающихся о человеке в глазах других людей, которая является доминирующим мотивом для одобрения или осуждения действий и поступков в зависимости от того, отвечают ли они требованиям, нормам и правилам данной общественной среды, которые он мог бы не соблюдать при других жизненных обстоятельствах. Социальная личность каждого человека многолика и во многом зависит от позиции Другого. У. Джемс пишет: «Принимая во внимание, что лица, имеющие представление о данном человеке, естественно распадаются на классы, мы можем сказать, что на практике всякий человек имеет столько же различных социальных личностей, сколько имеется различных групп людей, мнением которых он дорожит»²²⁹. Социальное «я» состоит из моделей (паттернов), формирующих основы отношений с окружающими. У. Джемс рассматривает социальное «я» как нечто мягкое, неустойчивое и поверхностное, изменяющееся под воздействием обстоятельств и окружения. При этом У. Джемс не сомневается в необходимости своеобразной оболочки социальных навыков, поскольку они создают жизненный порядок, придавая отношениям между людьми надежность и предсказуемость, он полагает, что постоянное взаимодействие культурного конформизма и индивидуального самовыражения благоприятно как для одного, так и другого.

Под духовной личностью У. Джемс понимает наиболее устойчивую и интимную часть Я, это полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств. Это объединение может рефлексироваться и вызывать эмоции, аналогичные тем, что производятся другими сторонами личности. Даже в границах духовной личности некоторые элементы кажутся более внешними, чем другие. Центром «духовной личности» является чувство активности как проявление жизненной субстанции души. Духовная личность служит единством духовных возможностей, свойств, качеств и состояний, источником жизненных усилий, внимания и воли.

Интересны взгляды У. Джемса относительно организации и соподчиненности выделенных видов Я и уровней самоуважения. На первый взгляд (*prima facie*), кажется, что выстраивается совершенно очевидная иерархия: физическая личность, социальная личность, духовная личность, каждая из которых оценивается человеком, и о каждой из которых он заботится. Однако, У. Джемс убедительно показывает и доказывает, что это не так – между выделенными уровнями существуют столкновения, конфликты и соперничество, и не последнюю роль при этом играют Другие, хотя У. Джемс не акцентирует на этом внимание. Он говорит о том, что человек пытается максимально развивать те стороны

---

²²⁹ Там же, С.84.

собственной личности, которые, по его мнению, приведут к успеху и, соответственно, к самоуважению. У. Джемс пишет: «В итоге те виды личностей, которые мы в состоянии удерживать за собой, являются (для нас) лучшими по внутренним достоинствам»²³⁰. Самоуважение, по У. Джемсу, определяется отношением действительных способностей к потенциальным и измеряется по известной формуле: самоуважение = успех/притязания. Согласно этой формуле увеличение успехов и снижение притязаний приводит к возрастанию самоуважения. Но с чем связан успех? На наш взгляд, понятие «успех» (тождественное в толковом словаре общественному признанию), предполагает, во-первых, признание значимым Другим или референтной группой личностных достижений, являясь своеобразной социальной наградой, а, во-вторых, успех обязательно разделяется с другими людьми, иначе он теряет свою притягательность и перестает быть стимулирующим ресурсом. Кроме того в выделении сильных и слабых сторон личности также существенное значение приобретают как оценки и суждения Других, так и суждения, высказанные по поводу других лиц. У. Джемс замечает: «Но так как мне постоянно приходится составлять суждения о других людях, то я вскоре приучаюсь видеть в зеркале чужих страстей отражение моих собственных и начинаю мыслить о них совершенно иначе, чем их чувствовать». Следовательно, именно Другие – их оценки, поступки, принятые нормы во многом определяют конфигурацию и границы личности, именно под влиянием Других эмпирическое Я, то суживаясь, то расширяясь, пытается утвердиться во внешнем мире.

В формате психодинамического направления проанализируем роль Другого в психоаналитических теориях (А. Адлер, Э. Берн, Ж. Лакан, З. Фрейд, А. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон) и в теории объектных отношений (Д. Боулби, Д. Винникот, М. Кляйн, Х. Кохут, М. Малер, Р. Спитц, В.Р.Д. Фейрберн, Д. Штерн, М. Эйнсворт).

З. Фрейд пишет: «В психической жизни человека всегда присутствует «другой»²³¹, акцентируя внимание на Другом как на формирующей фигуре, которая необходима для интернализации социальных норм, правил, поведенческих стандартов. Другой является образцом для подражания и выступает в качестве партнера для установления интимных отношений. З. Фрейд полагает, что идентификация с объектом является решающей при формировании структур эго и Суперэго. В целом, в формате этого подхода Другой рассматривается как источник удовлетворения потребностей (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон); как стабильный либидный объект (А. Фрейд); как «соучастник» глобальных жизненных проблем – работа, дружба, любовь – и основа для развития творческой силы Я, формирования социального интереса (А. Адлер) и гармоничной идентичности (Э. Эриксон).

Основной конструкцией структурного психоанализа Ж. Лакана является триада: реальное – воображаемое – символическое, которая, по его мнению, ре-

²³⁰ Там же, С.90

²³¹ Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» //По ту сторону принципа удовольствия. М, 1992. - С.256.

презентирует основные измерения существования человека. Графически аналитическая триада представлялась им в виде математической модели «колец Борромео», которые имеют целостную конфигурацию и соединены между собой таким образом, что размыкание одного из колец приводит к распаду всей конструкции. Эта модель наглядно иллюстрирует равноправность, взаимосвязанность и взаимозависимость каждой из выделенных координат для конструирования психической реальности.

Ж. Лакан подчеркивает доминантность параметра «Воображаемое» в процессе развития и становления личности человека, которая формируется благодаря определенной последовательности бессознательных репрезентаций или образов (*imagos*). Он считает, что человек рождается преждевременно, обосновывая этот тезис явной функциональной неприспособленностью ребенка, его анатомической незавершенностью, физической несостоятельностью и моторной дискоординацией. Ребенок пытается компенсировать «преждевременность» рождения и «нехватку психической реальности» за счет ассимиляции сигналов, поступающих из внешнего мира. На «дозеркальной» стадии идентификации ребенок должен связать свой телесный опыт с окружающими его объектами, с чувственным влиянием, которые они оказывают. При увеличении сенсорной информации, визуально-слуховые и тактильно-кинестетические контакты с реальностью формируют то, что Ж. Лакан называет «буквами» – литерами, абстрактными локализованными означающими тела, «очагами инаковостей». Ж. Лакан пишет: «Наиболее значимым фактом, который выносит ребенок из дозеркальной стадии - и это не есть "завоевание ребенка", а "исправный ход природного механизма" – является "непоправимая (неустраняемая в дальнейшем)" символизация тела, которая далее будет продолжена в стадии зеркала, и которая скрепит телесную идентификацию с человеческим образом».²³²

Ж. Лакан полагает, что ключевой стадией развития человека, его психики и формирования образа Я является стадия зеркала, которая, с одной стороны, буквально связана с визуальным узнаванием собственного образа в зеркальном отражении, а, с другой стороны, означает актуализацию и активизацию в человеке механизма идентификации, в результате действия которого «травматично» появляется образ Я. Причиной травмы, с точки зрения Ж. Лакана, является расхождение («трещина», «разрыв» в его терминологии) между Я и образом Я, но именно ей человечество обязано конструированием области психического и всей культуры в целом.

На стадии зеркала ребенок приходит не только к признанию обладания индивидуальным телом, но и к конструированию субъективности. По мнению Ж. Лакана, в психике ребенка открываются возможности соединения диффузных, фрагментарных телесных переживаний с визуальным образом в целостность, в единую конфигурацию, инициируя начало психической деятельности. Он пишет: «Эту активность необходимо проинтерпретировать как настоящее производство опыта, которую совершает ребенок; как рождающийся в экспе-

---

²³² Лакан Ж. "Стадия зеркала как формообразующая функцию Я, которая открывается нам в психоаналитическом опыте". <http://www.lacan.narod.ru>.

рименте успех по связыванию двух совершенно различных вещей – перцептивной «внутренности», выражающейся некоторым набором движений, и их визуализации почти графической в модификациях его образа»²³³.

Соответственно, целостный образ тела станет для ребенка той устанавливающей матрицей, которая формирует представление о себе. Ж. Лакан отмечает: «Дело в том, что целокупная форма тела, посредством которой субъект опережает в мираже созревание своих возможностей, дана ему лишь как Gestalt, то есть во внешности, где, без сомнения, форма эта более устанавливающая, чем установленная, но где, помимо того, она ему является со статуарной рельефностью, которая ее выкристаллизовывает, и в симметрии, которая ее инвертирует, в противовес к завихрению движений, его, как он ощущает, оживляющих. Таким образом, этот Gestalt, содержательность которого должна рассматриваться как связанная с родом и видом, хотя движущий ее стиль еще не признан, – двумя этими аспектами своего появления символизирует ментальное постоянство я (je) и в то же время, предвосхищает свое отчуждающее предназначение»²³⁴.

Разрыв симбиотического единства с матерью, приводит к поиску замещающего объекта, обладающего параметрами постоянства и неизменности, который на стадии зеркала обретается в виде собственного образа, возникающего на границе внешнего и внутреннего. Замещение становится возможным в силу зарождения у ребенка еще одного важного механизма – механизма отрицания, работа которого приводит к вытеснению объекта неудовлетворенного желания и появлению сначала «места» Другого, а потом по мере вхождения в область символического (языка, культуры) «фигуры» Другого. Таким образом, «первейшая и ближайшая цель пробы на реальность состоит не в том, чтобы найти в реальном восприятии объект, соответствующий представленному, но в том, чтобы вновь найти его, убедиться в том, что он все еще налицо». Таким постоянным подтверждением и обретением объекта, всегда наличествующим и претерпевшим изначальную воображаемую трансформацию – становится образ собственного тела, а в более общем смысле – собственный воображаемый, фантазматический образ, всегда либидинально и эмоционально окрашенный.

Важным для нас является то, что воображаемый образ «задолго до социальной определенности располагает инстанцию ego (moi) на линии вымысла, никогда не подлежащей изменению для отдельного индивида, – или, скорее, которая лишь асимптоматически воссоединится со становлением субъекта, каким бы ни был успех диалектического синтеза, посредством которого он должен растворить в качестве я (je) свое несоответствие собственной реальности»²³⁵. Ж. Лакан считает, что сходным образом происходит конструирование всего окружающего мира, а затем присвоение языка и культуры. Психическое становится для Ж. Лакана пространством конституирования субъективности, которое регулирует и устанавливает границы реального.

---

²³³ Там же, С.191.

²³⁴ Там же, С.202.

²³⁵ Там же, С.202.

Таким образом, Ж. Лакан показывает, во-первых, что схватывание себя, целостности своего тела впервые осуществляется посредством собственного отраженного образа на стадии зеркала, которая знаменует собой вхождение человеческого существа в координату воображаемого. Опыт, полученный на стадии зеркала, является фундаментом Я-воображаемого, которое предстает как Я-идеальное и «начало всех вторичных отождествлений»²³⁶. Вместе с тем, по мнению Ж. Лакана, субъект не сводим к Я – к той воображаемой инстанции, в которой он себя отчуждает²³⁷. Ж. Лакан определяет генезис человеческой психики, исходя из тезиса о том, что *ego* (*moi*) создается не в результате действия принципа реальности, а в результате череды идентификаций, в которых главную роль играет функция *imago*, структурирующая *moi*, создающая поле воображаемого и позицию Другого.

Во-вторых, принятие образа на себя собирает мозаику идентификаций в целостную уникальную конфигурацию, отличную от других и конституирующую самость. Субъект формирует свою идентичность, отождествляясь с образом Другого, который удерживает в нем чувство самости (себя), и создает Другого в себе самом. Приведем еще одно высказывание Ж. Лакана: «Именно этот момент и заставляет решительно опрокинуть все человеческое знание в опосредованность желанием Другого, устанавливает свои объекты в абстрактной эквивалентности через соперничество Другого, и делает из я (*je*) аппарат, для которого любой позыв инстинктов будут опасностью, даже если он и отвечает естественному созреванию, – причем сама нормализация этого созревания отныне зависит у человека от культурного посредника²³⁸».

В-третьих, понятие Воображаемый Другой в теории Ж. Лакана трактуется как источник иллюзорной идентичности и репрезентант отчужденной субъектности, а межличностное отношение рассматривается в регистре «Воображаемого», оценивается как дуальное и агрессивно-напряженное, представляющее Я как Другого, а Другого – как *alter ego*.

В рамках психоаналитической парадигмы значимой в контексте данной работы является теория объектных отношений, в которой интернализированные объекты рассматриваются как архетипы или комплексы (К.Юнг), внутренние объекты, интроекты (М. Кляйн, Д. Винникотт), иллюзорные другие (Дж. Гринберг, С. Митчел), персонификации (Г.С. Салливан, П. Хайманн), аспекты репрезентативного мира (Э. Якобсон).

М. Кляйн включает в конфигурацию объектных отношений не только внешние, но и внутренние объекты, которые могут иметь как реальных прототипов, так и быть полностью вымышленными, фантастическими интроектами, причем между внешними и внутренними объектами существуют сложные взаимоотношения. Она использует термин «внутренний» объект для обозначения присвоенных и модифицированных объектов, представляющих собой интрапсихические репрезентации особенностей межличностных отношений с

²³⁶ Лакан Ж. "Стадия зеркала как формообразующая функцию Я, которая открывается нам в психоаналитическом опыте". <http://www.lacan.narod.ru>.

²³⁷ Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М.: Прогресс, 1996.

²³⁸ Там же, С.204.

Другим, предполагающие процессы проекции и интроекции²³⁹. М. Кляйн считает, что объектные отношения (как с внешними, так и с внутренними объектами) обуславливают психическое состояние и поведение личности, справедливо полагая, что характер объектных отношений отличается амбивалентностью, которая в большей степени свойственна отношениям к внутреннему объекту, к вообразимым «внутренним» родителям (негативный перенос, агрессивно-деструктивное поведение). Ее интерес был сфокусирован на внутренних объектах, которые формировали специфические позиции, т.е. устойчивые своеобразные миксты из характера объектных отношений, тревоги и защиты.

Дж. Гринберг и С. Митчелл утверждают, что внутренние объекты отражают своеобразные ожидания, основанные на опыте человека, относительно реальных других людей: это могут быть иллюзорные образы, вызывающие тревогу, опасения и предостережения, в целом свидетельствующие об опасности, либо, наоборот, иллюзорные Другие, создающие контекст безопасности, доверия, поддержки²⁴⁰. В соответствии с этим внутренние объекты можно дифференцировать по различным классификационным критериям: с точки зрения оценки – хороший/плохой; структуры – парциальный/целостный; инклюзии – ассимилированный в структуру Я и не включенный в Эго (П. Хайманн).

Д. Винникот также отмечает важность объекта в развитии человеческой психики и подчеркивает неотделимость развития индивидуальной психики от объекта, не представляя процесс развития ребенка в отрыве от межличностных и, в частности, материнских отношений²⁴¹. При этом Д. Винникот обоснованно полагает, что диадные отношения более важны, чем роль каждого из участников интеракции, подчеркивая, что в онтогенезе психика развивается и усложняется только в отношении объект-субъект. Еще один важный момент, отмеченный Д. Винникотом, состоит в том, что объект важен не только как внутренний объект, имеющий особенные индивидуальные характеристики вследствие специфики жизненной истории и опыта (проективных и интроективных идентификаций), но и как внешний объект, играющий ключевую роль в развитии.

Д. Штерн, акцентируя внимание на важности межличностного контекста, утверждает, что любая новая Я-идентификация определяет новую сферу активности и область социальной принадлежности, а результаты рефлексии себя и других представляется им как устойчивые организующие принципы.

М. Малер указывает, что психологические репрезентации Я и объекта конструируются в процессе развития отношений с другими людьми. При этом значимым является интегральный процесс: разделения – индивидуации, в рамках которого разделение предоставляет возможность функционирования самости, а индивидуация связана с формированием уникальной идентичности. Она

²³⁹ Пантелеева И. Мелани Кляйн как основатель наиболее влиятельной школы современного психоанализа //http://kleinians.narod.ru/texts/5Klein.htm

²⁴⁰ Greenberg, S. & Mitchell, J. (1983). *Object Relations in Psychoanalytic Theory*. Cambridge: Harvard University Press.

²⁴¹ Винникотт Д. Маленькие дети и их матери. М, 1998.

исследовала и описала динамические стадии этого процесса: дифференциация, практика, воссоединение и формирование постоянства объекта²⁴².

В рамках психоаналитического подхода Д. Боулби разрабатывает теорию²⁴³, согласно которой эмоциональная привязанность представляет собой результат социального поведения, позволяющий сформировать базовое доверие к миру и позитивную самооценку. Именно благодаря эмоционально окрашенным интерперсональным отношениям ребенок эффективно социализируется, развивается, дифференцирует себя и конструирует идентичность. Понимая привязанность как устойчивую близкую связь с Другим, Д. Боулби и его последователи подчеркивают, что глубокая эмоциональная привязанность предполагает существование значимых Других, аффективно настроенных на субъекта и вступающих с ним в эмпатический резонанс. Как правило, объектов привязанности (в детстве это родительские фигуры) не очень много, но именно они создают контекст защищенности, безопасности и заботы, выступают в качестве источника развития, образца для эмоциональной и когнитивной идентификации. Теория объектных отношений преимущественно основывается на реконструкции раннего детства, когда ребенок, вступая в межличностные интеракции, обучается процедуре обоюдных ролей – своей и роли Другого. Вместе с тем она применима и к отношениям взрослых людей, пониманию мотивации их действий, интерпретации отдельных поведенческих паттернов. В целом, эта теория объясняет влияние ранних детских эмоциональных взаимоотношений со значимыми другими на особенности интерперсональных отношений в настоящем.

Таким образом, в контексте теории объектных отношений психика человека, включая в себя элементы, интернализированные из внешних первичных аспектов функционирования других людей, представляет собой результат связей человека с внешним миром и позиционируется как система объектных отношений. При этом важным считается то, что стремление к установлению межличностных связей и отношений является ключевым мотиватором человеческого поведения. Объектом могут выступать как другие люди, так и внутренние психические репрезентации, сконструированные на основе этих отношений, которые, в свою очередь, тесно связаны с представлением человека о себе. Именно благодаря интернализированным объектным отношениям личность переживается как единое целое. Более того эта теория однозначно определяет направление развития объектных отношений – от симбиотической стадии, на которой преобладает недифференцированное слияние между объектом и субъектом (его самостью), к стадии обособления и достижения индивидуализированных состояний, предполагающих полное отделение самости субъекта от объекта.

Представители диспозиционального направления в исследовании личности, констатируя непохожесть людей друг на друга, рассматривают Другого как носителя признаков отличия (Г. Олпорт), тогда как бихевиористы и необихевиористы позиционируют Другого как источник подкрепления (Б.Ф. Скиннер); как модель для подражания и моделирования поведения через наблюдение (А.

²⁴² Цит. по Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

²⁴³ Боулби Д. Привязанность. Пер. с англ. /Под. общ. ред. Г.В. Бурменской. М: Гардарики, 2003.

Бандура); как агента социального научения (Дж. Роттер). По сути роттеровский локус контроля означает, что личность либо принимает на себя ответственность за свою жизнь, за реализацию собственного жизненного проекта (интернальный локус), либо делегирует ответственность за свое поведение, успехи и неудачи Другим, социальному окружению (экстернальная локализация контроля).

В центре внимания когнитивно-ориентированных теорий – структурного баланса Ф.Хайдера, коммуникативных актов Т. Ньюкома, когнитивного диссонанса Л. Фестингера, теории конгруэнтности Ч. Осгуда и П. Танненбаума – находятся познавательные процессы и баланс между когнитивными структурами (знаниями, установками, ожиданиями), однако они также подчеркивают значимую роль социального окружения, в частности различных групп, для формирования представления человека о себе. Общей для этих теорий является идея о том, что каждая личность стремится минимизировать возникшее внутреннее несоответствие, связанное с переживанием негативных эмоций, атрибутируя те или иные свойства и характеристики себе и Другим, а любая группа, в свою очередь, ориентирована на достижение максимального баланса в ходе межличностного общения. Так, например, Л. Фестингер в рамках теории когнитивного диссонанса утверждает, что процесс социального сравнения является определяющим для личности²⁴⁴. С. Дувал и Р. Виклунд, авторы теории самовосприятия и теории объективного самосознания, полагают, что основной источник познания — самонаблюдение, посредством которого люди делают выводы о собственных аттитюдах и мотивах, наблюдая за своим поведением в конкретных условиях. Такое самонаблюдение часто осуществляется в группах. Названные концепции, рассматривая источники формирования человеком знания о себе, важное место отводят его «социальному окружению» - совокупности Других, и прежде всего группам, в которые он включен.

Определяющее влияние «значимого Другого» как агента социализации на формирование и развитие личности достаточно хорошо и полно представлено в работах Г.М. Андреевой, П. Бергера, И. Гофмана, Г. Крайга, Ч. Кули, Т. Лукмана, Дж. Мида, А.В. Мудрика, В.В. Новикова, Б.Д. Парыгина, Л.М. Попова, А.Л. Свенцицкого, Н. Смелзера, Р.М. Шамионова, Т. Шибутани²⁴⁵.

Обобщая различные подходы к исследованию социализации, Р.М. Шамионов предлагает следующее определение, которого мы также будем придерживаться в рамках нашей работы. Социализация личности — сложный многоуровневый и многофункциональный процесс и результат вхождения человека в социальную среду, усвоения, использования и последующей трансляции социальной информации в виде установок, ценностей, социальных ролей, моделей поведения, реализующийся на основе смены детерминант и их отношений²⁴⁶. Сам процесс социализации подразумевает не только усвоение, присвоение и

²⁴⁴ Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М: Ювента, 1999.

²⁴⁵ Мудрик А.В. Социальная педагогика М, 1999; Новиков В.В. Социальная психология: феномен и наука М, 2003; Смелзер Н. Социализация: основные проблемы – направления исследования//Социальная психология. Хрестоматия. М, 1999; Шибутани Т. Социальная психология. Ростов-на-Дону, 1998; Шамионов Р.М. Личность и ее становление в процессе социализации. Саратов, 2000.

²⁴⁶ Шамионов Р.М. Личность и ее становление в процессе социализации. – Саратов, 2000

воспроизводство правил и конвенций общества, но и, как указывает Т.Д. Марцинковская, формирование «социальных переживаний, эмоциональных процессов, опосредованных социальными эталонами и выражающихся в эмоциональном отношении к нормам и правилам поведения, принятым в социуме, социальным и историческим событиям, персонажам, культурным ценностям»²⁴⁷.

Отметим важный для нас факт: фигура Другого может обладать разной валентностью, выступая либо как источник развития и саморазвития, либо блокируя и деформируя личностный рост и самодетерминацию²⁴⁸. В любом случае Другой является модификатором развития и эмоционально заряженным агентом социализации.

Как известно, одним из фундаментальных механизмов первичной социализации является механизм эмоциональной идентификации, благодаря которому имеет место усвоение и интернализация правил, норм и конвенций мира значимых Других, выступающего не как один из возможных миров, а как единственно существующий. На этой фазе социализации идентификация осуществляется автоматически, поскольку общество предоставляет (навязывает) значимых Других на безальтернативной основе, т.е. при полном отсутствии выбора.

Вторичная социализация также предполагает присутствие и воздействие Другого в качестве своего агента, при этом роль Другого остается доминирующей. Вторичная социализация может осуществляться без эмоциональной идентификации и эффективно протекать лишь на уровне взаимной идентификации, лежащей в основе любой межличностной коммуникации, т.е. субъект не столько эмоционально, сколько ценностно идентифицируется, и конструирует личностные смыслы в результате «перенимания – от-другого» того мира, в котором он живет. Безусловно, этот мир не присваивается полностью, не интериоризируется механически, он рефлексивируется в плоскостях личностных смыслов и ценностных кодов субъектов.

На важность и значимость межличностных и межгрупповых интеракций указывает Ч. Кули, автор теории «зеркального Я» и теории малых групп. Он считает иллюзорным представление об изолированном и независимом эго, полагая, что индивидуальное Я приобретает социальное качество в межличностном общении внутри первичной группы значимых других (семьи, группа сверстников) и в коммуникациях с разными группами, т.е. в процессе взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов. «Социальное зеркало» постоянно находится перед человеком, меняются лишь отдельные агенты-зеркала: если в детстве таким зеркалом становится любой, с кем ребенок находится в постоянном контакте, то взрослый человек в большей степени активен относительно выбора системы зеркал, в нее, как правило, входят значимые Другие и компетентные в конкретных вопросах специалисты. Следовательно, Ч. Кули акцентирует внимание на значении субъективно интерпретируемой обратной связи, полученной в результате интеракции с другими людьми, как главном источнике

²⁴⁷ Марцинковская Т.Д. Категория переживания в философии и психологии: монография. М., 2004.- С.5.

²⁴⁸ Слободчиков В.И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования //Ученые записки Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского Серия Психология. Педагогика. 2010. №2. - С.3-8.

данных о собственном Я. Он пишет: «Воображение того, какими мы представляемся другим, является прямо или косвенно той силой, которая контролирует любое нормальное сознание»²⁴⁹.

Дж.Г. Мид считает, что личность всегда социальна по своей природе, а все социальные отношения могут быть выведены из феноменальности Другого. По Дж.Г. Миду, человек не просто реагирует на действия Других, а прежде всего, интерпретирует их. Если его интерпретация действий синонимична значению, придаваемому Другим, начинаются согласованные действия. Когда люди подобным образом осознают значения, они виртуально формируют ответные реакции через принятие соответствующей роли, способствующей пониманию характера действий Другого, и координируют свое поведение. Когда они овладевают опытом Других, интернализируют поведенческие паттерны Другого, то поведение становится действительно социальным. По мнению Дж.Г. Мида, формирование и становление человеческого Я как целостного психического образования представляет собой внутренний, но при этом социально детерминированный процесс, в рамках которого формируются выделенные У. Джемсом Я-познающее и Я-познаваемое. По Миду, в структуре личности выделяются 3 основных компонента: I, Me и self, дефиниции которым ни он, ни его последователи не дают, однако нам близка трактовка этих понятий, приведенная Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой и Л.А. Петровской²⁵⁰. Согласно указанным авторам, I представляет собой активное, импульсивное, творческое начало личности, Me позиционируется как нормативное Я, выполняющее функцию внутреннего регулятора, действия которого основаны на требованиях и ожиданиях значимых Других и, главным образом, обобщенного Другого, а self (самость) интерпретируется как результат взаимодействия I и Me. Дж.Г. Мид, анализируя природу социальной сущности человека, рассматривает самость как ключевое понятие, обладающее качеством рефлексивности и предполагающее, что человек может выступать объектом для самого себя, адаптируясь к позиции Других и рассматривая себя с их точки зрения. Через усвоение социального и культурного опыта индивиды становятся способными предвидеть поведение друг друга и предвосхищать действия и реакции. Таким образом, по Дж. Миду, самоопределение формируется путем осознания и принятия тех представлений и репрезентаций, которые существуют у других людей относительно этого человека.

Дж.Г. Мид, подчеркивая зависимость самости от Других и акцентируя внимание на ответственности личности за свое окружение, утверждает, что самость существует через социальное взаимодействие и только обладание самостью делает возможной символическую интеракцию. Он вводит понятие «обобщенный другой», под которым понимает образ, существующий в обществе в отношении определенных социальных ролей или социальных связей. Обобщенный Другой – это совокупность общих установок, которые ожидают от всех участников в конкретной ситуации, это система социальных норм и

²⁴⁹ Кули Ч. Социальная самость. //Американская социология: Тексты. М., 1994. С. 316-329.

²⁵⁰ Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М: Аспект Пресс, 2001.

ценностей общества, которые значимы в определенных ситуациях и в отношении социальных ролей²⁵¹

И. Гофман определяет самость не как структуру, а как социальный процесс коммуницирования, получения и интерпретации информации о Других, благодаря которому человек пытается освободиться от заданных определений Других. Он пишет: «Я рассматриваю пути презентирования себя индивидом и своей деятельности другим людям, пути управления и контроля впечатлений, формируемых у них о презентирующем и способах предъявления собственного исполнения перед ними»²⁵². И. Гофман подчеркивает конструируемость социального взаимодействия, фиксируя двусторонность динамической самости: один аспект ее скрыт, а другой намеренно демонстрируется окружающим. По И.Гофману, обозначение самости является результатом рассмотрения себя с точки зрения обобщенного (генерализованного) Другого, т.е. себя как внешнего социального объекта, наделенного новым значением. На этой основе может происходить переопределение собственной самости, а иногда и отождествление себя как Иного.

Следовательно, в рамках интеракционистской парадигмы (Ч. Кули, Дж. Мид, И. Гофман) утверждается, что личность всегда социальна, а ключевой характеристикой Я является способность выступать объектом для самого себя, заменяя внешний социальный контроль самоконтролем. Фокус их аналитической оптики сосредоточен на том, как другие воспринимают человека (Я - каким меня видят другие), как он сам себя представляет (Я – каким я сам себя вижу) и как соотносятся эти два процесса (Я – как сознающий субъект и как объект). Другой играет ключевую роль для развития самости, представляющую собой результат социального взаимодействия с «ориентирующим», «обобщенным», «генерализованным» Другим. Интеракционистские теории подчеркивают, что Другой приобретает значение и смысл только в результате взаимодействия с ним, и человек может идентифицировать себя и Других через межличностные интеракции, которые способствуют эмпатическому пониманию, осмысленному поведению и саморефлексии.

Еще один важный ракурс рассмотрения взаимодействия Я и Другого и формирования образа Я предлагает Р. Бернс. Он вносит значительный вклад в развитие научных представлений о Я-концепции, понимая под этим термином совокупность установок, направленных на самого себя. Р. Бернс выделяет три компонента Я-концепции, специально акцентируя внимание на том, что все они неразрывно связаны друг с другом, обусловлены друг другом и лишь условно концептуально различаются: образ Я как представление о самом себе; самооценка как аффективная оценка представления о себе, обладающая различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа Я могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением; потен-

²⁵¹ *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб: Алетейя, 2000.- С.10-46.

²⁵² *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ.статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. - С.11.

циальная поведенческая реакция, то есть те конкретные алгоритмы действий, которые могут быть вызваны образом Я и самооценкой.

Когнитивная составляющая Я-концепции (образ Я) – это основные характеристики привычного самовосприятия: атрибутивные, статусные, ролевые, психологические, описание имущества индивида, жизненных целей и т.п. Соотношение этих характеристик постоянно меняется в зависимости от их значимости для индивида, которая в свою очередь определяется контекстом, жизненным опытом или просто конкретной ситуацией. Р.Бернс дифференцирует понятия «образ Я» или «картина Я» и «Я-концепция» на основании динамического критерия. С его точки зрения первые два термина отличаются статичностью и могут быть отнесены только к когнитивному компоненту Я-концепции.

Оценочная сторона Я-концепции – это качества, которые человек приписывает собственной личности, это оценочные суждения о своей ценности, об уровне самоуважения и самореферентности, и связанные с ними переживания. Источником оценочных значений различных представлений индивида о себе является его социокультурное окружение, в котором они нормативно фиксируются и артикулируются, социальные реакции на режимы его функционирования, а также результаты самонаблюдения.

Поведенческий компонент Я-концепции связан с убеждениями и установками индивида. Нередко прямое, непосредственное выражение установки в поведении модифицируется или сдерживается в силу его социальной неприемлемости, табуированности, наличия этических или нравственных сомнений индивида или при актуализации страха перед возможными последствиями²⁵³.

Рассматривая Я-концепцию как систему аутоустановок, Р. Бернс выделяет три модальности установок, ориентированных и направленных на себя:

1. реальное Я – установки, связанные с тем, как индивид воспринимает свои актуальные способности, роли, статус;
2. зеркальное (социальное) Я – установки, связанные с представлениями индивида о том, как его видят Другие;
3. идеальное Я – установки, связанные с представлениями индивида о том, каким он хотел бы стать.

Значимо признание Р. Бернсом того, что развитие Я-концепции происходит в результате межличностного взаимодействия и взаимного обогащения Я и Другого. Реальное Я формируется на основе контактов с другими людьми, активизации эффективной обратной связи; зеркальное Я представляет собой результат реальных или потенциальных оценок и суждений Других, а идеальное Я социально конструируется на основе доминантных ценностей и интернализованных смыслов.

Заметим, что до недавних пор отечественные психологи предпочитали больше оперировать понятием самосознание, чем терминами Я-концепция и идентичность. Так, И.И. Чеснокова, трактуя самосознание как единство трех компонентов: познавательного (самопознание), эмоционально-ценностного (самоотношение) и действенно-волевого (саморегуляция), подчеркивает про-

²⁵³ Бернс Р. Что такое Я-концепция. <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/burns1.htm>.

цессуальность самосознания и несводимость его к конечному результату. Самосознание, по И.И. Чесноковой, представляет собой процесс, сущность которого состоит в восприятии личностью многочисленных образов самой себя в различных ситуациях и в соединении этих образов в единое целостное образование – представление, а затем и понятие своего собственного «Я». В результате этого процесса формируется обобщенный «образ Я». В этом случае самопознание представлено как обобщение, при котором в последовательности «образ восприятия – представление – понятие» из многочисленных образов самого себя в различных ситуациях выделяется общее и устойчивое. Самосознание как противоречивое единство понимается как совокупность изменчивого и устойчивого в отношении личности к себе. Автор предлагает различать два уровня самосознания: соотнесение знаний о себе в формате сопоставления «Я» и «Другого» и соотнесение знаний о себе в формате аутокоммуникации «Я» и «Я», соотнося поведение с той мотивацией, которую личность реализует. Оцениваются и сами мотивы с точки зрения общественных и внутренних требований. Именно на втором уровне возможно достижение высшего развития самосознания при формировании жизненных планов и целей, жизненной философии в целом, своей общественной ценности, собственного достоинства²⁵⁴.

Аналогичную идею высказывает А.А. Налчаджян, полагая, что в структуре самосознания следует выделять следующие подструктуры²⁵⁵:

1. телесный Я-образ – устойчивый образ, включающий в себя представления о том, каким человек воспринимает себя в данный момент и играющий существенную роль в жизнедеятельности человека: он мотивирует активность; детерминирует выбор ближайших целей, определяет уровень притязаний, обуславливает коммуникативные особенности;

2. динамическое Я представляет собой образ, который корреспондирует с поставленной индивидом целью. Этот образ меняется в зависимости от достижений, успехов или неудач, реализации задуманного или осознания несбыточности поставленной цели и крушения надежд. Центральное место в структуре динамического Я занимают притязания личности, ее идентификация, представления желательных статусов и ролей;

3. фантастическое Я – это представление о том, каким человек хотел бы стать, если бы все было возможно. С достижением зрелости структура фантастического Я постепенно сворачивается;

4. идеальное Я включает представление человека об образце и эталоне, исходя из усвоенных моральных норм, идентификаций и ролей;

5. будущее или возможное Я содержит совокупность представлений индивида о том, каким он может стать. К своему будущему Я человек в определенной мере идет произвольно, помимо своего желания и идеального Я;

6. идеализированное Я – это позитивный образ, формируемый механизмами самоатрибуции и интроекции;

²⁵⁴ Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М, 1977. - С.95-100.

²⁵⁵ Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии) // <http://ethnopsychology.narod.ru/libr/N/nalchajan/nalchjan-adapt.htm>

7. представляемое Я – ситуативные Я-образы, выполняющие защитно-адаптивные функции самопрезентации;

8. фальшивое Я – это искаженное актуальное Я. Механизмами этого образа Я являются самообман, дискредитация и вытеснение.

И.С. Кон считает, что образ Я является основным компонентом самосознания, и определяет его как установочную систему представлений индивида о себе²⁵⁶. Он состоит из множеств различных составляющих: представления индивида о своем теле, уме, способностях, социальном положении, различные частные самооценки, самоуважение. И.С. Кон предлагает следующую иерархическую модель: нижний уровень составляют неосознанные, представленные только в переживании установки, традиционно ассоциирующиеся в психологии с самочувствием и эмоциональным отношением к себе. Выше расположены осознание и самооценка отдельных свойств и качеств; затем суммирование частных самооценок в относительно целостный образ; и, наконец, сам этот образ Я вписывается в общую систему ценностных ориентаций личности, связанных с осознанием ею целей своей жизнедеятельности и средств, необходимых для достижения этих целей²⁵⁷. Важно отметить, что эти уровни, будучи автономными, функционально взаимосвязаны. И.С.Кон пишет: «Высший уровень, меняя значение и удельный вес низших уровней иерархии "Я", не уничтожает их относительной автономии, так что между ними могут возникать противоречия и конфликты»²⁵⁸.

В.В. Столин определяет Я-концепцию как итоговый продукт самосознания, выражающийся в построении определений о самом себе. Исходя из предложенной им концепции самосознания²⁵⁹, он полагает, что на органическом уровне самосознание отражает физическое Я человека, включающее неосознанное, в основном только переживаемое отношение к себе, которое традиционно определяется как самочувствие – биологический аналог самоотношения человека. Безусловно самочувствие не определяет поступки человека, но в то же время образ Я может влиять на выбор того или иного действия и на форму поведения. Осознавая себя как социального индивида, человек идентифицируется с определенной группой людей – половой, возрастной, этнической, профессиональной и оценивает свои поступки с позиций той или иной группы, усваивает социальные роли и стандарты поведения, основанные на их воспроизведении и копировании. Критериями личностного уровня является свобода выбора и ответственность, система предписаний, определенная обществом. Сам выбор из ряда возможностей предполагает отказ от чего-то, ради более ценного и значимого. Его осуществление требует различных личностных проявлений, иногда противоречащих друг другу. Когда человек совершает выбор, возникает конфликтный смысл, до этого существовавший лишь потенциально. Следовательно, самосознание, по В.В. Столину, осуществляется на трех уровнях: это отражение субъекта в системе его органической активности, в системе его кол-

²⁵⁶ Кон И.С. Открытие Я. - М: Изд-во политической литературы, 1978. - С.72.

²⁵⁷ Там же, С.73.

²⁵⁸ Там же, С.74.

²⁵⁹ Столин В.В. Самосознание личности, М.: Издательство Московского Университета, 1983. - С.158.

лективной предметной деятельности и детерминированных отношениях и в системе его личностного развития, связанного с множественностью его деятельностей. В.В. Столин утверждает, что «единицами самосознания личности являются не образы сами по себе, и не самооценки в когнитивной или эмоциональной форме, и не образы плюс самооценки. Единицей самосознания личности является конфликтный смысл «Я», отражающий столкновение различных жизненных отношений субъекта, столкновение его мотивов и деятельности»²⁶⁰.

По мнению Г.В. Акопова, с которым мы полностью согласны, некоторые основания этой конфликтности лежат в социальной сфере, для подтверждения своего мнения автор приводит слова М.М.Бахтина: «Сознание себя самого все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, «я для себя» - на фоне «я для другого»²⁶¹.

В.С. Мухина понимает самосознание личности как универсальную, исторически сложившуюся и социально обусловленную психологически значимую структуру, присущую каждому социализированному индивиду, состоящую из звеньев, которые составляют содержание ключевых переживаний личности и выступают внутренними факторами рефлексии, ее отношения к самой себе и окружающему миру. Согласно этой концепции, самосознание человека как личности содержит пять звеньев: 1 — идентификация с именем и заменяющем его местоимением «Я», с образом тела, индивидуальная духовная сущность человека; 2 — притязание на признание; 3 — половая идентификация; 4 — психологическое время личности (прошлое, настоящее, будущее); 5 — социальное пространство личности (права и обязанности)²⁶².

Следовательно, самосознание определяется социальным опытом и является предпосылкой и одновременно следствием социального взаимодействия. Феномены самосознания выступают в системе различных связей, значений и функций. Гетерогенность их происхождения, становления и функционирования напрямую связаны с системой отношений личности с другими людьми, в которую человек с начала включается как природное существо, затем как объект и как субъект различных социальных отношений и деятельностей. Самосознание выступает в качестве механизма обратной связи, интегрирующего активность субъекта, регулирующего его деятельность, поведение, развитие, а его компоненты являются факторами рефлексии. По мере расширения связей личности с миром и другими людьми, пересечения различных деятельностей, расширения его мотивационной сферы возникает множественность смыслов «Я».

Таким образом, Другой является необходимым условием развития личности и определяет ее конфигурацию и границы. Через идентификацию с Другими и интернализацию их ролей, мнений, оценок, действий и поступков происходит конструирование психической реальности, всего окружающего мира и формирование идентичности личности. Значимые Другие выступают в качестве агентов социализации, источников развития и образцов для эмоциональной и

²⁶⁰ Там же, С.123.

²⁶¹ Акопов Г.В. Психология сознания: Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М: изд-во Институт психологии РАН, 2010. - С.145-146

²⁶² Мухина В.С. Феноменология бытия и развития личности. М.; Воронеж, 1999.

когнитивной идентификации. В широком смысле социализация представляет собой процесс и результат вхождения человека в социальную среду, усвоения, использования и последующей трансляции социальной информации, реализующийся на основе смены детерминант и их отношений (Р.М. Шамионов). Именно в процессе социализации формируется не только представление личности о себе, но и ее представление о Другом, а одним из результатов социализации становится приобретение способности быть полноправным субъектом социальных взаимоотношений. Взаимодействие с Другим способствует осмысленному поведению, эмпатическому пониманию и рефлексии, а отношение личности к Другому обуславливает специфику самоотношения, которое формируется на основе эмоционально окрашенных межличностных интеракций, эмоциональной привязанности личности и ее аффективных идентификаций. Идентичность личности появляется в результате взаимодействия с Другими, усвоения социальных норм, ролей, ценностей и способов деятельности и рассматривается как целостность социальных и личностных характеристик, структура которой отличается сложностью и внутренней противоречивостью.

2.4. Роль Другого в развитии субъектности и формировании ценностно-смысловой регуляции личности

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, безусловно, является фундаментальной психологической теорией, которая опередила время и до сих пор представляет собой глобальный инновационный проект. В ее рамках проанализируем 2 момента. Первый связан с акцентированием внимания не столько на факторах социальной среды, сколько на рассмотрении пространства социо-культурных детерминант как источника развития личности и проблематизации социальной обусловленности генезиса сознания человека. Вторым моментом касается выделения процессов интериоризации («вращения» функций вовнутрь) и экстериоризации (вынесение вовне результатов мыслительной деятельности). В ходе интериоризации происходит трансформация опыта interpersonalных отношений в интраличностные мыслительные процессы, т.е. согласно Л.С. Выготскому межличностная деятельность (включая применение орудий, установление связи между знаками и значениями, овладение языком и использование речи) преобразуется в опосредованную мысль. По Л.С. Выготскому, этот процесс состоит из нескольких этапов:

1. сначала взрослый (т.е. Другой) регулирует и контролирует поведение ребенка (этап инструктирования), при этом введенное им понятие зоны ближайшего развития определяется как разница в актуальном уровне развития ребенка и его потенциальном уровне развития, т.е. таком, которого он может достигнуть при помощи Другого (взрослого или конкурирующего сверстника);
2. ребенок способен самостоятельно использовать данное психологическое приобретение, выступая в роли субъекта и полагая Другого объектом (этап субъект-объектных отношений);

3. ребенок может применять те или иные освоенные способы не только по отношению к Другому, но и по отношению к самому себе, рассматривая себя как объект (этап самопознания и рефлексии).

Л.С. Выготский справедливо полагает, что любая психическая функция возникает на авансцене развития дважды – сначала как коллективная социальная деятельность, а потом как внутренний способ мышления, при этом мышление выступает как «квазисоциальный диалог»²⁶³.

Следовательно, Л.С. Выготский, констатируя диалогическую природу мышления, указывает на ключевую роль межличностных отношений в развитии психики ребенка, опосредованных совместной деятельностью. Введенный им принцип единства внешнего/внутреннего и превращения интрапсихологического в интерпсихологическое расширяет представление не только о доминирующей роли субъекта, но и о том, что источником развития ребенка является сотрудничество с другими людьми. Л.С. Выготский пишет: «Исследуя, что ребенок способен выполнить самостоятельно, мы исследуем развитие вчерашнего дня. Исследуя, что ребенок способен выполнить в сотрудничестве, мы определяем развитие завтрашнего дня»²⁶⁴. При этом Другой выступает как непосредственный носитель бытийных смыслов, а «связь людей» определяет развитие высших психических функций и сознания.

А.Н. Леонтьев, продолжая следовать по теоретической траектории, намеченной Л.С. Выготским, сосредоточивает свой аналитический интерес на изучении роли общественного опыта, овладении продуктами материальной и духовной культуры, их влиянием на психическое развитие ребенка. Он подчеркивает при этом, что усвоение не подразумевает пассивный процесс ассимиляции чужого опыта, а непременно предполагает активное воссоздание усваиваемого опыта под руководством и управлением Другого (взрослого). Более того, А.Н. Леонтьев утверждает, что ребенок зависим от тех людей, которые его окружают, поскольку формируемые интимные отношения с ними не только определяют уровень удовлетворения его потребностей, «его успехи и неудачи, в них самих заключены его радости и огорчения, они имеют силу мотива»²⁶⁵. А.Н. Леонтьев считает, что все пространство окружающих ребенка людей может быть представлено в виде 2-х кругов: первый круг репрезентирован фигурами родителей или тех, кто их заменяет, связи с ними являются детерминирующими и обуславливают все остальные отношения; второй круг образуют все другие люди, отношения к которым опосредованы взаимоотношениями, сформированными в первом малом круге. Известно, что в фокусе исследовательского интереса А.Н. Леонтьева находились такие базовые категории как личность, сознание, деятельность, а роль Другого специально не обсуждалась, вместе с тем анализ его работ указывает на манифестацию им монополярной роли взрослого как носителя идеальной формы развития.

²⁶³ *Выготский Л.С.* Педагогическая психология /под ред. В.В. Давыдова — М.: Педагогика, 1991.

²⁶⁴ Там же, С.264.

²⁶⁵ *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М: МГУ, 1981. - С.510.

А.В. Запорожец, изучая развитие ребенка, делает акцент на эмоциональной регуляции поведения, на необходимости учета аффективных особенностей и проявлений, а именно на значимости «творческой способности к эмоциональному воображению – аффективному предвосхищению событий действительности», являющихся основой смысловых ориентиров ребенка²⁶⁶. А.В. Запорожец полагает, что развитие ребенка идет от поискового к аффективному и экспрессивному действию, затем к построению «смыслообраза действительности», и только потом – к освоению культурного образца. Эти идеи согласуются с представлениями Л.С. Выготского о смысловом строении сознания, но, согласно А.В. Запорожцу, именно осмысленное предчувствие, творческое эмоциональное содействие, сопереживание Другому позволяют ребенку открывать окружающий мир. Интериоризация не исчерпывается присвоением безличных образцов деятельности, а включает в себя компоненты эмоционального и творческого процесса. Важным для нашего анализа является принцип амплификации детского развития, введенный А.В. Запорожцем. Его суть состоит в обогащении возможностей ребенка, в активизации внешних и внутренних ресурсов при активном вмешательстве Других – ответственных взрослых, при этом необходимо отметить, что А.В. Запорожец ставит вопрос о границах инициативного действия взрослого и указывает на то, что именно амплификация является внутренним условием спонтанного детского развития.

Аналогичную идею высказывает В.В. Давыдов, полагая, что деятельность ребенка поначалу иницируется, контролируется и управляется взрослым (Другим) по социально заданным стандартам, но разумной она становится лишь по мере ее авторизации, когда ребенок выступает в роли соучастника в построении деятельности, способного преобразовывать усвоенные и заданные образцы²⁶⁷.

Д.Б. Эльконин, уточняя роль взрослого, считает, что он лишь тогда является носителем образцов и выступает источником смыслов, когда акцентирует и создает идеи и смыслы жизни самого ребенка, фактически ориентируя и сопровождая ребенка в их совместное будущее, не искажая это будущее своими личностными качествами и свойствами. Он пишет: «Наше предположение, что в ходе формирования предметного действия имеет место сложное взаимодействие ребенка и взрослого, выступающего как образец, приводит к заключению, что с определенного момента развития – ребенок – это всегда «два человека» – Он и Взрослый. А не может ли быть, что именно внутреннее взаимодействие этих «двух человек», живущих в одном ребенке, раскроет нам процесс развития как процесс самодвижения?»²⁶⁸. В своих дневниках Д.Б. Эльконин отмечает: «Образец – это не образ Другого, а образ себя через Другого. Это то, каким я хочу, стремлюсь быть. Образец – это не что-то внешнее, это форма его (ребенка) сознания Другого в себе»²⁶⁹. Значит, по Эльконину, носителем культурного

²⁶⁶ Запорожец А.В. Значение ранних периодов детства для формирования детской личности // Принцип развития в психологии. Под ред. Л.И. Анцыферовой. М., 1978.

²⁶⁷ Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М., Педагогика, 1986.

²⁶⁸ Эльконин Д.Б. Заметки о развитии предметных действий в раннем детстве // Вестн. МГУ. Сер. Психология. 1978. № 3. - С. 3—12.

²⁶⁹ Цит. по Венгер А.Л., Слободчиков В.И., Эльконин Б.Д. Проблемы детской психологии и научное творчество Д.Б. Эльконина // Вопросы психологии, 1988. - С.20-29.

образца, источником смыслообразования, способом и формой выделения мира для ребенка является Другой (взрослый), формирующий через «совокупное действие» сознание и самосознание ребенка, в структуру которого включены взаимосвязанные и комплиментарные составляющие: образ совместного будущего, образ взрослого как Другого в себе и образ себя через Другого²⁷⁰.

Следовательно, в контексте деятельностного подхода Другой рассматривается как доминантная ответственная фигура, формирующая сознание и самосознание человека, выступающая носителем бытийных смыслов, социально-заданных эталонов и идеальной формы развития, а процесс интериоризации трактуется как эмоционально-творческое индивидуальное присвоение форм совместной с Другим деятельности, которая активизирует имеющиеся ресурсы и является условием саморазвития.

Субъектно-деятельностный подход, родоначальником которого является С.Л. Рубинштейн, также отводит фигуре Другого важное и достойное место. С.Л. Рубинштейн в своей работе «Человек и мир» пишет о том, что человек является человеком лишь по отношению к Другому: человек – это люди в их взаимоотношениях друг к другу, добавляя, что «человек как абсолют, как «вещь в себе», как нечто обособленное и замкнутое в себе – это не человек, не человеческое существо, и более того это вообще не существо, это нечто несуществующее – ничто»²⁷¹. Само понятие «мир» С.Л. Рубинштейн определяет как взаимосвязанную совокупность людей и вещей, «точнее, совокупность вещей и явлений, соотнесенных с людьми»²⁷², акцентируя внимание на том, что реально существуют такие взаимосвязанные отношения как человек и бытие, человек и другие люди. Другие люди в их деятельности выступают в виде фокуса или центра, вокруг которых организуется «мир» человека. Даже предметы в окружающем мире «очеловечены», поскольку имеют сигнальные качества, выступая как продукты или орудия деятельности человека, а их свойства опосредованы разного рода отношениями между людьми.

С.Л. Рубинштейн позиционирует Другого как действующее лицо в мире, которое обладает собственным Я. При этом Я – это всеобщность, универсальная характеристика, свойственная всем людям, каждому субъекту. Она составляется из всех частных Я, взаимно предполагающих друг друга, и не сводится ни к одному из них, в то время как частное, эмпирическое Я определяется только через отношение к другим людям. «Я» не может быть познано как объект непосредственной рефлексии, через отношение к самому себе, отдельно от взаимоотношений с другими людьми, в контексте которых конкретное эмпирическое «Я» выступает как объект для другого эмпирического «Я», т.е. взаимодействующие субъекты «предполагают, имплицитно друг друга: объект для меня, для которого я сам являюсь объектом»²⁷³. Более того, он отмечает, что индивидуальное бытие каждого человека как субъекта опосредовано, обуслов-

²⁷⁰ Возрастные и индивидуальные особенности подростков / Под ред. Д.Б. Эльконина, Т.В. Драгуновой. М., 1967.

²⁷¹ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2003. - С.282.

²⁷² Там же, С.289.

²⁷³ Там же, С. 353.

лено и имеет своей необходимой предпосылкой индивидуальное бытие как объекта для Другого. Следовательно, важным, значимым и определяющим является не только то, что отношение субъекта к себе обусловлено его отношением к Другому, но и то, что самоотношение формируется через отношение к нему других субъектов взаимодействия. Фактически С.Л. Рубинштейн говорит о «плавающей» точке отсчета, об определенной позиции (симметричной и равноправной) Другого по отношению к субъекту, подчеркивая, что он является Другим, буквально позиционируется как Другой, исходя из доминантности позиции субъекта, а, не основываясь на его принципиально иной сущности.

Другой такой же Я, а взаимоотношения разных Я друг с другом являются необходимым условием их существования как конкретных эмпирических существ, реализующих в себе всеобщность «Я» как субъекта. Для каждого субъекта Другой является «зеркалом», «мерилом», а самое главное – выразителем его человечности. С.Л. Рубинштейн пишет: «Каждый человек одновременно и представитель человечества – «рода» человек, и выразитель, мера «человечности» других людей»²⁷⁴.

Исходным условием существования каждого конкретного эмпирического субъекта является его существование среди других субъектов, обладающих сознанием, и последующее сосуществование с ними. Автор считает, что другое Я эмпирически и генетически предшествует выделению индивидуального Я. С.Л. Рубинштейн утверждает, что в рамках субъектного подхода необходимо не просто рассматривать активного, действующего человека как субъекта сознания и действия, а человека, связанного непосредственно и опосредованно с другими людьми, включенного в сложную систему интеракций и коммуникаций. Он считает, что присутствие Другого является необходимым условием существования человеческого Я и ставит вопрос о месте и роли Другого, показывая, что Другой может рассматриваться как средство, способ или цель деятельности, но, главное, как этический императив, дающий возможность рефлексии результатов и последствий действий человека, как транслятор ценностей и смыслов, как показатель «человечности» в человеке.

Высказав ключевой тезис о включении человека в состав бытия, С.Л. Рубинштейн считает субъектность основным механизмом этой включенности. Он пишет: «Человек как субъект должен быть введен внутрь, в состав сущего, в состав бытия и, соответственно, определен круг философских категорий. Человек выступает при этом как сознательное существо и субъект действия, прежде всего как реальное, материальное, практическое существо»²⁷⁵. Взаимоотношения человека с миром осуществляются в разных формах – познавательной, деятельностной и отношенческой. Отношенческая форма предполагает не просто отношение человека к миру явлений и предметов, а, главным образом, отношение к другому человеку, к миру людей, оценка их отношений, понимание связей и зависимостей их друг от друга. Мир человека – это мир «особой» действительности – действительности отношений, условностей, способов поведения, кото-

²⁷⁴ Там же, С.355.

²⁷⁵ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб, Питер, 2003. - С.288.

рые человек, рождаясь, застаёт готовыми, сформированными и которые он познаёт, усваивает, присваивает и интернализирует в течение жизни.

Принцип субъектности (субъекта) неразрывно связан в концепции С.Л. Рубинштейна с деятельностным принципом. Деятельность выступает как один из типов активности субъекта, как способ его отношения к действительности. Активность субъекта выражается, по мнению С.Л. Рубинштейна, в формах самодетерминации, самопричинения, самодеятельности, именно в них отражается сущностное свойство субъекта. В субъекте связываются познавательные и деятельностные характеристики психологии человека. Он выступает как основание связи сознания и деятельности. К.А. Абульханова отмечает, что в принципе единства сознания и деятельности реализуется субъектный подход в психологии. В двучленную формулу сознание — деятельность вводится третий член — субъект. И в этом смысле субъектно-деятельностный подход превращается в новую парадигму построения психологической науки. Для социальной психологии ключевой является идея о модусе субъекта. Постановка проблемы связи сознания и деятельности требовала ответа на вопрос о субъекте этой связи. Этим субъектом является личность. В личности как в фокусе сосредотачиваются отражательный, познавательный аспекты сознания и его качества, отношения, переживания, стремления. В социально-психологических качествах личности, выражаемых в ее интересах, идеалах, направленности, мировоззрении, синтезируются ее познавательные, отношенческие связи и механизмы, регулирующие эти отношения. Сложные системы связей и отношений человека с миром, другими людьми, с самим собой выражаются в краткой и емкой форме: личность является субъектом жизни. Категория «субъект» подчеркивает активность человека, его творческое начало, направленность на преобразование бытия в соответствии с внутренним содержанием личности, т.е. определение внешнего через внутреннее.

Как полагает К. А. Абульханова, постигать психологическую природу субъекта надо через совокупность его отношений к миру. С этой позиции, субъект – это специфический способ организации качественной определенности сознания современной личности. Личность, выступая как субъект деятельности, сталкивается с противоречием своих желаний, потребностей и объективными препятствиями на пути их удовлетворения. Именно разрешая противоречия, она приобретает новое качество отношений к миру, дающее психологу основание говорить о ней как о субъекте деятельности²⁷⁶. К. А. Абульханова считает, что категория субъекта выявляет не только различные характеристики самого субъекта, но и его разные отношения к миру²⁷⁷.

К. А. Абульханова выделяет пять основных критериев личности как субъекта. Во-первых, личность является субъектом как организатор, координатор, регулятор объективных форм и отношений, способным их строить и менять. В

²⁷⁶ Абульханова К.А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Институт психологии РАН, 1997. - С.56-74.

²⁷⁷ Абульханова К. А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: ПЕРСЭ, 2002. Гл. 2. - С. 34–50.

качестве субъекта она интегрирует и оптимально организует жизненные этапы, их последовательность, соотношенную с жизненными целями. В ходе всей жизни личность размещает и соединяет деятельность, познание, общение. Во-вторых, жизненный путь личности связан с противоречием между возможностями, способностями, индивидуальными особенностями и притязаниями самой личности с одной стороны, и нормативными требованиями, которые обращены к ней, не совпадающими с ее индивидуальными особенностями, – с другой. Но личность как субъект обладает способностью вырабатывать собственный путь решения постоянно возобновляющихся жизненных противоречий, структурируя их в формах жизненных задач и проблем. Данный критерий позволяет выявить, как и в какой мере личность становится субъектом, разрешая противоречия между системой целей, ценностей, притязаний, способностей и системами труда, самой жизни с ее обстоятельствами, порождающими конфликты, которые «могут вызвать противоречия в системе внутренней организации личности – между целями, желаниями и возможностями их достижения в данных обстоятельствах»²⁷⁸. В-третьих, личность не просто обладает когнитивными процессами и способна видеть, думать, помнить, а она сама определяет, как надо смотреть, как думать, как и зачем вспоминать, чтобы решить определенную жизненно-практическую задачу. В этом проявляется ее металичностное качество субъекта. Соответственно, третьим критерием личности как субъекта является использование своих психических, личностных, профессиональных способностей с целью выработки оптимального решения жизненных задач и проблем. В-четвертых, в понимании личности как субъекта жизни заложена трактовка развития как восходящего процесса, отвечающего ее потребности в самореализации и самоактуализации. Субъект обуславливает направленность личности на самосовершенствование, не препятствуя ее приобщению к общечеловеческим ценностям, достижениям развития всего человечества. Личность как индивидуальность приобретает способность творчески присваивать богатство человеческой культуры, опыта и вносить свой собственный вклад. Пятый критерий, по К.А. Абульхановой, предполагает совершенствование личности, связанное с достижением подлинности своей жизни, которая проявляется в жизненной стратегии, отвечающей смыслу жизни данного человека. Построение личностью своей стратегии жизни происходит путем ее обобщения, выделения самых значимых жизненных принципов и способов их реализации, предполагающих преодоление противоречий, препятствий, трудностей на пути реализации этих принципов и осознание того, каким путем будут разрешены эти противоречия. Можно сказать, что стратегия – это приведение в соответствие своего способа жизни своей индивидуальности, своему типу. На уровне сознания субъекта жизненная стратегия воплощается в Я-концепции. Наличие Я-концепции дает возможность личности осознать себя как субъекта, отнестись к себе как к источнику жизненных перемен, причине событий и поступков, выявить в себе новые стремления и силы, взять на себя

---

²⁷⁸ Абульханова К.А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т.2, №4, 2005. - С.14.

ответственность за реализацию собственных устремлений. По мнению К.А. Абульхановой, совокупность этих критериев составляет теоретико-методологический принцип субъекта. Эти критерии позволяют сконструировать типологические модели реальных личностей по особенностям и мере их качеств как субъектов. Становясь субъектом, личность выступает в новом качестве, которое представляет собой одновременно и новый уровень и новые способности, уже не только психические, но и личностные. Становление личности субъектом жизни означает присвоение собственной личности и присвоение жизни, проживание своей жизни и конструирование третьей действительности – действительности взаимодействия личности с ходом и обстоятельствами ее жизни, с другими людьми. Личность как субъект воплощает себя в формах жизни, что дает ей возможность не только интеграции своих психических и личных качеств, но и мультипликации природных, психических, личностных, духовных, профессиональных, культурных возможностей. В подходе, предложенном К.А. Абульхановой, иначе трактуется категория деятельности, рассматриваемая как форма существования активности. Активность, являясь атрибутом личности, выступает главным объектом исследования и определяется «как жизненно-функциональные высшие способности, обеспечивающие (или нет) возможность быть субъектом»²⁷⁹, являясь интегралом притязаний, саморегуляции и удовлетворенности, способностью и способом самовыражения, самореализации личности. Конкретными формами проявления активности, выступающими как социально-психологические характеристики личности, являются инициатива и ответственность. Определяя разноплановые характеристики активности как качества, состояния субъекта, К.А. Абульханова дает ее обобщенную характеристику. Активность – это системное качество личности, включающее в себя различную направленность, разный жизненный опыт, обобщающий те или иные стратегии жизни. В этом смысле активность характеризует личность как субъекта жизненного пути. В результате исследования жизненного пути личности К.А. Абульханова выделяет его взаимосвязанные структуры: жизненная позиция, жизненная линия и смысл или концепция жизни²⁸⁰.

Следовательно, субъект – это организатор своей жизни, координатор ее событий, строитель жизненных отношений, определенным образом ее переживающим и разрешающим жизненные противоречия. В качестве ведущих характеристик субъекта жизни К.А. Абульханова выделяет: способность к организации и определению направления жизни; выработка способа разрешения ее противоречий; достижение высшего уровня жизни и развития самой личности²⁸¹. При этом выделим важный для нас тезис, артикулированный К.А. Абульхановой: «нельзя охарактеризовать качество личности как субъекта

²⁷⁹ Абульханова К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). Избр. психол. труды. - М.-Воронеж, 1999. - С.50

²⁸⁰ Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. -299с.

²⁸¹ Абульханова К.А. Проблема индивидуальности в психологии / Психология индивидуальности: новые модели и концепции// Кол. монография под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009. - С. 14-63.

«в себе» вне анализа его взаимосвязей и взаимоотношений с миром, т.е. вне психосоциального контекста»²⁸².

Оформляя в теорию собственный подход (вернее даже целое направление – психологию субъекта), А.В. Брушлинский двигается от идеи недизъюнктивности к ее оформлению в континуально-генетическую концепцию, основанную на принципе непрерывности развития. «Давая самое общее определение личности как субъекта в психологии, мы связываем его с проявлением противоречий между личностью и требованиями, предъявляемыми к ней обществом, – двумя реальностями, которые никогда не соответствуют друг другу. Качество и мера становления личности как субъекта связаны со способностью и способом разрешения ею этого противоречия»²⁸³. Именно через категорию «субъект» преодолевается дефицитарность детерминистского подхода в интерпретации психики и личности. Он пишет: «Не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю»²⁸⁴. По А.В. Брушлинскому, субъект – это человек на высшем уровне активности, проявляющейся в способности противостоять любым обстоятельствам.

А.В. Брушлинский отмечает, что своеобразная диалектика умственного развития субъекта проявляется в том, что «чем ближе сам индивид подошел к успешному решению задачи, тем, казалось бы, ему меньше нужна помощь извне, но и тем легче ее реализовать; и наоборот, чем дальше он находится от верного решения, тем больше ему необходима помощь со стороны, но тем труднее ему ее использовать»²⁸⁵. Данный парадокс саморазвития, по А.В. Брушлинскому, объясняется и разрешается благодаря непрерывному взаимодействию общества и индивида в ходе формирования психики человека. Можно раскрыть разные грани проявления субъектности: одна из них состоит в умении человека как субъекта деятельности брать ответственность на себя, в способности принимать самостоятельные решения, используя социальную поддержку (подсказку) только как некоторый ориентир в реализации собственных планов. Вторая характеристика человека как субъекта деятельности описывает его со всем с другой стороны, а именно со стороны его социальной компетентности и иногда неверно трактуется как признак недостаточной субъектности. На самом деле умение обратиться за помощью к Другому в самом начале решения какой-либо проблемы является показателем зрелой личности при условии, что этот человек действительно является компетентным, а сам субъект достаточно активным в принятии и реализации полученной помощи. Умение обратиться с просьбой – один из показателей утверждения личностью ценности своего Я и предельно ясно маркирует парадоксальность развития субъекта. Последнее обнаруживает себя в том, что помощь (подсказка, по С.Л. Рубинштейну), эффективна только в том случае, когда для ее реализации сложились внутренние условия, т.е. определенная готовность субъекта понять и принять социальную поддержку. Однако, обращаясь к ней, субъект не всегда осознает направлен-

²⁸² Там же, С.56.

²⁸³ А.В. Брушлинский, 1997. - С.362.

²⁸⁴ Брушлинский А. В. Психология субъекта Отв. ред. В. В. Знаков. – М, 2003. - С. 49.

²⁸⁵ Там же, С.70.

ность поиска решения проблем. А.В. Брушлинский считает человека «творцом своей истории, вершителем собственного жизненного пути, дела делателем»²⁸⁶.

Он акцентирует внимание на идеи целостности субъекта, методологически объединив в этой категории субъектов разного уровня и качества: человечество, общество, коллектив, группа, личность. Как отмечает А. В. Брушлинский: «В самом полном и широком смысле слова субъект — это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом»²⁸⁷. Таким образом, психику человека необходимо изучать комплексно, рассматривая каждый ее компонент. Человека нельзя понять в отрыве от общества. Все высшие функции у ребенка формируются при взаимодействии его с взрослым, только неразрывная связь с обществом способствует наибольшему потенциалу для оптимального развития, но принадлежат сформированные особенности только субъекту. Следовательно, по мнению А.В. Брушлинского, человек и общество нельзя рассматривать отдельно друг от друга.

Именно в рассмотрении человека как субъекта, который отражает разнообразные закономерности, необходимо отметить диалектическое единство разнонаправленных процессов. Отсюда и повышенное внимание А.В. Брушлинского к установившейся в психологии дихотомии биологического и социального, психологического и физиологического, сознательного и бессознательного и направленность на их преодоление на основе целостного подхода к человеку как субъекту, который характеризуется онтической неразделенностью обеспечивающих его жизнедеятельность процессов. Это принципиальная позиция, которая формулируется и разрабатывается А. В. Брушлинским постоянно: «... природное и социальное онтологически (точнее онтически) нераздельны»²⁸⁸.

Идеи А.В. Брушлинского, развивающего субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна на основе последовательного проведения идей онтологического гуманизма, созвучны ключевым идеям зарубежных исследователей личности. Л.И. Анцыферова отмечает, что «в западной психологии, в теориях личности, построенных на основе психоаналитических практик (А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Юнг, К. Хорни), понятие «субъект» занимает одно из центральных мест, обозначая способность человека быть иницилирующим началом, первопричиной своих взаимодействий с миром, с обществом; быть творцом своей жизни; создавать условия своего развития; преодолевать деформации собственной личности и т. д.»²⁸⁹. На близость гуманистических позиций психологии субъекта А.В. Брушлинского и американской гуманистической психологии указывают также В.В. Знаков и М.Д. Няголова²⁹⁰. Так В.В. Знаков пишет:

²⁸⁶ Брушлинский, А. В. Психология субъекта. Отв. ред. В. В. Знаков. – М., 2003. – С. 49.

²⁸⁷ Брушлинский А. В. Психология субъекта. Спб.: Алетейя, 2003. – С.56.

²⁸⁸ Там же, С.48.

²⁸⁹ Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельного подхода // Проблема субъекта в психологической науке. – М.: Академический проект, 2000. – С.27.

²⁹⁰ Няголова М. Д. Психология субъекта А. В. Брушлинского и американская гуманистическая психология: сопоставление теоретико-методологических конструктов // Субъект, личность и психология человеческого бытия. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С. 95 – 112.

«Между гуманистическим направлением психологии западного типа и теорией субъекта А.В. Брушлинского, с одной стороны, имеются реальные терминологические различия, но с другой – существенная содержательная близость»²⁹¹.

Схематично основные положения психологии субъекта А.В. Брушлинского можно представить следующими тезисами. Субъект – это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности, на котором он предельно индивидуализирован, проявляет особенности своей мотивации, способностей, психической организации. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности. Каждая личность есть субъект, но субъект не сводится к личности. Субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности, способ согласования внешних и внутренних условий осуществления деятельности во времени, центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, а также способностей, возможностей и ограничений личности по отношению к объективным и субъективным целям, притязаниям и задачам деятельности. Целостность, единство, интергративность субъекта являются основой системности его психических качеств. Раскрывая природу целостности субъекта, А.В. Брушлинский указывает, что это означает, прежде всего, неразрывную взаимосвязь природного и социального на всех стадиях развития человека, начиная с пренатальной стадии, когда появляются самые первые, простейшие психические явления у еще не родившегося младенца²⁹².

Принципиальная новизна подхода А.В. Брушлинского, по мнению В.В. Знакова, заключается в трех основных положениях: «Во-первых, в переходе от микросемантического к микроаналитическому методу познания психического; во-вторых, в значительном расширении представлений о содержании активности как фактора детерминации психики; в-третьих, в целостном системном характере исследования динамического, структурного и регулятивного планов анализа психологии субъекта»²⁹³.

Неким результирующим (конечно, же, условно) направлением, сочетающим в себе как идеи субъектного, так и тезисы деятельностного подходов, является гуманитарно-антропологическая парадигма, предложенная В.И. Слободчиковым²⁹⁴. Одним из ключевых понятий указанной парадигмы является понятие «бытийная общность», под которой понимается неструктурированное объединение людей – «нераздельность и неслиянность двух и более самостоятельных форм жизни» на основе схожих ценностей и аналогичных смыслов. Доминантной функцией такого объединения выступает развитие и становление ин-

²⁹¹ Субъект, личность и психология человеческого бытия. М: Институт психологии РАН, 2005. - С.112.

²⁹² Брушлинский А.В. Исходные основания психологии субъекта и его деятельности. //Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Гл. 5, под ред Брушлинского А.В. М., ИПРАН, 1997, с. 208-269; Брушлинский А.В. Целостность субъекта - основание для системности всех его качеств. // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. Гл. 9. Под ред Брушлинского А.В. М., ИПРАН, 1997, с. 559 - 570.. Брушлинский А.В. Психология субъекта и его деятельности. //Современная психология. Справочное руководство, под ред. Дружинина В.Н.М., Инфра-М., 1999, с. 330-346; Брушлинский А.В. Перспективные направления в разработке психологии субъекта //Вестник РГНФ, 1999, № 1.

²⁹³ Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия //Психологический журнал, 2003. Том 24, №2. - С.96-97.

²⁹⁴ Слободчиков В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования. Екатеринбург, 2010.

дивидуальной и коллективной субъектности. В.И. Слободчиков считает, что высшей формой развития бытийной общности является «со-бытийная общность», для которой характерно принятие людьми друг друга, а исходной нормой такого объединения он полагает духовную связь, которая обеспечивает понимание одной индивидуальности другой на основе доверительного диалога и эмпатического сопереживания. В отличие от других общностей (симбиотических, формальных) именно в со-бытийной общности совокупности связей и отношений находятся в гармоническом единстве. Мы полностью согласны с автором в том, что «человек зарождается, рождается и живет в системе реальных, живых, хотя и разнородных связей с другими людьми, в их Встрече: первоначально с родителями, затем – с близкими, впоследствии и с дальними. Усиливая эту мысль, можно вообще сказать: нигде и никогда мы не увидим человека до и вне его связей с другими. Он всегда существует и развивается в со-обществе и через со-общество»²⁹⁵.

В.И. Слободчиков акцентирует внимание на том, что Другой не является просто условием существования, а выступает фундаментальным онтологическим основанием самой возможности возникновения собственно человеческого в человеке, основанием его нормального развития и полноценной жизни. Он подчеркивает (и буквально, и фигурально), что в «со-бытийной Встрече люди обеспечивают, и фактически – гарантируют презумпцию человечности друг другу; право и возможность стоять на человеческом пути развития, по мере взросления становиться действительным распорядителем и автором собственного развития»²⁹⁶. Во время дошкольного и школьного детства «со-бытийная общность» ребенка и Взрослого является субъектом развития, при этом автор дифференцирует понятие «Значимый взрослый» на основе таких различительных критериев как связь и отношение, отражающих статус ребенка в его жизненном мире. В.И. Слободчиков предлагает две бинарные оппозиции: «родной» – «чужой», которая представляет кровное родство и принадлежность к определенной семейной системе, и «близкий – чуждый», репрезентирующая духовную близость, справедливо полагая при этом, что детско-родительские отношения эволюционируют по линии духовной близости. Исходя из предложенной типологии, утверждается, что на этапе дошкольного и школьного детства родители, значимые взрослые могут являться как источником развития, впоследствии трансформирующегося в саморазвитие и самодетерминацию, так и выступать в виде опасных фигур, взаимодействие с которыми блокирует и деформирует развитие и саморазвитие.

Важным и значимым является системно-субъектный подход, реализуемый Е.А. Сергиенко. С его позиций центром концептуальной схемы анализа психологии является человек как субъект деятельности, общения, отношения и переживания. На каждом этапе своего развития субъект выступает носителем системных психических явлений (процессов, состояний и свойств), раскрываю-

²⁹⁵ Слободчиков В.И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования //Ученые записки Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского Серия Психология. Педагогика. 2010. №2. - С.3-8.

²⁹⁶ Там же, С.8.

щихся в его взаимодействии с миром. Субъектность постепенно становится системообразующим фактором формирования сложной многоуровневой психической организации человека²⁹⁷. Критерии субъекта при этом являются уровнями. Поэтому выделенные многими исследователями разные критерии субъекта, по мнению Е.А. Сергиенко, не являются ни противоречивыми, ни тем более взаимоисключающими, а относятся к разным уровням организации субъекта. В результате конкретных исследований, выполненных Е.А. Сергиенко и под ее научным руководством, выделено несколько уровней в процессе непрерывного становления субъектности человека: от протоуровней в раннем онтогенезе до уровней агента, наивного субъекта, субъекта деятельности, субъекта жизни.

По мнению Е.А. Сергиенко, первой важнейшей задачей в развитии ядра личности является способность выделения себя из среды, следовательно, начальным представлением о себе можно считать экологическое Я – это Я, которое воспринимается относительно физического окружения. Оно образуется спонтанно и активно функционирует как часть Я-концепции. Второй задачей в развитии Я-концепции, по Е.А. Сергиенко, выступает установление эквивалентности Я – Другой или Я-интерперсональное. В эту категорию не входят культурные установки и аспекты интерперсональных отношений. Такой тип представлений складывается непосредственно. Дальнейшая разработка представлений об уровне субъектности связана с моделью психического, т. е. со способностью детей к построению ментальных моделей о понимании, мнениях, намерениях своих и других людей. Исследование понимания эмоций позволяет Е.А. Сергиенко выделить еще два уровня развития субъектности в дошкольном возрасте. В 4 года формируется уровень агента, когда происходит дифференциация представлений о том, что собственно психическое отличается от психического других людей: идет предсказание поведения Других на основе представлений о собственном поведении. В 5-6 лет развивается способность сопоставлять разные аспекты ситуаций и их значения для себя и Других, что позволяет детям анализировать человеческие контакты и их смысл. Они начинают не только понимать обман, но и сами готовы обманывать, что требует сопоставления своей модели понимания ситуации с моделью понимания ситуации другим человеком. Это уровень наивного субъекта²⁹⁸.

В контексте системно-субъектного подхода ставится вопрос о специфических функциях категории «субъект». Эти функции должны обладать статусом системности и субъективности одновременно. Они аналогичны ключевым функциям, предложенным Б.Ф. Ломовым²⁹⁹ – когнитивной функцией субъекта является понимание, которое представляет собой и когнитивный, и экзистенциальный феномен. Понимание человеком окружающего мира включает внутренние модели (модель психического и модель физического мира) и смысловые образования, опосредующие его выбор и интерпретацию окружающих событий

²⁹⁷ Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект. // Проблема субъекта в психологической науке. М., ИПРАН, 2000. - С. 13- 27.

²⁹⁸ Сергиенко Е. А. Психология субъекта: поиски и решения//Психол. журнал. Т29, №2, 2008. – С.16-28.

²⁹⁹ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Политиздат, 1984 .

и явлений. Регулятивная функция выступает как контроль поведения – основа саморегуляции человека. Контроль поведения является интегративной характеристикой, включающей когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность)³⁰⁰. В отличие от саморегуляции контроль поведения обладает спонтанностью и самопроизвольностью. Коммуникативная функция субъекта может быть выражена через представление о субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействиях. По мнению Е.А. Сергиенко, реально взаимодействия людей могут быть только тогда эффективными, когда учитываются субъектность объекта воздействия, уровень и особенности его внутренних моделей, степень понимания, индивидуальная специфика его контроля³⁰¹. Следовательно, выделяя функции субъектности, исследователи сталкиваются с их взаимным переплетением и лишь условным выделением, что необходимо при анализе явления. В.В. Знаков, развивая и интегрируя идеи психологической теории субъекта и психологии понимания как его специфической функции, разрабатывает новое научное направление – психологию человеческого бытия, фундаментом которой являются исследования экзистенциальных проблем понимания человеческой жизни. Он уточняет: «Важнейшее из всех качеств человека – быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути. Это значит инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов»³⁰².

Субъектно-бытийный подход, предложенный З.И. Рябикиной, обуславливает направленность человека на переустройство бытия в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов, т. е. на преобразование внешнего мира таким образом, что он становится следствием объективирования субъективного и продолжением личности. При этом пространства бытия личности непосредственно встраиваются в ее структуру. Личность становится фактором, объединяющим все стороны бытия человека в неразрывное целое.

По З.И. Рябикиной, личность – это полисистемное образование, которое включает пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности. При этом происходит деление пространства психических явлений на смысловой и действенный (бытийный) слои. В бытийном слое психики, по мнению З.И. Рябикиной, представлены три пространства явлений, имеющих непосредственное продолжение в объективно фиксируемых событиях человеческого бытия: организмические состояния индивида, реалии среды и деятельность. В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные подпространства. Захватывая смысловое или собственно личностное поле, они представлены в личностном смысле как его компоненты: аффектив-

---

³⁰⁰ Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект. // Проблема субъекта в психологической науке. М., с. 13- 27; Сергиенко Е. А. Психология субъекта: поиски и решения//Психол. журнал. Т29, №2, 2008, с.16-28.

³⁰¹ Сергиенко Е. А. Развитие идей психологии субъекта А. В. Брушлинского: системно-субъектный подход//Личность и бытие: субъектный подход. М : Изд-во ИПРАН, 2008. - С.57.

³⁰² Знаков В.В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия// Психологический журнал, Т. 24, №2. - С.98.

ный, когнитивный, конативный. Таким образом, в личностном смысле «присутствуют»: информация о внешнем событии, ставшем предметом отражения; акты поведения, обеспечивающие распрямление, «опредмеченная» потребность. Системно организуясь, смыслы образуют смысловую сферу личности. Именно смысловой слой психики и составляет особую психологическую субстанцию личности, определяя собственно личностный слой бытия.

В субъектно-бытийном подходе стержневую, главенствующую позицию занимает понятие смысла жизни. Можно сказать, что формально-динамическая сторона смысла жизни состоит в стремлении к упорядочиванию систем четырех пространств: «системы личностных смыслов с системной организацией среды (предметно-пространственная среда, время жизни, структура межличностных отношений и пр.), с системой деятельностных (поведенческих) возможностей и с мотивационно-потребностной системой индивида»³⁰³. Сформировавшееся у личности представление о смысле жизни приводит к изменению иерархии смыслов. Овладевая подчиненными ей субъективными и объективными пространствами бытийности, личность начинает их выстраивать и при этом самоактуализируется. Бытийное пространство личности рассматривается как субъективно-объективная реальность или неповторимая целостность взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состояний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором он претворил свою субъектность (объективировал субъективное), т. е. «происходит снятие дихотомии внешней и внутренней реальности». «Каждому субъекту картина мира открывается из его уникально-бытийной перспективы...»³⁰⁴. З.И. Рябикина считает, что бытие личности – это «объективированная в процессах и предметах мира субъективность»³⁰⁵.

Следовательно, бытие предстает не только внешней причиной, обуславливающей становление личности и ее функционирование, но и пространства бытия личности непосредственно включаются в ее организацию. Субъект, выступающий фактором целостности психического и в тоже время направленный на преобразование внешнего по законам внутреннего, становится фактором, объединяющим все стороны бытия человека как субъективные, так и объективные в неразрывное единство. Личность как субъект, разрешая противоречия между определенным образом устроенным внутренним миром и внешней реальностью, подчиняя внешнюю реальность закономерностям своего внутреннего мира и таким образом продолжая себя во внешний мир через осуществление актов персонализации, развивается, расширяя свою бытийность³⁰⁶. Обозначая специфику субъектно-бытийного подхода, В.В. Знаков отмечает, что «психология субъекта не только основывается на фундаментальных традициях субъект-

³⁰³ Рябикина З.И., Танасов Г.Г. Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с другими (конструктивная версия постмодернистских «настроений») // Человек. Сообщество. Управление. №2, 2010. С. 6

³⁰⁴ Гусельцева М. С. Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2007.- С. 66.

³⁰⁵ Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий // Психологический журнал. Т.29, №2, 2008. - С.80.

³⁰⁶ Рябикина, Личность и бытие: субъектный подход/ Мат. науч. конф. посвященной 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского/ Под. ред. А. Л.Журавлева, В. В.Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во ИПРАН, 2008. С.53.

но-деятельностного подхода школы С.Л. Рубинштейна, но и сама порождает новые ветви этого богатого плодами древа познания (такие, как психология человеческого бытия)»³⁰⁷. Терминологическое отличие субъектно-бытийного подхода от субъектно-деятельностного З.И. Рябикина объясняет несколькими причинами: «... в работах С.Л. Рубинштейна оперирование категориями «бытие», «мир» давало основание более точного обозначения развиваемого им субъектного подхода именно как бытийного: человек рассматривался в своей соотнесенности с модусами бытия; бытие представало как пространство реализованной человеком субъектности»³⁰⁸. Таким образом понятие «субъект» становится объединяющим все стороны бытия человека в неразрывное единство. Личное бытие всегда является субъективным образованием, т. е. принадлежит субъекту и является результатом того отношения, в которое «... вступает с объективной сущностью бытия конкретного человека»³⁰⁹.

Таким образом, субъектно-бытийный подход к личности открывает возможности новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым личность выступает в качестве субъекта. Одним из таких направлений можно назвать сферу межличностных отношений личности, выступающую как одно из пространств бытийности. Личность стремится организовать это пространство в соответствии со структурой определенных личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве межличностных отношений.

Заметим, что в современной психологии существуют разногласия относительно дифференцированности понятий субъект и личность. А.В. Брушлинский считает, что субъект всегда является личностью, но не сводим к ней. З.И. Рябикина полагает, что субъектность может быть доличностной, личностной, внеличностной, а личность в различных пространствах своего бытия в разной степени способна реализовать субъектную позицию³¹⁰. Е.А. Сергиенко предлагает следующее концептуальное различие, которого мы также будем придерживаться в своей работе. «Личность – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительского звеньев. Личность задает направление движения, а субъект – конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека»³¹¹. В этом случае носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах – субъект. Тогда человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума «субъект – личность». Человек стремится сохранить свою целостность как

³⁰⁷ Субъект, личность и психология человеческого бытия/Под. ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, М., 2005. С.29.

³⁰⁸ Рябикина З. И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающихся личность противоречий// Психологический журнал. Т.29, №2, 2008. - С.83.

³⁰⁹ Там же, С.83.

³¹⁰ Рябикина, Личность и бытие: субъектный подход/ Мат. науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского/ Под. ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во ИПРАН, 2008. С.51.

³¹¹ Сергиенко Е. А. Развитие идей психологии субъекта А. В. Брушлинского: системно-субъектный подход//Личность и бытие: субъектный подход/ Мат. науч. конф., посвященной 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского/ Под. ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во ИПРАН, 2008. - С.57.

субъекта и личности и делать то, что соответствует его жизненным смыслам и его собственной субъектности. «Показателем синхронности, а точнее гармонии, соответствия в континууме личность – субъект может выступать спонтанность поведения человека. В этом случае психологическая зрелость – это континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта»³¹².

У субъекта могут быть разные уровни его организации и реализации. Субъектом собственного развития человек является всю жизнь, но степень задач развития на разных этапах человеческой жизни различна. Следовательно, требования к актуализации субъектности – личности как непрерывного континуума взаимодействия направляющих и реализующих тенденций человека будут связаны с их уровнями организации и степенью согласованности, обстоятельствами жизни. Субъектом деятельности человек также остается всю жизнь, но уровни реализации деятельности в разные периоды онтогенеза существенно отличаются. Если для маленького ребенка – это простые формы активности и простейшие способы индивидуальной деятельности, которые опираются на соответствующие уровни его психической организации, то для молодого человека – это задачи реализации себя как субъекта профессиональной и бытийной деятельности. Субъектом жизни человек выступает всю свою жизнь. Но задачи жизни, бытия, их смысл, значение по-разному осознаются и означиваются на разных этапах человеческой жизни. На разных уровнях метасубъектности разные ипостаси субъектности человека тесно переплетены и взаимозависимы, но их относительное значение и удельный вес в общей составляющей меняется на разных этапах жизни.

При рассмотрении личности как субъекта, который создает реальность своего бытия, необходимо отметить некоторую особенность: в процессе объективации своего замысла личность всегда сталкивается с сопротивлением бытия других людей, воплощающих свои смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий и в то же время. Но не всегда бытие Других характеризуется в качестве препятствия на пути развития личности. Определенным образом организованные пространства бытия Другого могут быть и поддерживающим ресурсом. Важно то, подчеркивал С.Л. Рубинштейн, что «другой человек со своими действиями входит в «онтологию» человеческого бытия, составляет необходимый компонент человеческого бытия»³¹³. Бытие с Другим, или со-бытие, следует отнести к таким средовым обстоятельствам, в которых личность пытается состояться во всей полноте своего потенциала, расширить свое бытие. В обстоятельствах со-бытия с Другим она пытается объективировать субъективный мир, претворив его в предметно-пространственной среде общего жилища, в организации времени совместной жизни и т. д.

Таким образом, Другой (ответственный взрослый) играет монопольную роль в развитии психики ребенка и становлении субъектности, выступая в качестве непосредственного источника бытийных смыслов и носителя идеальной

---

³¹² Там же, С.58.

³¹³ Цит. по Гусельцева М. С. Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М., 2007. - С. 379.

формы развития, способствуя обогащению возможностей ребенка и активизации его потенциалов. Другой является «зеркалом», «мерилом», транслятором ценностей и позиционируется не только как условие существования и полноценного развития, но и как базовое основание гоминизации. На каждом этапе своего развития субъект выступает носителем системных психических явлений, раскрывающихся в его взаимодействиях с миром и Другими, а субъектность постепенно становится системообразующим фактором формирования сложной многоуровневой психической организации человека.

Итак, на основе проведенного теоретического анализа роли и значения взаимодействий личности с различными Другими констатируется, что существует различие между пространством реальных взаимодействий личности с Другим, представленным субъектом деятельности, общения и отношений, и пространством личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» по ряду оснований: временной и пространственной локализации – реальные взаимодействия имеют место в определенном ситуационном контексте и происходят в режиме «здесь-и-сейчас», тогда как личностные репрезентации взаимодействия могут актуализироваться в любом хронотопе; по степени социальной регламентированности – реальные взаимодействия заданы социальными ролями, нормами и конвенциями группы или культуры, к которой принадлежит личность, а личностные репрезентации характеризуются меньшей социальной табуированностью; по уровням обобщенности и опосредованности социальным опытом – личностные репрезентации более конкретны и менее обобщены по сравнению с реальными взаимодействиями реальной личности с реальными Другими как представителями реальных групп, реального общества, находящегося на определенном этапе своего развития.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите три направления в философии, в рамках которых проблематизируется понятие «Другой».
2. Как интерпретируется Другой в контексте социологического дискурса (Г.Зиммель, А.Шюц, Р.Сеннет)?
3. Как влияют межличностные отношения на формирование образа Я и образа Другого?
4. Дайте определение межличностным отношениям.
5. Назовите основные психосоциальные кризисы, обозначенные Э.Эриксоном, и укажите роль Другого в их генезисе.
6. В чем новизна подхода Р.Д. Лэнгу относительно роли Другого в развитии личности и становлении ее субъектности?
7. Назовите основные положения концепции Г.С.Салливана.
8. Какова роль значимого Другого для формирования идентичности личности?

9. Как Вы понимаете классификацию отношений В.Н.Мясищева: Я – среда, Я – Другой, Я – не-Я?
10. Что представляет собой модель развития жизненных отношений Е.Б.Старовойтенко?
11. Чем различаются понятия «Я» и «Я-концепция» по К.Роджерсу?
12. Какие эго-состояния выделяет Э.Берн?
13. Назовите 4 основных фактора модели для подражания Н.Пезешкиана и укажите, какие базовые концепции первичной социализации формируются на их основе.
14. Какие психоаналитические теории анализируют роль Другого для психической жизни личности?
15. В чем суть стадии зеркала, предложенной Ж.Лаканом?
16. Назовите основные положения теории объектных отношений.
17. Как понимается роль Другого в рамках интеракционистского подхода?
18. Какова роль Другого в развитии субъектности и формирования ценностно-смысловой регуляции личности?
19. Назовите основные теоретические положения психологии субъекта А.В. Брушлинского.

Творческие задания

Задание 1. Заполните таблицу 1, дифференцируя близкие, но различающиеся понятия.

Табл. 1.

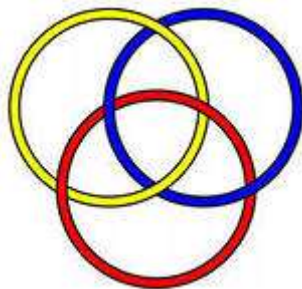
Глоссарий

Термин	Содержание
Я	
Я-образ	
Я-познающее	
Я-познаваемое	
Я-реальное	
Я-идеальное	
Телесный образ Я	
Динамическое Я	
Фальшивое Я	
Экологическое Я	
Я-интерперсональное	
Я-концепция	
Ты-концепция	
Мы-концепция	

Пра-концепция	
Самосознание	

Задание 2.

Основной конструкцией структурного психоанализа Ж. Лакана является триада: реальное – воображаемое – символическое, которая, по его мнению, репрезентирует основные измерения существования человека. Графически аналитическая триада представлялась им в виде математической модели «колец Борромео», которые имеют целостную конфигурацию и соединены между собой таким образом, что размыкание одного из колец приводит к распаду всей конструкции.

Какие качества триада: реальное – воображаемое – символическое репрезентирует эта модель?

Задание 3. Заполните таблицу 2 по теме «Роль Другого в развитии субъектности и формировании ценностно-смысловой регуляции личности».

Табл. 2

Термин	Автор	Содержание
Интериоризация	Л.С.Выготский	
Смыслообраз действительности	А.В.Запорожец	
Совокупное действие	Д.Б.Эльконин	
Субъект сознания и действия	С.Л.Рубинштейн	
Бытийная общность	В.И.Слободчиков	
Пространства бытийности	З.И.Рябикина	

Задание 4. Учитывая предложенные критерии, сравните понятия «реальные взаимодействия личности с Другим» и «репрезентации взаимодействия с Другим».

Таблица 3

Сравнительный анализ

Критерий	Реальные взаимодействия	Репрезентации взаимодействия
Временная локализация		
Пространственная локализация		
Степень социальной регламентированности		
Уровень обобщенности		
Опосредованность социальным опытом		

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «Я – ДРУГОЙ»

Формулируются основные положения социально-психологической концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», которая опирается на субъектный, диалогический, интересубъектный и когнитивный подходы к исследованию личности и ее взаимодействий.

Предложенная концепция личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» включает в себя теоретико-методологические основания их исследования, раскрывает роль и значение личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» для становления и развития личности, ее успешной социализации (параграф 3.1). В параграфе 3.2. представлен анализ личностных репрезентаций взаимодействия «Я – ингрупповой Другой» и «Я – аутгрупповой Другой» в социально-экзистенциальной сфере интересубъективного пространства личности. В параграфе 3.3. показана роль личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», расположенных в социально-экзистенциальной плоскости интересубъективного пространства, в преодолении личностью последствий травматического стресса. В параграфе 3.4. дается характеристика личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой в художественной реальности», локализованных в экзистенциально-культурной сфере интересубъективного пространства личности.

3.1. Основные положения концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой»

В современной отечественной психологии наметилась тенденция к пересмотру некоторых традиционных психологических проблем в ином методологическом ключе и указывается на необходимость своеобразного парадигмального сдвига в системе ориентаций (Л.И. Анцыферова, А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, В.П. Зинченко, П.А. Мясоед, А.А. Пузырей, В.И. Слободчиков, Е.Е. Соколова, А.В. Сурмава, А.В. Юревич). Л.И. Анцыферова пишет: «В нашей психологии я не видела реальную личность, живого человека. Я видела некоторые разрозненные функции человека, отдельные процессы, но не было целостной личности – как она реально живет, строит свой жизненный путь, как ей трудно, какими способами она преодолевает трудности, как ей можно помочь в этом, каков вообще ее внутренний мир»³¹⁴. Мы присоединяемся к мнению Л.И. Анцыферовой, согласно которому фундаментальные теоретико-эмпирические исследования должны строиться «на изучении всей полноты реальной жизни личности, тех жизненных отношений человека, которые образуют ткань его целостного жизненного пути», а значит необходимо изучать со-

³¹⁴ Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М. 1981.

держание и механизмы работы внутреннего пространства личности, которые реально обеспечивают ее становление и развитие, эффективную социализацию и овладение социокультурными достижениями, субъективное благополучие и комфортное существование.

Анализируя роль Другого в развитии субъектности и формировании ценностно-смысловой регуляции личности (параграф 2.4.), были показаны преимущества и перспективы субъектного подхода к исследованию личности (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, В.И. Моросанова, С.Л. Рубинштейн, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко и др.). В рамках субъектного подхода личность выступает «не как набор объективных характеристик в пространстве диагностических показателей, а как носитель определенной картины мира, как некоторый микрокосм индивидуальных значений и смыслов» (В.Ф. Петренко), что позволяет человеку стать хозяином собственной судьбы (В.Э. Чудновский), «дела делателем» (А.В. Брушлинский), превратить собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования и быть (становиться) действительным субъектом (автором, хозяином, распорядителем) собственной жизни (В.И. Слободчиков).

В формате субъектного подхода С.К. Нартова-Бочавер развивает идею суверенности психологического пространства личности, модифицируя субъектный подход в субъектно-средовой. Психологическое пространство личности, понимается как субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека, включающий комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми личность себя отождествляет и которые, приобретая для нее личностный смысл, начинают охраняться всеми доступными ей физическими и психологическими средствами. Автор отмечает, что психологическое пространство личности развивается в онтогенезе посредством переноса его границ и появления новых измерений в рамках уже существующих как становление личностной суверенности, которая представляет собой одну из форм субъектности. Суверенность отражает обобщенный опыт конструктивной автономности личности, чувство авторства по отношению к жизненному пути и проявляется как способность защищать, контролировать и развивать собственное психологическое пространство. В фокусе нашего исследовательского интереса будет находиться не просто человек как субъект познания, деятельности, общения, переживания, но и как «думающий» субъект, познающий свою самость, постигающий свою индивидуальность, конструирующий на основе внутреннего опыта собственное интрапсихическое пространство, которое, по сути, является особым измерением бытия, характерным только для данной конкретной личности.

При этом не стоит забывать, что человек живет в системе реально-практических, живых связей с другими людьми: «нигде и никогда мы не увидим человека до и вне его связей с другими – он всегда существует и становит-

ся в сообществе и через сообщество»³¹⁵. Следовательно, при рассмотрении личности как субъекта, который создает реальность своего бытия, необходимо отметить некоторую особенность: в процессе объективации своего замысла личность всегда сталкивается с сопротивлением бытия других людей, воплощающих свои смыслы, создающих свое личное бытие в том же пространстве и времени³¹⁶. Важно то, подчеркивал С.Л. Рубинштейн, что «другой человек со своими действиями входит в «онтологию» человеческого бытия, составляет необходимый компонент человеческого бытия»³¹⁷. Бытие с Другим, или со-бытие, следует отнести к таким средовым обстоятельствам, в которых человек пытается состояться во всей полноте своего потенциала, расширить свое бытие. В обстоятельствах со-бытия с Другим он пытается объективировать свой субъективный мир, претворив его в предметно-пространственной среде общего жилища, в организации времени совместной жизни и т. д. При этом для того чтобы обрести подлинную идентичность, личность должна быть открыта Другим и миру, иметь возможность коммуницировать с ним, обретать новые смыслы или вносить их туда, тем самым, обогащая и себя, и мир.

В связи с этим еще одной методологической опорой концепции выступает диалогический подход (М.М. Бахтин, М. Бубер, С.Л. Франк, Г. Херманс, Ф. Эбнер), основанный на понимании диалога как особого вида взаимодействия и способа смыслообразования, который характеризуется следующими особенностями: равноправием и симметричностью диалоговых позиций, плюрализмом мнений и открытостью; формированием общего коммуникативного пространства, связанного с интеграцией Я и Другого, поскольку смыслы конструируются в дискурсе сознаний; актуализацией определенных отношений; возможностью проникновения в личность Другого и узнавания иного опыта; одновременным объединением и разделением партнеров по коммуникации, сохранением уникальности Другого и собственной инаковости; достижением динамического согласия в одномоментном проживании реальности; обогащением в плане духовного роста и готовностью к самопреобразованию.

Следовательно, личность только в диалоге с Другим обретает истинное бытие и осознает собственную индивидуальность. Другой оказывается необходимым для существования, самопознания и самопонимания личности, открывая новые возможности, альтернативные модели мышления, недоступные индивидуальному субъекту.

Диалогический подход тесно связан с интерсубъектным подходом к изучению различных видов коммуникативного воздействия, автором которого является А.У. Хараш. По его мнению, любое коммуникативное воздействие носит двунаправленный характер. С одной стороны, оно монологично, поскольку направлено «в чужое сознание», усматривает в нем свой объект и несет в себе

³¹⁵ Слободчиков В.И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования //Ученые записки Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского Серия Психология. Педагогика. 2010. №2. - С.3-8.

³¹⁶ Рябикова З.И., Танасов Г.Г. Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с другими (конструктивная версия постмодернистских «настроений»// Человек. Сообщество. Управление. №2, 2010.

³¹⁷ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер, 2003. - С.379.

отношение коммуникатора к содержанию этого чужого сознания. С другой стороны, оно персонифицировано и диалогично, т.к. выражает личностную позицию коммуникатора относительно предмета, ведет к встрече этой позиции с личностной позицией реципиента и несет в себе тем самым *обращение* к чужому сознанию, к личности реципиента, т.е. внутренне-смысловое личностное обращение. Соответственно, взаимодействие разворачивается сразу в двух плоскостях, диалогической и монологической, и специфика общения и коммуникативного воздействия, их психологические механизмы, лежит не в какой-то одной из них, а в их взаимодействии.

А.У. Хараш пишет: «Сознаваемое человеком *отношение* его к другому человеку, доступное как открытому выражению, так и сокрытию, — это не что иное, как его *латентное* («мысленное») *обращение* с этим другим человеком, строящееся все по той же модели монологического коммуницирования; именно благодаря наличию в моем сознании отношения к другому человеку я сохраняю за собой *свободу монолога* — воображаемого (и тем самым подчас иллюзорного) обращения с ним. Отношение к человеку — это интересубъектное условие диалога и его твердый продукт, в то время как обращение к человеку — это сам интересубъектный процесс диалога, «живое тело» межличностного общения»³¹⁸. Он считает, что изучение личности часто осуществляется под знаком «нераспознанного диалога», «общения без обращения», без учета субъект-субъектной природы межличностных взаимодействий, тогда как для адекватного и всестороннего изучения личности как субъекта социальных отношений, для изучения механизмов групповой интеграции и дифференциации необходимо исследование диалогического пласта межличностных взаимодействий. А.А. Бодалев отмечает: «Часто не осознается, что от собственного поведения, от нашей воспитанности в большой мере зависит характер поведения тех людей, с которыми нам приходится вместе работать, отдыхать, жить, а значит, от нас самих зависит характер наших переживаний, возникающих при общении с людьми, и те оценки, которые мы этим людям даем»³¹⁹. Всякое содержание, вносимое в сознание, прежде чем стать имманентной частицей личности реципиента, *обсуждается* в нем, хочет того коммуникатор или нет (А.У. Хараш).

Отметим, что самым главным в каждом из указанных направлений является перемещение возможной интерпретации действий конкретной личности из индивидуальной сферы в сферу социального взаимодействия. Именно это и позволяет личности не просто познавать, но и постигать смысл окружающего социального мира, чем подчеркивается такая важнейшая черта социально-познавательного процесса как неразрывная связь получения знания о мире и осмысления его.

Таким образом, рефлексия исходных методологических оснований позволяет обозначить логику исследовательской программы: возможность и необхо-

³¹⁸ Хараш А.У. Личность, сознание и общение: к обоснованию интересубъективного подхода в исследовании коммуникативных воздействий // Психолого-педагогические проблемы общения / Под ред. А. А. Бодалева. М.: НИИ ОПП АПН СССР. 1979. С. 17 — 35. С.18.

³¹⁹ Бодалев А.А. Психология общения. Москва: изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: МОДЭК, 1996. — 256с.

димось изучения не просто активной, действующей личности как субъекта познания, деятельности, общения, переживания, жизни, находящегося на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности, где он предельно индивидуализирован и проявляет особенности своей мотивации, способностей, психической организации (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, В.И. Моросанова, С.Л. Рубинштейн, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко и др.), связанного непосредственно и опосредованно с другими субъектами через систему внутренне-смысловых обращений человека с человеком (А.У. Хараш), а субъекта, конструирующего на основе межличностного взаимодействия, собственную субъективность (В.И. Слободчиков) в соответствии со структурой определенных личностных смыслов, реализуя потребность в аутентичном бытии в пространстве межличностных отношений (З.И. Рябикина). Взаимодействие при этом включает отношение к себе и Другому и опосредовано личностно-смысловыми образованиями.

С одной стороны личностно-смысловые образования включают в себя когнитивную, аффективную и регулятивную составляющие, которые связаны с процессами социального познания личностью окружающего мира и себя в этом мире. Когнитивный компонент представляет собой знания и обобщения, интерпретации и выводы, которые делает личность по поводу разного рода объектов и субъектов, на их основе создается определенная внутренняя ментальная карта, оказывающая влияние на характер межличностных отношений и взаимодействий в той или иной ситуации. Аффективный компонент обусловлен личностными значениями и смыслами, определяя ценностные ориентиры личности, ее субъективные шкалы сравнения и оценивания. Регулятивный компонент личностно-смысловых образований базируется на динамических и волевых особенностях личности.

С другой стороны, личностно-смысловые образования связаны с процессами самоопределения и социализации личности, ее социальным становлением как активного субъекта, включенного в определенный социокультурный контекст, вступающего в различного рода взаимоотношения и взаимодействия с другой личностью, малой группой, большой группой, обществом.

В связи с этим мы считаем правомерным введение понятия «личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой», понимая под ними сконструированные личностью представления о взаимодействии с Другим, включающие сложно-организованную систему вербальных и образных значений, выступающие предикторами последующих взаимодействий, межличностных отношений и социального становления личности. С нашей точки зрения, данное понятие в отличие от существующих в социальной психологии понятий «социальное представление», «социально-перцептивный эталон», «социальный аттитюд», «социальный стереотип», проанализированных в рамках первой темы, подчеркивает не только активность личности в конструировании репрезентаций взаимодействия, но и активность Другого как партнера по интеракции, способного трансформировать и модифицировать сформировавшиеся значения и смыслы межличностных взаимодействий.

Репрезентации взаимодействия конструируются личностью на основе знаний, имеющихся в памяти, с помощью суждений о субъектах взаимодействия и приписывания им определенных свойств, качеств и характеристик, а также через процедуры сравнения и оценивания, которые способствуют сопоставлению реализуемых личностью действий в той или иной ситуации с требованиями поставленных ею задач. Следовательно, значения и смыслы, которые атрибутируются личностью субъектам взаимодействия, являются значениями и смыслами, которые она создает в большей степени посредством прошлого опыта, чем посредством перцептивных процессов. Это подчеркивает решающую роль «контекста», поскольку все, что личность воспринимает и понимает, помещено для нее в определенные рамки значений, подвергается своего рода «априорному означиванию», позволяя обрабатывать информацию тем или иным способом.

Вместе с тем говоря о конструировании личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», необходимо учитывать не только внешний, ситуационный контекст, связанный с поступающей извне информацией, и внутренний контекст, заданный имеющейся у личности системой знаний, значений и смыслов, но и более широкий социокультурный контекст, т.к. способы конструирования личностных репрезентаций формируются в ходе процесса социализации личности, основываются на ее способности выйти за пределы собственного «Я», навстречу Другому как активному субъекту взаимодействия.

В соответствии с этим личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» конструируются посредством как личностных механизмов реорганизации опыта, так и социально-психологических механизмов формирования репрезентаций.

К личностным механизмам относятся:

- категоризация (социальная категоризация), понимаемая как упорядоченная отнесенность образа того или иного субъекта взаимодействия к некоторому обобщенному классу или социальной категории;
- дифференциация, подразумевающая выделение качественных существенных различий образов субъектов взаимодействия, посредством которых конституируется их автономность и самобытность;
- трансформация, акцентирующая внимание на активном изменении личностных репрезентаций под воздействием реальных или символических взаимодействий, а также конкретной ситуации, в рамках которой осуществляется та или иная интеракция;
- антиципация, связанная с предвосхищением, предугадыванием результатов взаимодействия с Другими, их ожиданием, выступающая источником и средством обратной связи;
- селекция информации, определяющая отбор значимой релевантной информации о взаимодействии личности с Другими и опосредуемая потребностями, мотивами, субъективными отношениями, интересами и ценностями личности;

- перевод информации из одной модальности в другую, обусловленный тем, что существуют различные формы репрезентации – сенсомоторная, образная, словесная, символическая, которые взаимодействуют и взаимодополняют друг друга.

Среди социально-психологических механизмов формирования личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» отметим следующие:

- копирование, предполагающее воспроизводство личностью того, что делает конкретный, как правило авторитетный, значимый для личности Другой (реальный или виртуальный), этот механизм проявляется в принятии, заимствовании и воспроизведении внешних (поведенческих) или внутренних (психологических) особенностей других людей или принятии и воспроизведении норм, выработанных группой, в которую личность включена;
- рефлексия выступает в форме осознания личностью того, как она в действительности воспринимается и оценивается другими участниками интеракции. Рефлексия — это не просто знание или понимание субъектом самого себя, но и выяснение того, как другие понимают «рефлектирующего», его личностные и поведенческие особенности, эмоциональные реакции и когнитивные представления, т.е. это процесс удвоенного, зеркального взаимоотображения субъектами друг друга, содержанием которого является воспроизведение, воссоздание специфических особенностей друг друга;
- интернализация – механизм включение внешних оценок во внутренний план личности, их присвоение и ассимиляция, в результате чего внешние оценки становятся внутренними регуляторами поведения личности, т.е. с помощью интернализации взаимоотношения личности с реальными или воображаемыми Другими преобразуются во внутренние представления и структуры, становясь полноценными функциональными частями субъекта, конкурентоспособными наряду с другими элементами, в результате чего фиксируется и сохраняется индивидуальный и культурный опыт личности;
- стереотипизация – механизм взаимопонимания, основанный на классификации форм поведения Другого и интерпретации их причин путем отнесения к уже известным или кажущимся известными категориям или социальным стереотипам. Благодаря этому механизму Другому атрибутируются черты всей группы без достаточного осознания возможных различий между членами группы, т.е. приписываются определенные характеристики, исходя из группового членства. Этот механизм обеспечивает схематизированность и аффективную окрашенность репрезентаций взаимодействия.

Выявленные механизмы позволяют определить динамику изменений личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Во-первых, эта динамика обусловлена переходом от единичных репрезентаций, сконструированных личностью на основе ее взаимодействий с конкретными, персонифициро-

ванными Другими в определенных ситуациях интеракции, к особенным и инвариантным репрезентациям, включающим в себя обобщенные, абстрактные или символические значения. Во-вторых, она связана с образованием устойчивых связей и констелляций между различными репрезентациями, сформированными личностью в разных контекстах, а также с появлением новых репрезентаций и встраиванием их в уже имеющуюся систему личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой».

На основании анализа механизмов формирования личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» и динамики их изменений можно выделить социально-психологические факторы, детерминирующие специфику репрезентаций взаимодействия личности с Другими. К ним относятся: включенность личности в социо-культурный контекст как результат присвоения ею правил и конвенций, этических норм и культурных кодов, принятых в том или ином групповом сообществе, и определяющих полноту существования конкретной личности; ее социально-психологические особенности, обеспечивающие социальную перцепцию и межличностное оценивание, свойства, связанные с социальным поведением и позицией личности: социальная активность, ответственность, «перцептивная способность» (В.А. Лабунская), «способность к эмоциональному отклику» (А.А. Бодалев), «общая способность к оценке другого» (Г. Олпорт), склонность к сотрудничеству, формируемые во взаимодействии с членами группы; интегрированность личности в группу, подразумевающая ее включенность и вовлеченность в совместную групповую деятельность, обеспечивающие согласованность представлений, ориентаций, позиций, мнений членов группы по значимым для групповой жизнедеятельности направлениям, обладающим статусом «групповой ценности», а также обуславливающие эмоциональную идентификацию с группой и формирование чувства «Мы».

Мы полагаем, что правомерно введение понятия «интерсубъективное пространство личности», содержательными элементами которого выступают личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой». Введение этого понятия в отличие от общепринятых научных представлений о социальном пространстве (П. Бурдьё, В.И. Ильин, Ю.Л. Качанов, П.А. Сорокин, А.Ф. Филиппов, Т.И. Черняева), жизненном пространстве и жизненном мире (Л.И. Анцыферова, Ф.Е. Василюк, Э. Гуссерль, Дж. Келли, К. Левин, В.Б. Устьянцев), психологическом пространстве личности (С.К. Нартова-Бочавер), социально-психологическом пространстве (Ю.М. Забродин, А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко) сдвигает фокус исследовательского интереса не просто на изучение пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности, реальности и действительности мира³²⁰, но и на механизмы работы внутреннего пространства личности, связанного с личной историей³²¹.

³²⁰ Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания: проблема ценностей и смысла в призме транспективного анализа // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 47.

³²¹ McAdams D.P. The stories we live by: Personal myths and the making of the self. New York: William Morrow, 1993; Макадамс Д.П. Психология жизненных историй: пер. с англ. // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 3. С. 135–166.

Проведенный теоретический анализ концепций и парадигм, в которых взаимоотношения «Я – Другой» специально тематизируется и проблематизируется (тема 2), выявил, что при взаимодействия «Я» и «Другого» «Другой» может выступать в различных, но вместе с тем взаимосвязанных модусах. Во-первых, Другой позиционируется как конкретный субъект, маркирующий видимую границу «Я – не Я», при этом ни «Я», ни «Другой» не существуют вне этого отношения, однако смысл Другого представляет собой результат аппрециации и обусловлен доминантностью взгляда «Я». «Другой» в этом случае рассматривается как гарант «Я», поскольку все участники социальных взаимодействий имеют значение Другого, обусловлены Другим и являются значащими для Другого. Во-вторых, «Другой» репрезентирует часть «Я», поскольку каждая личность представляет собой «голоса» Других (М.Бахтин, К.Герген), их «вклады» (В.А.Петровский) в интрапсихический мир личности. В третьих, Другой предстает как репрезентант культуры и безликий носитель символического, задающий определенную модель бытия, которая усваивается на бессознательном уровне, при этом сама личность позиционируется как функция, заданная Другими, а ее сознание наполнено внешними ей культурными формами. В этом случае Другой позволяет расширить перспективы субъективного видения, поколебать эксклюзивность собственного взгляда, «Я» и «Другой» не столько сравниваются, сколько задают и обуславливают друг друга.

Мы полагаем, что все многообразие личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» можно дифференцировать по таким взаимосвязанным контекстам как *культура, общность и личность*. Коротко охарактеризуем каждый из них.

Культура представляет собой конгломерат социальной информации, сохраняемый и накапливаемый в обществе с помощью создаваемых людьми знаковых средств (А.С. Кармин, Ю.М. Лотман, Д. Мацумото). К.Клакхон пишет: «Культура постоянно регулирует нашу жизнь. С момента нашего рождения и до самой смерти, сознаем мы это или нет, на нас оказывается постоянное давление, принуждающее нас принимать определенные типы поведения, выработанные другими людьми. Одни пути мы выбираем по собственной воле, на другие вступаем потому, что не знаем иных, от третьих мы отклоняемся или возвращаемся к ним совершенно невольно...»³²². Помимо регулирующей культура выполняет достаточно много разнообразных функций (креативная, адаптивная, коммуникативная, социализирующая и т.д.), в контексте данной работы коротко остановимся на социализирующей функции культуры. Культура выступает одним из институтов социализации, и именно благодаря ей человек обретает свой подлинный облик – как личность – и собственно человеческое измерение. В.И. Слободчиков пишет: «Личностное бытие представляет собой ответственное принятие и следование высшим образцам совокупной человеческой культуры; переживание нравственных норм общежития как внутреннего «категорического императива»; усвоение высших ценностей родового бытия человека

---

³²² Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию: пер. с англ. СПб.: Евразия, 1998. С.49.

как своих собственных»³²³. Социальные институты оказывают комплексное воздействие на личность индивида — когнитивную, эмоциональную, поведенческую и собственно личностную подструктуры. В отношении когнитивной подструктуры осуществляется передача информации, включающей «послания» общества к личности, какой она должна быть, информация о самой личности, ее актуальном содержании, что большей частью основано на «экстраполировании» свойств личности и соответствующего поведения в зависимости от общей направленности института, и она достаточно представлена в самосознании самой личности. Воздействие на эмоциональную подструктуру выражается в чувственном отражении как самой личности, так и общей психологической атмосферы, в которой она существует; влияние на поведенческую подструктуру связано с теми реальными изменениями поведения сообщества, которые происходят в ответ на формы существования личности, ее субъектное положение в группе и соответствующее поведение самой личности; воздействие на собственно личностную подструктуру характеризуется ценностным отношением к ней социума, соответствием отношения личности к группе и обратного процесса и в итоге — самоотношением.

Содержание культуры может быть схематично представлено в виде двух составляющих — аксиологической, связанной с совершенствованием духовной жизни и нравственности общества, и антропологической, имеющей отношение к реально существующему и исторически изменяющемуся образу жизни людей, специфика которого обусловлена достигнутым уровнем развития науки, искусства, воспитания, образования.

Общность рассматривается как относительно устойчивая совокупность людей, связанных родством, психологической близостью, вступающих в те или иные отношения, опираясь на общую ценностно-смысловую основу.

В социальной психологии существуют разные типологии групп, сконструированные по различным классификационным основаниям. С точки зрения самокатегоризации, т.е. отнесения человеком самого себя к той или иной группе, переживание определенных состояний в связи с этим и выстраивание специфических отношений с Другими, широко принятыми являются две из них. Общая и часто применяемая классификация, предполагает дифференциацию по критерию принадлежности к группе — ингруппы и аутгруппы³²⁴, а более детализированная основана на «максимальной групповой парадигме» и репрезентирует максимальные и минимальные Мы-группы и максимальные и минимальные не-Мы группы³²⁵. Стоит заметить, что несмотря на высокий объяснительный и интерпретационный потенциал указанных бинарных пар, в них априорно заложена идея асимметричности и противопоставления: аутгруппы или не-Мы группы всегда негативно маркируются, по отношению к ним актуализируются

³²³ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 6. - С. 3–17.

³²⁴ Бэрн Р. Социальная психология: ключевые идеи / Р. Бэрн, Д. Бирн, Б. Джонсон. — СПб., 2003; Ойстер, К. Социальная психология групп / К. Ойстер. — СПб., 2004; Тейлор, Ш. Социальная психология / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс. — СПб., 2004; Тернер Дж. Социальное влияние. СПб: Питер, 2003.

³²⁵ Абрамов В.В. Об одном из подходов к исследованию межгрупповых отношений и эффектов // Мир психологии, 2008. №3.

отрицательные эмоциональные состояния, при их оценивании преобладают однозначные и категоричные суждения, при социальном сравнении с ними формируются агрессивные и враждебные установки.

Обратим внимание на важный для нашего анализа момент – каждая из выделенных групп может рассматриваться двояко:

- как личностная репрезентация, включающая в себя когнитивный, аффективный и коннотативный компоненты,
- как социальная категория, т.е. как реально существующая общность людей, взаимодействующая с личностью в контексте интересубъектных отношений Я – Другой.

Ингруппа как когнитивно-аффективный конструкт представляет собой «социальную сцепленность индивидов» (Дж.Тернер), она, в основном, образованна близкими, понятными, интересными и значимыми для конкретного субъекта людьми, связанными определенными социальными отношениями и/или разделяющими сходные интересы и установки. Как правило, между членами этой группы устанавливаются определенные эмоциональные взаимоотношения, существует разделение ролей, возникают взаимозависимость, солидарность и единство даже вне контекста совместных действий, вырабатываются общие нормы и формируется специфическая групповая культура. Но самым главным помимо встречи и соприсутствия «Я» и «Ты» является наличие общего поля смысла. В философии это подразумеваемое смысловое поле называется «*интенциональным референтом*», а в рамках экзистенциального анализа В. Франкл назвал его «*логосом*», т.е. общим психологическим опытом людей, делающий возможным истинно близкое общение³²⁶. Следовательно, можно говорить о том, что ингруппа характеризуется общностью биографического, психологического и духовного опыта.

Ингруппа – это позитивная референтная группа, выполняющая такие функции самореферентности как функция сравнения и нормативная функция, т.е. это субъективно привлекательная группа, с которой личность психологически сравнивает себя в плане самооценки или социальных ценностей³²⁷. Доминантные нормы этой группы личность принимает безусловно, воспринимая их «как если бы они были независимой, внешней реальностью»³²⁸. Значит, для субъекта ингруппа выступает в качестве основной группы, которая определяет нормативную и ценностную систему координат и задает смысловые горизонты.

Если говорить о реально существующих группах, то одним из конституирующих факторов групповой принадлежности, на наш взгляд, будет являться топологический, пространственный фактор, а именно, место, на котором исторически существует группа. Место обуславливает «прикрепленность» и «закрепленность» за той или иной группой определенной территории. Территориальность связана с формированием специфического отношения к конкретному месту, установлением определенных норм, правил поведения на этом месте,

³²⁶ Франкл В. Человек в поисках смысла. М, 1990.

³²⁷ Тернер Дж. Социальное влияние. СПб: Питер, 2003. - С.20.

³²⁸ Там же, С.17.

осуществлением контроля над ним. Важность исторического «места» группы (особенно этнической) так велика, что субъект часто воспринимает такие места как части самого себя. Именно территориальность лежит в основе самоидентификации и идентификации с группой, помогая определить, кто «Я», кто «Мы», и является средством организации социальных взаимоотношений. Основными психологическими механизмами при этом выступают саморефлексия и самокатегоризация, благодаря которым и формируется чувство «Мы» и образ «Мы».

Аутгруппой является любая социальная группа, к которой не принадлежит та или иная личность. При этом согласимся с мнением А.В.Шипилова, что наиболее понятное различие оппозиций «мы – они» и «свои – чужие» заключается в позиции наблюдателя: в первом случае он, безусловно, отождествляет себя с группой, в другом помещает себя несколько в иной плоскости, переводя противопоставление в сопоставление³²⁹.

Личность определяется нами как субъект социальных отношений, предельно адресованный и открытый Другому.

Таким образом, все многообразие личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» может быть сведено к трем основным типам: «Я – Другой в социуме (реальный Другой)», «Я – Другой в культуре (символический Другой)» и «Я – Другой как часть Я (персонализированный Другой)».

Конструирование репрезентаций взаимодействия в различных контекстах (культура, социум, личность) способствует тому, что сферы интересубъективного пространства приобретают эмерджентные свойства, взаимопроникая, обогащая друг друга, определяя новые контексты и тем самым изменяя реальные взаимодействия личности с другими. Так, например, опыт реальных взаимодействий влияет на восприятие художественных образов, позволяя проецировать свойства и качества реального Другого, его поведенческие особенности на понимание Другого в художественной реальности, и наоборот, реальному Другому атрибутируется ряд характеристик символического Другого, происходит «перенимание» от символического Другого сценариев, паттернов и способов совладания с жизненными ситуациями. Образы Другого, закрепленные, зафиксированные в культуре и транслируемые ею, выступают нравственным и этическим императивом в повседневных интеракциях, присваиваются личностью в процессе социализации, оказывая на нее персонализирующее воздействие, существенно изменяя систему личностных смыслов, ценностных стандартов и поведенческих сценариев.

Мы считаем, что выделенные типы «Я – Другой в социуме (реальный Другой)», «Я – Другой в культуре (символический Другой)» и «Я – Другой как часть Я (персонализированный Другой)» выступают в виде координатных осей пространства личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», образуя специфические сферы, в каждой из которых выявляется роль репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» в социальном становлении личности. Обратим внимание на следующий факт, связанный с новым подходом, реализуемым в современных когнитивных исследованиях при моделировании концептуальных

³²⁹ Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М.: «Прогресс-Традиция», 2008. – 257 с.

структур. Мы имеем в виду возможность представления знаний в пространствах с неевклидовой геометрией, предложенная Х. Риттером. Согласно этому подходу особенностью таких пространств «является экспоненциальный рост объема при увеличении дистанции от начальной точки. Это увеличение объема используется для размещения дополнительных репрезентаций, а также для увеличения размерности их связей³³⁰». Учитывая этот факт, построим модель интерсубъективного пространства личности (рис. 3.1).

Рис.3.1. Модель интерсубъективного пространства личности

Одна из самых важных задач, которую человек решает в своей жизни – задача стать отдельным и автономным субъектом собственной жизни, автором и актором своего жизненного проекта. Это означает, в первую очередь, что он, взаимодействия, коммуницируя, вступая в разного рода контакты и диалоги с другими людьми и продуктами их деятельности, в состоянии отделить себя от них и создать свои индивидуальные границы, которые помогут ему сформировать и сконструировать собственную личность, т.е. человеческая экзистенция связана с анализом и постижением границ своей личности, определением и утверждением ее идентичности, конструированием социальной реальности, в которой помимо «Я» существуют другие люди. Субъективная дифференциация личностью «Я» и «не Я», как правило, не представляет собой сложности для субъекта, при этом он определяет свое эмпирическое «Я» довольно рано (Е.А. Сергиенко) и только через взаимоотношение с Другим / Другими. Более того самоотношение личности также формируется через отношение к ней других

³³⁰ Цит. по Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания: в 2-х т. Т.2. М: Смысл, 2006. С.21.

субъектов взаимодействия (С.Л. Рубинштейн). Соответственно, если мы говорим о дифференциации и о пространстве, то еще одним ключевым понятием предлагаемой концепции является понятие граница. Распространенная типология границ, принятая в психологии, основана на дифференциации У. Джемса: физические границы, социальные границы и духовные границы, т.е. границы, отделяющие физическое «Я», социальное «Я» и духовное «Я»³³¹.

Физические границы – это человеческое тело и пределы персонального пространства. Они идентифицируются в контексте физической феноменологии (телесной и территориальной) и переживаются как реальная или воображаемая черта, отделяющая то, что принадлежит личности, что она контролирует и на что имеет право, от того, что ей не принадлежит, где ее контроль и права значительно ограничены или полностью исключены.

Социальные границы определяются местом, позицией, статусом личности в группе и связаны с ассимиляцией ей правил и норм той социальной группы, в которую она включена. По сути, социальные границы установлены и закреплены в правилах и конвенциях общества, оптимизируя процессы социализации и социальной адаптации личности. Демаркационные линии разграничивают разные уровни ответственности, обозначая, где кончается ответственность одного человека и начинается ответственность других. Социальные границы помогают личности не только понять, что принадлежит ей и что она может считать своим, но и осознать, за что она несет персональную ответственность перед собой и другими.

Духовные границы охватывают области убеждений, ценностей, интересов и выстраиваются на основе морально-нравственных, этических критериев. Когда нет четких духовных границ, окружение, включающее любых агентов (других людей, СМИ, виртуальных персонажей), легко может влиять на личность, навязывая ей свои убеждения, мнения, заставляя соответствовать своим ожиданиям, реализовывать чужие (иногда чуждые), а не собственные интенции, делать что-то, не согласующееся с моралью и этикой. Следует отметить ясность и простоту указанной типологии³³², согласно которой граница проходит там, где личность осознает и принимает степень своей ответственности и свободы, однако термин «граница» в ней используется скорее в описательном, метафорическом смысле, специально не обсуждаясь и не наполняясь психологическим содержанием.

В психоанализе (З. Фрейд, В. Бион, Д. Винникотт, М. Кляйн, М. Малер, В. Тауск, П. Федерн) границы «Я» выражают степень доступности сознанию внешних по отношению к нему воздействий. Соответственно существуют как внешние границы, которые располагаются между «Я» и остальным миром, выступая феноменологически в виде переживания «мое – не мое», так и внутренние границы «Я», которые разделяют сознание и бессознательное, препятствуя

³³¹ Джемс У. Психология // Под ред. Л.А.Петровской. М: Педагогика, 1991.

³³² Заметим, что существует и противоположная точка зрения, усматривающая логическое противоречие в таком описании природы границ, см., например, Ежов И.В. Сущность и границы «духовного Я» как субъекта духовно-нравственного самосознания личности// Мир психологии, 2008. №3. - С.75-87.

манифестации в сознании угрожающих элементов бессознательного и способствуя переживанию стабильности и непротиворечивости «Я» образа.

Одной из ключевых проблем аналитической психологии К.Г. Юнга является проблема парадоксального взаимоотношения индивидуальности и коллективности, которые связаны между собой посредством чувства вины. К.Г. Юнг указывает на то, что индивидуальность рождается через сопротивление коллективному функционированию, через выделение и отделение от него. Вместе с тем генезис индивидуальности не может происходить в отрыве от общества только посредством личных отношений, он требует психических связей с коллективным бессознательным. В свою очередь «развитие общества зависит от развития индивидуальности, и ее подавление в силу господства коллективных идеалов и общинных принципов является «моральным поражением для общества»³³³. Следовательно, по К.Г. Юнгу, существуют конфликты, с одной стороны, между индивидом и обществом – индивид должен приспособиться к нормам и правилам, выработанными и транслируемыми Другими, и реализовать собственные интенции, основанные на индивидуации, а, с другой стороны, обнаруживается противоречие между стремлением общества к сохранению установленного и принятого порядка и необходимостью его изменений, – оно вынуждено модифицироваться и трансформироваться, чтобы не вступить на путь регресса и стагнации. К.Г.Юнг полагает, что разрешение этих конфликтов и противоречий связано с компромиссами, как со стороны индивида, так и со стороны общества. Со стороны общества это означает существование некоторой зоны толерантности, минимальной терпимости к эскапизму, в границах которой допустимы разного рода отклонения и девиации. Что касается индивида, то, по К.Г. Юнгу, если он выбирает траекторию развития, заданную индивидуацией, отказываясь от конформистских интенций и подчиненности Другим, то он начинает испытывать чувство вины и актуализировать потребность в ее искуплении, для удовлетворения которой он должен предложить обществу выкуп за «предательство коллективного». По мнению К.Г. Юнга, таким выкупом могут являться ценности, которые будут его эквивалентной заменой в коллективной сфере. К.Г. Юнг указывает еще один возможный путь «искупления» – через любовь к другому человеку³³⁴. Более того, в аналитической психологии К.Г. Юнга, главным образом, в поздних работах³³⁵, исследуются отношения между «Я» и коллективным бессознательным в контексте и через призму фундаментального отношения «Я – Другой»³³⁶.

К. Левин считает, что поведение человека определяется не особенностями среды, которые влияют на личность; оно детерминируется той конкретной це-

³³³ Цит. по Калиненко В.К. Границы в культуре и культура на границах // Журнал практического психолога : научно-практический журнал. 2009. № 2. - С.43.

³³⁴ Калиненко В.К. Границы в культуре и культура на границах // Журнал практического психолога: научно-практический журнал. 2009. № 2. - С. 42-69.

³³⁵ Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. Юнг К.Г. Комментарий к «Тайне Золотого Цветка» // В сб.: «О психологии восточных религий и философий». М., 1994.; Юнг К.Г. Нераскрытая Самость (Настоящее и Будущее) // В сб.: Синхронистичность. М., 1997.

³³⁶ Филатов Ф.Р. Отношение «Я - Другой» в свете поздних сочинений К.Г. Юнга // Консультативная психология и психотерапия. 2001. №1. – С. 24-41

лостностью, в состав которой входят и личность, и ее психологическое окружение, и обосновывает концепцию поля, репрезентирующую взаимоотношения между поведенческими процессами и характеристиками среды. В контексте нашей работы важными являются взгляды К. Левина на функции и характеристики границ. Он постулирует, что с помощью границ, личность, с одной стороны, обособляется в мире, а с другой стороны – включается в него как часть. Адаптируясь к предметному и социальному миру, человек неизбежно увеличивает количество как внешних, так и внутренних границ. Более того К. Левин утверждает, что границы обеспечивают связь между соседними областями жизненного пространства. При этом он дифференцирует свойства любых границ по различным классификационным основаниям: по силе, прочности, проницаемости, и показывает, что граница между ребенком и его психологической средой намного слабее, чем у взрослого, в связи с чем «ребенок в большей мере является частью среды»³³⁷. Прочность границы определяется такими характеристиками пространственно различных областей, как их напряженность и близость к «Я». Необходимо подчеркнуть еще два принципиально важных понятия в теории поля К. Левина – это временная перспектива, позволяющая выйти за пределы поставленных полей границ, расширяя репертуар способов удовлетворения потребностей и квазипотребностей, и процесс замещения потребностей, предполагающий возможность реструктурирования поля без изменения его физических границ за счет расширения их видения. Способность к преодолению границ поля является показателем гибкости внутренних границ.

Вслед за К. Левиным Ф. Перлз рассматривает личность как функцию поля, в которое включается и организм, и среда, полагая, что поведение человека репрезентирует его отношения в этом поле. Постоянное изменение поля, вызываемое и его собственной природой, и тем, что в нем происходит, требует гибкости и изменчивости форм и способов взаимодействия. По мнению Ф. Перлза, которое мы полностью разделяем, человек не самодостаточен, он «нуждается в контакте с другими людьми в такой же мере, в какой на физиологическом уровне он нуждается в пище и питье. Ощущение принадлежности к группе так же естественно для человека, как физиологические импульсы, обеспечивающие его выживание»³³⁸. Говоря о необходимости контакта с другими людьми и окружающей средой, Ф. Перлз дифференцирует термины соединение, единение и контакт, вводя понятие «граница-контакт». Он пишет: «Везде и всегда, когда существуют границы, они воспринимаются одновременно и как контакт, и как изоляция»³³⁹, подчеркивая тем самым дифференцирующую и интегрирующую функцию границ, их амбивалентность. По Ф. Перлзу, граница-контакт не принадлежит организму целиком, а является неотъемлемым «органом» конкретного взаимодействия со средой. Контакт оказывается тем местом, в котором «Я» вступает в отношения с «Другим», именно благодаря контакту обе стороны становятся яснее и понятнее, приходят к ясному пониманию. Как продолжает

³³⁷ Холл .С., Линдсей Г. Теории личности М.: «КСП+», 1997. - С.380.

³³⁸ Перлз Ф. Практика гештальт-терапии/ Перевод Папуш М. П. М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2005. - С.20

³³⁹ Там же, С.26.

Ф.Перлз, «границы, место контакта составляют Эго. Только там и тогда, когда «Я» встречает «чужого», Эго вступает в силу, начинает свое существование, определяет границы между личным и неличным «полем»»³⁴⁰.

Следовательно, указывается системная взаимосвязь и взаимозависимость человека и окружающей его среды (человек в своем «поле»), а также многозначность и полисемичность любого поведения как динамического процесса, детерминируемого физическими, социальными и аффективными факторами, рациональными сознательными выборами и непредвиденными обстоятельствами, случайными предпочтениями и глубинными личностными смыслами. В контексте этого подхода понятие «граница» не просто используется, но и операционализируется: граница выделяет особое, подчеркивая его эксклюзивность, значимость и значительность, и одновременно унифицирует его, объединяя с общим и тотальным; защищает аутентичное, уникальное и в то же время ограничивает, консервирует самобытное; благодаря границам формируется способность как к внешнему различению «Я» – «Другой», так и к внутренней дифференциации «Я» – «не-Я».

Границы представляют собой подвижные, динамические образования – их можно провести, стереть, разрушить, передвинуть, открыть. Важная роль в этих трансформациях принадлежит активной и ответственной личности, способной на рискованные и творческие импровизации, на поиски внутренней гармонии своего глобального бытия-в-мире с целью обнаружения и укрепления собственного пространства свободы, развития уникального и оригинального жизненного проекта. Важной является идея Ф. Перлза о том, что человек может выходить за собственные пределы, опираясь на свою истинную природу, а не на амбиции и искусственные цели. Человек готов к преобразованиям и способен изменяться лишь через рефлексию собственного «Я» и самопринятие, а не под воздействием внешних требований, вынуждающих его соответствовать некоторой (пусть даже и образцовой) модели, поскольку именно приняв себя, такой, какая она есть, личность способна к изменению и росту³⁴¹. В рамках этого направления доказывалось, что личность осуществляет поиск аутентичной жизни только в прямом контакте человека с другими людьми, а конструирование идентичности происходит через усиление границ и подчеркивание различий между «Я» и «не-Я», между собой и Другими. В то же время утверждается, что ослабление границ, переход через границу, выход за ее пределы открывает новые возможности для расширения горизонтов развития и самопознания, позволяет перейти от привычного существования к новому качеству бытия.

В экзистенциальной и гуманистической психологии эта идея усиливается, постулируется фактическое стирание внешних и внутренних границ и делается акцент на границах самоактуализации (А. Маслоу), на способности понять себя и смысл своей жизни (В. Франкл, А. Лэнгле), на автономности и ответственности как главных и взаимосвязанных свойствах человека.

³⁴⁰ Цит. по Польстер И., Польстер М. Интегрированная гештальт-терапия: Контуры теории и практики / Пер. с англ. А.Я.Логвинской – М.: Независимая фирма «Класс», (Библиотека психологии и психотерапии). - С.45

³⁴¹ Гингер С., Гингер А. Гештальт — терапия контакта. СПб.: Специальная Литература, 1999.—287 с.

Еще более отчетливо идея о развивающей функции границ артикулируется в работах В.А. Петровского, В.К. Калининко и М.А. Ишковой. Так В.А. Петровский интерпретирует границу как особый знак, побуждающий неадаптивные действия, как самоценный источник активности субъекта и как первичный побудительный мотив. Он вводит понятие «мотив границы»³⁴², определяя его как «стремления субъекта пережить бытие на границе», и предполагая, что «мотив границы» проявляется в самых различных сферах человеческой жизни: познании (граница между известным и неизвестным), творчестве (граница между возможным и действительным), риске (граница между благополучием и угрозой существования), игре (граница между воображаемым и реальным), межличностном общении (граница между открытостью другим и защищенностью от них)³⁴³. Трактую границу как сложный динамический знак, В.А. Петровский говорит о существовании трех основных способов предъявления индивиду идеи границы: в форме естественного знака, культурного знака и символа. В соответствии с этим им определяются разграничительные стимулы различного вида: «индикатор раздела сред (естественный знак); запрет (культурный знак); разделительная черта (символ границы)»³⁴⁴. В исследованиях, проведенных под его руководством³⁴⁵, доказывалось, что «бытие на границе» есть особый мотив, возникающий в процессе развития ребенка и проявляющийся в стремлении ощутить себя на границе (граница как предел), элиминировать границу (граница как переход), вовлечь границу в свою деятельность (граница как связь), и убедительно показывается, что граница играет двоякую роль для субъекта: с одной стороны, она побуждает его к разделению полей собственной деятельности, а с другой стороны — провоцирует к их объединению; «в эффекте двойственности влияния «границы» проявляются такие ее предметные значения как предел, переход, связь»³⁴⁶.

Еще одной важной характеристикой границ является факт их «пульсирования», на который совершенно справедливо указывает Т.Д. Марцинковская. Она пишет: «Они не статичны, но динамичны, могут и сжиматься и расширяться в зависимости от актуализации того или иного мотива и исходя из особенностей социальной ситуации»³⁴⁷. При этом она указывает на возможность динамического равновесия между индивидуально-психологическими (внутренними) и социально-психологическими (внешними) границами. В формате постмодернистского дискурса, постулирующего отказ от бинарных оппозиций и полипарадигмальный характер исследований, она предлагает интересный подход, соединяющий социально-психологические и индивидуально-психологические границы и подразумевающий их динамику как по горизонтали (смещение от внешних барьеров к внутренним, и обратно), так и по вертикали (осознание своей индивидуальности и своего места в мире).

³⁴² Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М: ТОО «Горбунок», 1992.

³⁴³ Петровский В.А. «Мотив границы»: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008. №3. – С. 16

³⁴⁴ Там же, С.19.

³⁴⁵ Ишкова М. А. Граница как ориентир активности ребенка: Дис. ... канд. психол. наук. — М., 1998.

³⁴⁶ Петровский В.А. «Мотив границы»: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008. №3. – С. 25.

³⁴⁷ Марцинковская Т.Д. Психологические границы: история и современное состояние // Мир психологии, 2008. №3. - С.59.

Таким образом, понятия «граница» является не только удобной описательной метафорой и наглядным топологическим конструктом, но и мотивационной, смысловой категорией. Основываясь на определении границы как динамическом психологическом образовании, возникающем на основе межличностного взаимодействия (В.К. Калинин, К. Левин, В.А. Петровский, Ф. Перлз), мы предлагаем выделять два вида границ – интересубъектные и интрасубъектные границы.

Именно эти границы определяют конфигурацию интересубъективного пространства личности. Переопределение границ интересубъективного пространства приводит к его сужению или расширению, а изменение характеристик границ (протяженность, проницаемость, прочность, подвижность, напряженность) детерминируется социально-психологическими факторами и особенностями ситуационного контекста взаимодействия. Интрасубъектные границы заданы шкалой «Я – не-Я» и отделяют совокупность представлений личности о себе (Я-концепцию как осознаваемую рефлексивную часть личности), а также представления, связанные с отнесенностью себя к группе носителей определенных свойств или осознание и переживание своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям (идентичность как когнитивная система, возникающая в результате взаимодействия, сравнения личности с Другими и регулирующая ее поведение). Интересубъектные границы отделяют различных взаимодействующих субъектов, их «встречи», контакты, диалоги, и репрезентируются шкалой «Я – Другой».

Для социально-психологического анализа личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» выделены три сферы: *социокультурная* («Я – Другой в культуре» и «Я – Другой в социуме»), *социально-экзистенциальная* («Я – Другой» в социуме» и «Я – Другой как часть Я»), *экзистенциально-культурная* («Я – Другой как часть Я» и «Я – Другой в культуре») и описаны типичные варианты взаимодействия личности с «ингрупповым Другим», «аутгрупповым Другим», «значимым Другим», «авторитетным Другим», «Другим как врагом», «Другим в художественной реальности».

Оси «Я – Другой как часть Я» и «Я – Другой в социуме» образуют *социально-экзистенциальную сферу*, в которой Другой выступает как реальный субъект, занимающий определенную социальную позицию, имеющий тот или иной социальный статус, включенный в со-бытие, в построение целостного, но потенциально не завершенного, ценностно значимого образа мира, основанного на социальных представлениях (Г.М. Андреева, П. Бергер, А.А. Бодалев, Ю.Б. Гишпенрейтер, Г. Крайг, Ч. Кули, Т. Лукман, А.В. Мудрик, В.В. Новиков, А.Л. Свенцицкий, В.И. Слободчиков, Н. Смелзер, Р.М. Шамионов, Т. Шибутани). Подчеркивается, что в этой сфере личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» формируются через отношения личности к другому субъекту, различным группам и общностям, через разнообразие способов включения личности в те или иные виды общественных отношений, посредством интерпретации информации, полученной по каналам обратной связи от реальных других, а также посредством усвоения социальных представлений как особой

формы коллективного знания. Благодаря актуальным взаимодействиям с агентами социализации, «вкладами Других» (В.А. Петровский) устанавливается избирательная психологическая связь личности с реальными другими (в разной степени осознаваемая), основанная на опыте и выражающаяся в действиях, реакциях и переживаниях, а также формирующая субъективные отношения личности ко всем сторонам социальной действительности. Эффекты социализации во многом определяются содержанием, характером и валентностью локализованных в социально-экзистенциальной сфере личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», которые выступают в виде условия и внутреннего фактора социального развития личности и способствуют эффективной социализации, т.е. формированию Я-концепции, становлению идентичности, постижению собственной автономности и суверенности, осознанию своих действий и поступков, и, в целом, обобщенного бытийного отношения личности.

Оси «Я – Другой в социуме» и «Я – Другой в культуре» конструируют *социокультурную сферу интерсубъективного пространства* личности, в которой важную роль играют язык, традиции, обычаи, текст, нормы и правила, регламентирующие поведение и социальные взаимоотношения личности. Отношения к себе и Другому формируются на основе правил, норм и конвенций в пространстве культуры и опыта социальных взаимодействий (А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, В.С. Мухина, Е.Б. Старовойтенко, Э.В. Сайко). Личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» в социокультурной сфере позволяют личности в процессе социализации овладеть системой значений, правил и норм конкретного общества, ассимилировать культурные коды общества в структуру личности, освоить поведенческие паттерны через идентификацию, социальное научение, подражание, имитацию.

Экзистенциально-культурная сфера образована такими координатными осями как «Я – Другой как часть Я» и «Я – Другой в культуре». Личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» в этом случае выступают в виде основы не только для собственной (социальной и персональной) идентификации и расширения горизонтов самопознания, самопонимания и саморазвития, но и для формирования мировоззрения личности, ее ценностно-смыслового ядра, нравственности и духовности, задающих доминантные жизненные ориентиры личности.

Категоризация Других предполагает использование более широкого набора качеств, нежели самокатегоризация, за которой следует типизация по разным признакам (родство, связь, отношение, дистанция, статус, власть), в результате чего Другие объединяются в разные группы и сообщества, иногда отчетливо противопоставляемые собственному «Я», а иногда включающие его в свой состав. В современном обществе, в связи со значительным усложнением общественной структуры, параметры отличия одной группы от другой не столь отчетливы, что обусловлено изменениями во всех процессах самоидентификации и трансформациями не только социальных категорий, к которым человек может себя причислить, но и самих процессов самоидентификации, их направленности и целей (Н.М. Лебедева).

Как уже говорилось, для анализа личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другого» используется дифференциация социальной общности на ингруппу и аутгруппу, исходя из критерия групповой идентификации личности. В связи с этим в интересубъективном пространстве личности мы выделяем два больших взаимосвязанных вида личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой»: «Я – ингрупповой Другой» и «Я – аутгрупповой Другой». Опишем специфические особенности этих личностных репрезентаций в зависимости от их локализации в интересубъективном пространстве.

В рамках социально-экзистенциальной сферы интересубъективного пространства под ингрупповым Другим понимается представитель реальной ингруппы (малой группы), разделяющий с личностью сходный культурный паттерн, но отличающийся от ее членов по каким-либо характеристикам и демонстрирующий те или иные девиации относительно групповых норм и стандартов. Аутгрупповой Другой определяется как представитель «чужой группы», которому атрибутируются стереотипные черты данной малой группы.

В рамках социокультурной сферы пространства личностных взаимодействий личности с другим репрезентации «Я – ингрупповой» и «Я – аутгрупповой Другой» приобретают более обобщенный и стереотипный характер. Ингрупповой Другой трактуется как представитель своей устойчивой и социально-организованной большой группы (этнической, профессиональной, половозрастной), регуляторами социального поведения в которой выступают язык, нравы, обычаи, традиции, в совокупности определяющие образ жизни большой группы и ее психический склад (Г.М. Андреева, Г.Г. Дилигенский); аутгрупповым Другим обозначается реальный представитель иного этноса, носитель иной культурной или религиозной традиции, либо символический Другой, представленный в культуре и символизирующий другой порядок.

Репрезентации «Я – Ингрупповой Другой» и «Я – аутгрупповой Другой» отражают социально и культурно закрепленные стереотипы, являются достаточно устойчивыми, но изменяются в зависимости от социально-политической и социокультурной ситуации. В процессе социализации благодаря этим личностным репрезентациям личность усваивает социальные нормы, ценности и установки, сформированные на основе исторического опыта больших групп, обобщенного в виде знаковых, культурных и идеологических систем.

В экзистенциально-культурной сфере содержание конструкторов «ингрупповой и аутгрупповой Другой» трансформируется и индивидуализируется. Критерием отнесенности Другого к ингруппе выступает не формальная групповая принадлежность, а ценностно-смысловая связь, основанная на сходстве мировоззрений, ценностей и взглядов, субъективной привлекательности и смысловой наполненности. Ингрупповой Другой в этой сфере выступает как ценностно-смысловой стандарт, первопричиной которого являются архетипы как коллективные универсальные паттерны (К.Г. Юнг), а личность взаимодействует с таким ингрупповым Другим на символическом уровне. По аналогии аутгрупповой Другой позиционируется как символический Другой, ценности и установки которого не конгруэнтны ценностям и установкам личности.

Личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» в этой сфере интересубъективного пространства служат основой не только для собственной (социальной и персональной) идентификации и расширения горизонтов самопознания, самопонимания и саморазвития, но и для формирования мировоззрения личности, ее ценностно-смыслового ядра, нравственности и духовности, задающих доминантные жизненные ориентиры личности. Наличие таких личностных репрезентаций способствует становлению мировоззрения личности, ее духовному росту и развитию. Личностная репрезентация взаимодействия личности с аутгрупповым Другим вследствие ее негативной эмоциональной нагруженности может способствовать регрессу личности, негативной трансформации ее структуры и девальвации личностных смыслов.

Мы полагаем, что применение этих конструктов является важным для артикуляции проблем отчужденности в повседневном мире, проблем межличностного и межгруппового взаимодействия, связанных с признанием норм и ценностей Другого; проблем соотношения нормы / отклонения от нормы, касающихся маргинальности, отношения к маргинальности, норме и традициям.

Специфика авторского подхода к исследованию личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», реализованного в предложенной концепции, заключается в том, что личность как субъект социальных отношений включена в широкий социокультурный контекст и изучается не только в рамках ее взаимодействий с реальными Другими («Я – Другой в социуме»), но и с символическими Другими («Я – Другой в культуре») и персонализированными Другими («Я – Другой как часть Я»). Более того проведенный междисциплинарный анализ позволяет изучать личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой», образующие взаимосвязанную целостность и отражающие реальные представления реальных личностей, включенных в ту или иную социальную группу и принадлежащих конкретному обществу, которое находится на определенном этапе своего развития.

С помощью предложенной концепции на основе социально-психологических знаний о содержании, видах, механизмах, факторах и особенностях личностных репрезентаций могут быть решены такие важные практические задачи как создание или оптимизация условий, способствующих полноценному социальному развитию личности (социализации), и обеспечивающих ее успешное вхождение в разные социальные группы, эффективное взаимодействие с Другими, проявление ее субъектности, формирование социально-психологических умений и навыков взаимодействия с Другим. Кроме того полученные социально-психологические знания о границах интересубъективного пространства личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» могут способствовать решению задачи гармонизации процесса самоидентификации личности и интеграции ею различных идентификаций («Я как часть мира», «Я как типичный представитель своего поколения», «Я как соучастник исторического развития общества», «Я как представитель определенной гендерной группы», «Я как репрезентант этнической культуры», «Я как профессионал» и т.п.) в единую, непротиворечивую целостность.

Соответственно, личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» представляют собой социально-психологические образования, возникающие в результате социально-перцептивного процесса взаимодействия личности с реальным Другим, символическим Другим и персонализированным Другим. Они конструируются на основе социально-психологического взаимодействия личности с разнообразными Другими и составляют содержание интересу субъективного пространства личности. Локализация личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» в интересу субъективном пространстве определяется ценностно-смысловыми ориентациями личности и условиями ее социализации, а их взаимопереходы обусловлены социально-психологическими характеристиками личности, особенностями ее взаимодействий и взаимоотношений с другими субъектами и группами, спецификой ситуационного контекста. Личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой» выступают в виде условия и внутреннего фактора социального развития личности, ее самосовершенствования, самодеятельности и влияют на формирование установок личности, обуславливают стратегии ее взаимодействия с другими субъектами и особенности межличностных отношений.

3.2. Характеристика ингруппового и аутгруппового Другого в социально-экзистенциальной плоскости

Необходимо отметить, что ингруппы были под пристальным вниманием психологов, и продолжают находиться в фокусе их исследовательского интереса³⁴⁸. Г.Тэджфел экспериментально доказал, что даже символическая отнесенность человеком себя к той или иной группе предполагает, что он будет отдавать предпочтение членам этой группы и давать им более высокие оценки по сравнению с членами других групп³⁴⁹. Результаты исследований М.Шерифа и Г.Тэджфела акцентировали внимание на феноменах ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации³⁵⁰. Было установлено, что степень ингруппового фаворитизма возрастает, если группа сравнивается по значимому для нее критерию с сопоставимой группой³⁵¹. В экспериментах В.С.Агеева было показано, что ингрупповой фаворитизм характерен для взаимодействия вне контекста социально значимой совместной деятельности³⁵².

³⁴⁸ Brewer M. B. The Importance of Being We: Human Nature and Intergroup Relations //American Psychologist, Volume 62, Issue 8, November 2007, Pages 728-738; Güth W., Levati M. V., Ploner M. Social identity and trust—An experimental investigation //Journal of Socio-Economics Volume 37, Issue 4, August 2008, Pages 1293-1308; Marilyn B. Brewer The Importance of Being We: Human Nature and Intergroup Relations //American Psychologist Volume 62, Issue 8, November 2007, Pages 728-738.

³⁴⁹ Tajfel H. Social psychology of intergroup relations //Ann. Rev. Psychol. 1982, V.33. - P.1-39.

³⁵⁰ Abrams D. Social identity, self-awareness and intergroup behavior: Doct. thesis. Univ. of Kent, 1984; Abrams D., Hogg M.A. Comments on the motivational status of self-esteem in social identity and intergroup discrimination // Eur. J. Soc. Psychol. 1988. V. 18. P. 317-334; Jackson J. W. How variations in social structure affect different types in intergroup bias and different dimensions of social identity in a multi intergroup setting // Group Processes and Intergroup Relations. 1999. V.2. P.145-173; Mummendey A., Schreiber H.J. «Different» just means «better»: Some obvious and some hidden pathway to ingroup favoritism // Brit. J. Soc. Psychol. 1984. V. 23. - P. 363-368.

³⁵¹ Тернер Дж. Социальное влияние. СПб: Питер, 2003.

³⁵² Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.

Многочисленные зарубежные исследования³⁵³ свидетельствуют о том, что эффекты ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации проявляются на трех уровнях – когнитивном, эмоциональном и поведенческом, причем их возникновение при межгрупповом взаимодействии обусловлено рядом факторов, к которым можно отнести ситуационный контекст межгруппового восприятия, специфические характеристики взаимодействующих групп и особенности субъекта восприятия. Большинство объяснений этих эффектов основывается на положениях теории социальной идентичности Г.Тэджфела и теории самокатегоризации Дж.Тернера.

Стоит заметить, что ингрупповой фаворитизм является универсальной константой межгрупповых отношений и необходимым условием формирования позитивной Я-концепции. Обзор современных зарубежных исследований, проведенный М.Бревер (M.Brewer), позволяет дополнить этот тезис еще двумя важными положениями: во-первых, в основе универсального ингруппового фаворитизма находится стремление к безопасности; а, во-вторых, установки по отношению к аутгруппам изменяются как функция межгрупповых отношений, связанных с величиной угроз, актуализированных в связи с принадлежностью к разным группам и их явной различимостью³⁵⁴.

В поисках собственного Я человек, с одной стороны, осознает свою уникальность, неповторимость и своеобразие, а, с другой стороны, понимает и принимает свою принадлежность к группе, свою типичность и одинаковость. В контексте социальной психологии выделяют личную и социальную идентичности (Агеев В.С., Андреева Г.М., Антонова И.В., Барабанова Т.С., Белинская Е.П., Бергер П., Буякас Т.М., Ермолаева Е.П., Заковоротная М.В., Иванова Н.Л., Качанов Ю.Л., Лебедева Н.М., Лукман Т., Павленко В.Н., Солдатова Г.У., Соколова В.Ф., Стефаненко Т.Г., Хотинец В.Ю. Цуциев А.А., Шнейдер Л.Б., Ядов В.А., D. Abrams, M. Augustinos, M. B. Brewer, L. Chante, S. Condor, J.C. Deschamps, N. Ellemers, S. Hall, M. Hogg, S. Moscovici, A. Kwiatkowska, H. R. Markus, D. Oysterman, J. M. Salazar, S. Stryker, H. Tajfel, J. Turner, K. Yandley, I. Walker и другие) и рассматривают две фундаментальные и конкурирующие потребности личности — потребность во включении и потребность в дифференцировании³⁵⁵. Можно согласиться с мнением Г.У.Солдатовой и А.В.Макарчук, что в повседневных условиях у большинства людей доминирует личностный уровень, тогда как в трудных жизненных ситуациях (экстремальных, стрессовых, кризисных), а также в условиях повышенной напряженности в обществе человеку становится все труднее полагаться только на себя. В этом случае он ищет опору и защиту в группе, стремясь к расширению своих социальных и психологических границ, выходя за пределы своего «Я» и сознательно декларируя свою неразрывную связь с какой-либо общностью или группой. Через

³⁵³ Гулевич О.А., Онучин А.Н. Основные направления изучения эффектов межгруппового восприятия // Вопросы психологии. 2002, №3. - С.132-145.

³⁵⁴ Brewer Marilyn B. The Importance of Being We: Human Nature and Intergroup Relations // American Psychologist Volume 62, Issue 8, November 2007 – P. 728-738

³⁵⁵ Geoffrey J. Leonardelli, Cynthia L. Pickett and Marilyn B. Brewer Optimal Distinctiveness Theory: A Framework for Social Identity, Social Cognition, and Intergroup Relations // Advances in Experimental Social Psychology Volume 43, 2010. – P. 63-113.

расширение индивидуальных границ личность ищет защиту, устойчивость и возможности развития в группе, в групповой идентичности³⁵⁶. Мы не будем повторять известные тезисы о фундаментальной значимости социальной поддержки для развития личности, для сохранения ее психического здоровья и благополучия, отметим только два важных, с нашей точки зрения, момента.

Первый связан с тем, что ингруппа выступает своеобразным ресурсом личности, помогая ей социализироваться, развиваться, справляться с теми или иными жизненными обстоятельствами, находясь при этом внутри контекста принятия, заботы и защищенности, поддерживая психическое здоровье и выстраивая позитивную жизненную перспективу. Именно группе делегируется ответственность за принятые решения в кризисных ситуациях, передается контроль за происходящими событиями и за минимизацию их последствий. Вместе с тем постоянное перекалывание на группу разрешения собственных проблем, нивелирование конфликтов и сглаживание противоречий приводит к размыванию личностной ответственности, ослаблению субъектных качеств, порождению пассивности, чрезмерной зависимости и безынициативности личности, формированию вынужденной беспомощности и рентных установок.

Второй момент связан с тем, что ингруппа может не только поддерживать своих членов, но и оказывать на них существенное давление, побуждая их действовать определенным образом, навязывая им поведенческие паттерны, принятые способы и модели реагирования, требуя от них униформности и склоняя к конформности, в которой группа нуждается для того, чтобы функционировать эффективно и без сбоев. В этом случае группа, защищая групповые нормы, принятые ценности и установленные традиции, выступает в роли консервативного ограничителя, а социальная поддержка может служить источником фрустрации, напряжения и стагнации³⁵⁷.

При этом не вызывает сомнения тот факт, что внутри реальной ингруппы существует дифференциация по разным классификационным основаниям – пол, возраст, психометрический статус, уровень симпатии, глубина эмпатии, аттракции и т.п. Мы присоединяемся к мнению В.В.Абрамова³⁵⁸, считающего, что для любого индивида количество возможных групп, с которыми он может интегрироваться или от которых он дистанцируется, является потенциально безграничным: их может быть столько, сколько найдется значимых для индивида параметров сравнения. Мы предлагаем для описания личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» и для выявления их роли в социальном становлении и развитии личности, использовать конструкт Другой, учитывая при этом, что Другой является не просто условием существования, а выступает как фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения собственно человеческого в человеке, основание его

³⁵⁶ Солдатова Г.У., Макаручук А.В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М, Генезис, 2006. 256с

³⁵⁷ Antonucci T.C., Lansford J.E., Ajrouch K.J. Social Support//Encyclopedia of Stress (Second Edition) Elsevier Inc., 2000. Volume 3. - pp 479–482.

³⁵⁸ Абрамов В.В. Об одном из подходов к исследованию межгрупповых отношений и эффектов //Мир психологии, 2008. №3.

нормального развития и полноценной жизни³⁵⁹. Внутри ингруппы Другой предстает не столько в виде понятия, маркирующего позицию человека, сколько в виде оценочной категории. При этом мы утверждаем, что Другой изолирован не от самой группы, а от ее моральных и, возможно, материальных ресурсов.

Напомним, что под ингрупповым Другим понимаеся представитель реальной ингруппы (малой группы), разделяющий с личностью сходный культурный паттерн, но отличающийся от ее членов по каким-либо характеристикам и демонстрирующий те или иные девиации относительно групповых норм и стандартов.

Мы полагаем, что внутри ингруппы возможно выделение нескольких видов ингруппового Другого, схематично представленных на рис.3.2.

Рис. 3.2. Виды ингруппового Другого

«Я – чуждый Другой» (в терминологии Г.У. Солдатовой «близкий Чужой») маркирует личностную репрезентацию взаимодействия с членом ингруппы, взаимоотношения с которым обусловлены субъективной иерархией чуждости, сконструированной в ходе индивидуализации, либо/и спецификой и характером интересубъектных отношений, либо/и ситуационным контекстом межличностных интеракций. Существует множество примеров, когда некогда близкие люди, включенные в одну и ту же группу, связанные устойчивыми отношениями, общими целями и разделяющие сходные взгляды, ценности, смыслы, становятся совершенно чужды друг другу, весьма остро и болезненно переживая эту неожиданную «чуждость».

«Я – стигматизированный Другой» представляет собой личностную репрезентацию взаимодействия со стигматизированным членом ингруппы. Под стигмой мы вслед за И. Гофманом понимаем особый тип отношения между качеством и стереотипом и выделяем разные типы стигмы: телесное уродство – любого рода физические отклонения; недостатки индивидуального характера,

³⁵⁹ Слободчиков В.И. Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования //Событийность в образовательной и педагогической деятельности. Под ред. Н.Б.Крыловой, М.Ю.Жилиной. вып.1 (43), 2010. - С.9.

проявляемые в социальном поведении; родовая стигма расы, национальности или религии. Стигматизированный индивид мог бы эффективно участвовать в обычных социальных интеракциях, если бы ни нежелательное отличие от группы, отклонение от определенных ожиданий, бросающееся в глаза, вызывающее негативные эмоции, препятствующее узнаванию других его качеств и уменьшающее его жизненные шансы. Стигматизированный индивид чувствует свою незащищенность при взаимодействии с другими людьми, а дефицит принятия и одобрения, обычного в повседневном социальном взаимодействии, может превратить оказавшуюся в изоляции личность в мнительную, подавленную, враждебно настроенную, беспокойную и растерянную³⁶⁰.

«Я – иной Другой» обозначает репрезентацию взаимодействия личности с членом ингруппы, демонстрирующим те или иные девиации относительно групповых норм, стандартов и прототипической позиции группы (Дж.Тернер, П.Эукес).

«Иной Другой» максимально отличается от прототипа, но это отличие в большей степени обусловлено существенными различиями с членами ингруппы. Вопрос о средне групповых нормах достаточно подробно представлен в теории групповой поляризации Дж.Тернера и П.Эукеса. В рамках этой теории групповой нормой является не среднее мнение группы, а ее прототипичная позиция. «По своей сути прототип – это позиция, которая наилучшим образом отражает то общее, что присуще членам одной группы и что отличает их от тех, кто находится вне группы. Чем меньше человек отличается от членов своей группы и чем больше – от тех, кто не входит в нее, тем более он прототипен»³⁶¹. В контексте этой теории вводится показатель метаконтрастности, отражающий степень ингруппового и аутгруппового отличия, максимальные значения которого свидетельствуют о том, что член группы с таким показателем является наилучшим прототипом для всех остальных членов ингруппы. Отмечается важный факт, что прототипы могут меняться в зависимости от социальных контекстов. Утверждается, что имеется зона допустимых отклонений характеристик, правил, паттернов поведения, в пределах которой отличающийся член группы – девиант – все еще рассматривается как представитель данной группы, но при этом вызывает негативные эмоции со стороны группового большинства, его критику, осуждение или насмешки.

Характерно, что практически во всех языках такой иной Другой имеет определенное наименование и метафорически описывается как «белая ворона», «черная овца», «паршивая овца», «козел отпущения». Символический и психологический смыслы этих метафор неоднозначны, поэтому рассмотрим каждую из них.

Смысл метафоры «белая ворона» означает необычность, инаковость и в то же время избранность, исключительность, чистоту и незащищенность. Психологическое содержание этой метафоры может быть репрезентировано через нетипичность члена группы, его явное и бросающееся в глаза отличие от боль-

³⁶⁰ Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004.

³⁶¹ Тернер Дж. Социальное влияние. СПб: Питер, 2003. - С.111.

шинства как в формате внешности и поведенческого рисунка, так и в рамках ценностной системы. Необычность и другость влекут за собой непонимание и отчуждение со стороны группы, перемещение такого члена группы на низко-статусную, но, тем не менее, особую позицию в группе. Заметим, инаковость «белой вороны» не угрожает ни целостности группы, ни ее репутации, ее терпят в группе, позиционируя как «экзотического» члена сообщества. Что же касается самого члена группы, то для него фрустрирующей и рискогенной являются и ситуация непонимания, непринятия, и заданный группой психометрический статус, всегда сопряженный с эмоциональным напряжением, экзистенциальными страданиями и негативными переживаниями. Результатом фрустрации становится устойчивая защитная реакция личности, направленная на установление слишком жестких, закрытых и непроницаемых интерсубъектных границ между собой и Другими, усиливающая и увеличивающая зону психологических рисков личности. Одним из возможных рисков является то, что положение такого ингруппового Другого становится маргинальным. Личность, закрыв границы для контактов, автоматически исключается из мира других, испытывая при этом не недостаток присутствия Другого, а недостаток собственного присутствия для Другого — как Другого. Она теряет аутентичность, поскольку ее Я никогда не открывалось Другим или, открываясь, осталось непонятым и не увиденным Другими, т.е. его Я не подтверждается Другими. Как следствие этого, личность может отчуждаться от собственного опыта и собственных действий, терять точку отсчета в себе самой.

Идиома «черная овца» по сравнению с предыдущей метафорой приобретает большую негативную валентность, обозначая явное отличие от большинства и исключительность, в тоже время подчеркивает наличие угрозы для группы и нежелательность нахождения подобного члена в сообществе. Указанная нежелательность усиливается в метафоре «паршивая овца», которая также имея очевидную негативную коннотацию, относится не просто к нежелательному члену группы, а к такому, который дискредитирует группу, наносит ей репутационный вред, снижает ее авторитет, статус и позитивную групповую оценку. При удобном случае группа пытается избавиться и избавляется от такого члена. На феноменологическом уровне переживание личностью несоответствия между собственными представлениями о себе и упрощенными, схематичными групповыми представлениями может привести к реконфигурации Я-образа под воздействием и с учетом нового опыта, приобретенного в группе. На поведенческом уровне возникшее внутреннее несоответствие минимизируется личностью за счет обесценивания группы (ее ценностей, норм и традиций) или через формирование негативных, агрессивных и враждебных установок по отношению к группе, к ее отдельным представителям. В целом указанное несоответствие обуславливает порождение новых психологических рисков для личности.

Совершенно иной смысл имеет метафора «козел отпущения», обозначающая низкостатусного члена ингруппы, в котором группа нуждается, поскольку именно на него она может возложить ответственность за неэффективные и ошибочные действия, за неправомерные решения, вину за неудачу или

поражение, для того, чтобы скрыть их настоящие причины и реальных виновников. Психологические риски в этом случае не менее сложны и деструктивны. Такой ингрупповой Другой вынужден постоянно доказывать группе свою необходимость и полезность, демонстрировать готовность к подчинению, зависимость, угодливость, тем самым девальвируя собственные ценности и смыслы и рискуя потерять собственное «Я». Еще одним возможным вариантом позиции «козел отпущения» может являться позиция объекта мобинга, достаточно хорошо изученная и описанная в контексте организационной психологии. Под мобингом понимается систему целенаправленных, агрессивных, недоброжелательных и продолжительных действий со стороны руководства («вертикальный мобинг») или со стороны персонала, группы («горизонтальный мобинг»). Отметим важный факт, мобинг как явление угрожает не только отдельно взятой личности, ее физическому и психическому здоровью, но и, в целом, организации, выступая индикатором скрытых организационных проблем (нечеткость цели и миссии организации, диффузность ответственности персонала, дублирование функций разными членами организации, несовместимость культурных характеристик, невнимание руководства к репутационным играм персонала).

Несмотря на обозначенные выше существенные различия в видах иного Другого, их встроенность в разные метафорические ряды, в социальной психологии эффект «белой вороны» и эффект «черной овцы» рассматриваются как тождественные и синонимичные. Сущность этого эффекта заключается в том, что члены ингруппы воспринимаются более поляризовано - либо очень хорошо, либо очень плохо, по сравнению с членами аутгруппы. Данный эффект выражается в том, что выполняющий нормы член ингруппы воспринимается и оценивается более позитивно, чем выполняющий те же нормы член аутгруппы, а не выполняющий нормы член ингруппы — более негативно, чем не выполняющий нормы член аутгруппы³⁶². Необходимо отметить, что этот эффект проявляется только тогда, когда речь идет о выполнении норм, которые специфичны для ингруппы и не являются общими для ингруппы и аутгруппы. Обзор проведенных исследований в зарубежной социальной психологии, выполненный Гулевиным О.А., Онучиным А.Н.³⁶³, дает возможность выделить следующие факторы, влияющие на выраженность этого эффекта: настроение субъекта восприятия; степень его ингрупповой идентификации; важность для личности оснований межгруппового сравнения; ее оценка гетерогенности ингруппы.

Виды ингруппового Другого можно интерпретировать с помощью таких бинарных оппозиций как «понимание – непонимание», «принятие – отчуждение», «интерес – равнодушие», «признание – непризнание», «открытость – изолированность», а также «ориентация на удержание в группе – ориентация на изгнание из группы». Безусловно, репрезентация взаимодействия личности с

³⁶² Marques J.M., Yserbyt V.Y. The black sheep effect: Judgemental extremity towards ingroup members in inter- and intra-group situations // Eur. J. Soc. Psychol. 1988. V. 18. P. 287-292; Marques J.M., Yserbyt V.Y., Leyens J.-P. The black sheep effect: Extremity of judgements towards ingroup members as a function of group identification // Eur. J. Soc. Psychol. 1988. V.18. - P.1-16.

³⁶³ Гулевиц О.А., Онучин А.Н. Основные направления изучения эффектов межгруппового восприятия // Вопросы психологии. 2002, №3. - С.132-145.

разным видом ингруппового Другого отличается по характеру и направленности, для каждого вида существуют свои системы психологических рисков, обусловленные специфическими особенностями коммуникации и связанные с принятием и оценкой референтной группой, с установлением значимых межличностных отношений, с формированием контекста доверия, с рефлексией самости, самооценности, ценности Другого и ценности для Другого.

Вместе с тем ингрупповой Другой (любой его вид) включен в группу, но находится на групповой границе, т.е. можно предположить, что ингрупповой Другой зачем-то нужен группе, он выполняет в ней какие-то функции, которые не может выполнять иной член группы. И.Гофман утверждает, что «качество, стигматизирующее один тип владельца, может лишь подтвердить обычность другого»³⁶⁴, т.е. постоянное сравнение с ингрупповым Другим способствует укреплению позитивной идентичности и подтверждению самооценки большинства членов группы. Однако, на наш взгляд, помимо сравнительной функции, такой особенной функцией ингруппового Другого является, как это не парадоксально звучит, функция развития группы. В связи с этим мы хотим обратиться к объяснительным интерпретациям теории креативного влияния меньшинства, предложенной С.Московичи, теории самокатегоризации Дж.Тернера и концепции «ухода-и-возврата» А.Дж.Тойнби.

По С.Московичи, меньшинство определяется как относительно небольшая часть группы или отдельный индивид, разделяющие иные, чем представители большинства, нормы и ценности и не обладающие авторитетом, властью, престижем, которые позволили бы им распространить свои взгляды³⁶⁵. Сначала несогласное меньшинство рассматривается как объект для насмешек. «Когда меньшинство отказывается пойти на компромисс и последовательно настаивает на своей позиции, оно воспринимается менее негативно и создает динамическое впечатление уверенности в себе»³⁶⁶. Когда последовательность их поведения становится очевидной, некоторые представители большинства могут перейти на сторону меньшинства. Считается, что влияние меньшинства на большинство отличается от противоположного процесса не столько количественно, сколько качественно. Большинство влияет на межличностном уровне, на уровне реакции в режиме «здесь и сейчас», тогда как меньшинство оказывает латентное влияние на уровне объекта, т.е. на уровне правильности позиции. Иными словами демонстративная последовательность поведения меньшинства заставляет окружающих задуматься о его причинах и атрибутировать эти причины не столько личности, сколько объекту. Следовательно, фактором влияния выступает не просто повторение одного и того же «отклоняющего поведения», а «образ стоящего за ним источника и самого предмета воздействия»³⁶⁷.

³⁶⁴ Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs. New Jersey: Prentice-Hall, 1964.- P.3.

³⁶⁵ Московичи С. Машина, творящая богов. М, 1998

³⁶⁶ Там же, С.229

³⁶⁷ Токарева М.Ю., Донцов А.И. Меньшинство как источник социального влияния //Вопросы психологии, 1996, №1. - С.54

Влияние большинства основано на зависимости, большинство актуализирует у инакомыслящих процесс сравнения с собственной позицией, которая оценивается как обусловленная нормами согласия и законности. Отклонение от доминантной позиции ставит под сомнение социальный статус девианта, но не требует от него переоценки и когнитивной перестройки объекта своего мнения³⁶⁸. Следовательно, давление большинства, защищающего доминантную норму, вызывает модификацию публичного поведения в момент воздействия, но не латентные изменения.

В основе влияния меньшинства, по С.Московичи, лежит устойчивость его поведения, которая проявляется в жесткой фиксированности исходной позиции и последовательности ее отстаивания при взаимодействии с большинством. Последовательное поведение меньшинства создает когнитивный и социальный конфликты. При когнитивном конфликте личность, испытывающая давление меньшинства, может перейти к пересмотру личной внутренней позиции, что может привести в свою очередь к модификации восприятия, представлений и установок. Таким образом, С.Московичи объясняет влияние меньшинства когнитивной центрацией на стимуле, приводящей к реинтерпретации информации о нем. При этом точка зрения меньшинства может не приниматься полностью, но ее наличие, а также пересмотр собственной позиции являются основой для развития креативности личности и способствуют творческой проработке проблемы, ее когнитивной и креативной реконструкции.

В отличие от рассмотренной модели конфликта С. Московичи, теория самокатегоризации Дж. Тернера указывает на иные объяснительные механизмы. Дж. Тернер считает, что меньшинство может оказать влияние только тогда, когда оно представляет собой часть группы и воспринимается остальными именно как часть ингруппы³⁶⁹. Если конфликт с меньшинством превращает внутригрупповое разногласие во внутригрупповой конфликт, то прямое влияние меньшинства уменьшается. Дж. Тернер пишет: «На самом деле социальный конфликт не усиливает, а ослабляет прямое влияние меньшинства»³⁷⁰. По Дж. Тернеру, усилению прямого влияния меньшинства способствует гибкость, а не жесткость, проявленная меньшинством; сплоченность меньшинства и большинства и их принадлежность к одной группе; пронормативная позиция меньшинства, проявляющаяся в согласии с большинством в отношении доминантных, значимых групповых норм.

По мнению Дж. Тернера, важным является то, как меньшинство позиционирует себя – как подгруппу, находящуюся вне группы и отличающуюся от нее по многим доминантным признакам, или как подгруппу, существующую внутри группы большинства, разделяющую с ней значимые нормы и ценности и воспринимающую группу как единое целое. Дж. Тернер, основываясь на выделенных уровнях самоидентичности, объясняет, каким образом подгруппа, не совпадающая с группой по показателям одного уровня, может быть включена в

³⁶⁸ *Немеет Ч. Уоттлер Д.* Креативное решение проблем в результате влияния меньшинства на большинство. //Пайнс Э., Маслач К. Практикум по социальной психологии. 2000

³⁶⁹ *Тернер Дж.* Социальное влияние. – СПб: Питер, 2003 – 256с.

³⁷⁰ Там же, С.236.

группу как ее часть с точки зрения другого, более высокого уровня. В условиях, когда проводятся межгрупповые сравнения, несогласное меньшинство может расцениваться как непохожее на личность и категоризоваться как девиантное меньшинство, тем самым минимизируется его влияние. В более широком контексте, при внутригрупповых сравнениях, то же самое меньшинство (несогласное) может позиционироваться как часть группы, разделяющая основные взгляды и ценности. Дж. Тернер считает (и мы полностью разделяем его точку зрения), что косвенное влияние меньшинства значительно эффективнее, чем прямое. Оно отражает сдвиг от внутригруппового к межгрупповому контексту, в результате чего входящие в состав меньшинства личности определяются как члены группы в более широкой ситуации, т.е. в контексте рассмотрения фундаментальных ценностей.

Интересной представляется и концепция А.Дж.Тойнби, разработанная им для объяснения цивилизационных процессов³⁷¹. Он считает, что история любой цивилизации представляет собой последовательность актов вызова-и-ответа. Всякий раз вызов («стимул природы», «стимул удара», «стимул давления», «стимул социального ущемления») побуждает общество к совершенствованию, а нахождение адекватного ответа означает его подъем на более высокую ступень. И наоборот, отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию, следовательно, неспособность общества найти адекватный ответ на сделанный ему вызов вызывает кризис и ставит под угрозу его дальнейшее существование. А.Дж. Тойнби всех членов цивилизованного общества разделяет на две части: творческое меньшинство и инертное большинство. Именно творческое меньшинство – пророки, полководцы, политики, мыслители – «вдыхает в социальную систему новую жизнь», «рост цивилизаций – дело рук ... творческих меньшинств, ... нетворческое большинство будет находиться позади, пока первооткрыватели не подтянут арьергарды до своего уровня»³⁷². Наличие сильной творческой личности – фактор, необходимый и достаточный лишь для зарождения мутации. Для развития же мутационного процесса в обществе нужно побудить инертное большинство следовать за активным меньшинством. А это требует усилий не только со стороны творцов, но и со стороны нетворческой массы, которая должна стать готовой к восприятию вводимых ими новаций. А.Дж. Тойнби считает, что взаимодействие творческого меньшинства с инертным большинством развивается по трехэтапной схеме, которую он называет «Уход-и-Возврат». На первом этапе творческое меньшинство удаляется из повседневной жизни общества. Уход может быть выражен в упорном нежелании меньшинства выполнять обязанности, введенные большинством. Вторая стадия – относительная изоляция от большинства, время их духовного преображения и напряженных творческих поисков ответа на вызов, брошенный обществу, к которому они принадлежат. Третья стадия – возвращение творческого меньшинства в обычную жизнь общества, от которой «был совершен уход ради акта творения». Они ставят нетворческое большинство перед выбором: или принять

³⁷¹ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М, 2002.

³⁷² Там же, С.268.

предлагаемое ими решение проблемы, или же довольствоваться беспомощным ожиданием последствий нерешенных проблем. А большинство взывает к ним и идет за ними, если они сумели придать своим идеям приемлемую и понятную для него форму.

Использование конструкта «Ингрупповой Другой» снимает оппозицию «Мы» – «Они» и указывает на возможность анализа группы «Вы», которая включает авторитетных и статусных людей, вызывающих интерес и уважение, но при этом разделяющих иные взгляды, мнения, установки. «Вы» находится за ингрупповыми границами, но в то же время «Вы» не включено в аутгруппу, поскольку основной характеристикой взаимодействия «Мы» – «Вы» является не противоречие, а взаимное притяжение. В этом формате интеракция с «Другим» выступает результатом диалога, процесса достижения или не достижения понимания и согласия, которые основываются на поэтапном согласовании (либо рассогласовании) познавательных, ценностных, смысловых, поведенческих, коммуникативных программ партнеров. Диалог как форма интеракции «Мы» и «Вы» расширяет феноменологическое поле опыта взаимодействующих субъектов и позволяет представителям обеих групп не только осознать, что их собственное существование является не единственно возможным, но и проявить выраженный интерес к знаниям, нормам, обычаям и опыту Других, испытывая при этом чувства равенства, уважения или даже иногда, возможной гордости за Другого. Необходимо добавить, что продуктивный диалог связан с позитивным самоотношением каждой из сторон, на что справедливо указывает Е.Б. Старовойтенко³⁷³. Диалог способствует осознанию взаимных прав и моральных обязательств, продуцирует солидарность, имеющую внутреннюю связь со справедливостью³⁷⁴.

На наш взгляд, в современном глобальном, многополярном и нестабильном мире группе «Вы» должно быть уделено особое внимание. Именно с помощью этой группы необходимо модифицировать характер интеракций между большими группами (например, этническими, религиозными) и обществами, в целом, сменив известную дихотомию «Мы – Они», основанную на прямом противопоставлении и неизбежном конфликте между ними, на дуальную симметричную пару «Мы – Вы». Отношения внутри этой диады также связаны с самоопределением, являющимся важнейшим условием включения в сеть социальных отношений и интеракций, но при этом эти отношения предполагают априорное равноправие сторон, устойчивое уважение друг к другу, признание различий и толерантность к ним, что, в целом, обуславливает возможность полилогических и полифонических коммуникаций и интеракций.

Репрезентация взаимодействия «Я - аутгрупповой Другой» является также не однородной по составу и включает в себя различные виды: «Я - недифференцированные другие», не имеющие непосредственных контактов с ингруппой, но предполагающие интеракции с отдельной личностью; «Я - чужие», представляющие опасность и угрозу ингруппе и «Я - не свои», где «не

³⁷³ Старовойтенко Е.Б. Рефлексия личности в культуре // Мир психологии, 2007. №4

³⁷⁴ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб, 2000. - С.90-92.

свои» – это те, кто владеет различными видами капиталов, ресурсов, и связаны с ингруппой отношениями конкуренции и соперничества.

«Недифференцированные они» состоят из незнакомых, неперсонифицированных, «не имеющих лица» людей. «Другой» — это и «всякий», «прочий», «иной», с которыми индивид связан институционально³⁷⁵. Взаимодействие с такими другими возможно в пределах интересубъектных границ, однако интеракции с обезличенными Другими происходят, как правило, на ритуальном уровне межличностной коммуникации и не оставляют заметного следа в интересубъективном пространстве личности. Вместе с тем недифференцированные другие» – это самая многочисленная группа. Г.У.Солдатова отмечает, что это значительная часть населения Земли, которые существуют вместе с нами, являясь нашими современниками, но они не имеют к нам непосредственного отношения, тогда как наше отношение к ним может складываться либо на основе равнодушия, либо отстраненного нейтрального интереса, либо естественного любопытства, соединенного с чувством некоторого опасения³⁷⁶.

Мы подчеркиваем важность, значимость и необходимость существования этой группы, связанной с публичной стороной жизни человека, которая в отличие от приватной сферы предполагает коммуникации и интеракции различных непохожих друг на друга людей. Мы присоединяемся к точке зрения Р. Сеннета, согласно которой именно благодаря публичной сфере возможно существование общества, в котором люди уважают и понимают интересы, взгляды и ценности других, признают их право быть другими, обеспечивая тем самым демократические свободы и социальный порядок³⁷⁷. Публичное пространство – это пространство чужаков и незнакомцев, и, находясь в неперсонифицированной среде, человек должен вызвать доверие своим поведением в нерегламентированной ситуации. Именно в этих условиях вырабатываются, перенимаются, принимаются, имитируются поведенческие паттерны и модели, которые одобряются большинством людей, и маркируются как правильные с точки зрения общества.

Подгруппа «Чужие» предполагает существование аутгруппы, которая актуализирует у субъекта опасения, страхи или, наоборот, агрессивные аттитюды и враждебные установки и обязательно как-то соотносится с ингруппой. Некоторые из этих групп достаточно легко различаются по формальным признакам принадлежности, другие категоризируются на основе случайных или минимально значимых различий. Существенно то, что чем менее очевидными будут эти различия, тем более строгие критерии групповой дифференциации необходимы, для того, чтобы сделать эти различия рельефнее и заметнее. Предпочтительным вариантом группового взаимодействия является доминирование своей группы над подчиненной «Чужой» как более слабой, неполноценной, разделяющей «неправильные» ценности (с точки зрения ингруппы), демонстрирующей «неправильные» поведенческие паттерны и непонятные обычаи и нравы. Отметим,

³⁷⁵ Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. - С.108.

³⁷⁶ Солдатова Г.У., Макаrchук А.В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М, Генезис, 2006. 256с.

³⁷⁷ Сеннет Р. Падение публичного человека. М, 2003. - С. 24.

что логической коннотацией понятия «чужой» во многих культурах выступают такие характеристики как опасный, плохой, вражеский. В словаре русского языка В. Даль определяет «чужого» следующим образом: «Чужой — не нашей земли, не из нашего дома, не родня, не нашей семьи, незнаемый, незнакомый, сторонний»³⁷⁸. Приведенные негативные дефиниции фиксируют смысловую связь «своего» с доступным, понятным, близким и находящимся во владении человека, а «чужого» — с недоступным, непонятым, незнакомым и неконтролируемым. Однако необходимо согласиться с Б. Вальденфельсом, что если ограничиться только этими негативными определениями, то «не существовало бы непосредственной формы опыта чужого»³⁷⁹. Чужой может не маркироваться как опасный и угрожающий, а вызывать либо равнодушие, либо интерес и любопытство, укрепляя самоидентичность на основе признаков отличия, через сравнение с теми, кем «Я» не является. В данном случае содержательное наполнение образа Чужого зависит от ситуационного контекста, от целей взаимодействия, территориальной локализации, статуса Чужого, владения им экономическим, культурным или социальным капиталами, величины угрозы ингруппе и показателей, задающих разные параметры социальной дистанции.

Основными дифференцирующими принципами различия «своих» и «чужих» являются принцип социального сравнения и принцип неравенства, предполагающий априорную доминантность ингруппы. В крайнем варианте подгруппа «Чужие» трансформируется в подгруппу «Враги», представленную образами конкретных людей, воплощающих весь негативный спектр качеств и характеристик; обезличенных и неперсонифицированных масс, мирное сосуществование с которыми невозможно и морально порочно; или абстрактной сущностью, представляющей реальную, потенциальную или виртуальную угрозу существованию ингруппы. В этой связи С.Л. Франкл пишет: «Разрушительная, извращенная сторона «человеческой природы», которую мы подавляем в самих себе, сохраняет свое влияние в жизни «других», делая их тем самым не только низшими по отношению к «нам», но и опасными для нас, для нашей культуры, расы, религии и т.д.»³⁸⁰.

Согласимся с П.Бурдые, что идентификация «свой – чужой» актуальна не только по отношению к этнической или религиозной группам (что достаточно подробно изучено в современной социальной психологии: Б.С. Алишев, В. Каган, А.М.Лобок, Н.М. Лебедева, А.В.Макарчук, Л.Г. Почебут, Т.Г. Стефаненко, Г.У. Солдатова), но и на уровне повседневных практик локальных социально-культурных сообществ³⁸¹.

Анализируя причины происхождения и значимости для личности переживания «Они», Поршнева Б.П. считает, что у детей существует очень четкое различие «своих» и «чужих», причем при достаточно размытом дифференцирующем критерии активно включается комплекс специфических поведенческих

³⁷⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Рус. яз., 1991. - С. 613.

³⁷⁹ Цит. по Н.А.Завершинская Опозиция «своего» и «чужого» в современной культуре//Вестник Новгородского государственного университета, 2004. №27. - С.42.

³⁸⁰ Франкл С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии М., 1998. – 256с.

³⁸¹ Бурдые П. Практический смысл М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

реакций. Граница между своими и чужими построена у детей на случайных основаниях, что обусловлено невозможностью различения ребенком многих элементов картины мира. По мере освоения предметного и социального мира и обучения самому принципу различения граница оформляется более четко и осознанно. В дальнейшем дифференциация оппозиции «Мы» и «Они» основывается, главным образом, на стереотипах – социальных установках, сформированных и усвоенных в процессе социализации. Именно стереотипы позволяют по немногим решающим критериям распознавать своих и чужих, экономя время и личностные ресурсы; акцентируя и проясняя существенные различия между группами; а также объясняя поведение по отношению к другим группам, часто выходящее за рамки этических норм, действующих относительно своих.

Говоря о роли и функции стереотипов, важным представляется объяснение, предложенное еще У. Липпманом: «Системы стереотипов могут быть ядром наших личных традиций, защитой нашего положения в обществе... Это гарантия нашего самоуважения. Это проекция на мир нашего собственного чувства, наших собственных ценностей, нашей собственной позиции и наших собственных прав. Поэтому стереотипы в высшей степени заряжены теми чувствами, с которыми они связаны»³⁸².

В.С. Агеев подчеркивает, что «стереотипизация выполняет объективно полезную функцию, поскольку грубость, упрощенность, схематизм являются оборотной стороной медали, неизбежные «издержки» таких необходимых для психической регуляции человеческой деятельности процессов как селекция, ограничение, стабилизация, категоризация»³⁸³.

Н.М. Лебедева³⁸⁴ отмечает следующие основные характеристики стереотипов, влияющие на коммуникативное поведение:

- 1) стереотипирование представляет собой результат когнитивного «отклонения», вызванного иллюзией связи между групповым членством и психологическими характеристиками;
- 2) стереотипы влияют на отбор и на способ прохождения информации по коммуникативным сетям;
- 3) стереотипы вызывают ожидания определенного поведения от других, и индивиды невольно пытаются им соответствовать;
- 4) стереотипы порождают предсказания, склонные подтверждаться, поскольку люди невольно «отбирают» модели поведения других людей, согласованные со стереотипами.

При этом детерминанты и функции социально-психологической оппозиции «Мы – Они», а также механизмы распознавания «своих» и «чужих» по-разному определяются в различных психологических теориях. Так, в рамках психоаналитической парадигмы основной функцией подобного противопоставления является поддержание сплоченности и стабильности группы. З. Фрейд описывает механизм формирования враждебности к «чужим» и привязанности

³⁸² Цит. по Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М. Академический проект, 1999.

³⁸³ Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.

³⁸⁴ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс культурную психологию. М., 1999.

к «своим» через «Эдипов комплекс», связанный с амбивалентностью ранних эмоциональных отношений в семье, которая переносится на социальное взаимодействие. Любовь к отцу в детском возрасте трансформируется на уровне социума в идентификацию с лидером группы, а также с членами группы, имеющими аналогичную идентификацию, в результате чего враждебность переносится на аутгруппу. По З. Фрейду, ингрупповая идентификация и аутгрупповая враждебность представляют собой две взаимозависимые и неизбежные детерминанты социального взаимодействия³⁸⁵.

В контексте этого же подхода Т. Адорно, признавая доминантную значимость раннего детского опыта взаимодействия с родителями, считает, что генерализованные чувства неприязни и недоверия к «аутгруппам», такие как, например, предубеждения против расовых и религиозных меньшинств, вытекают из проекции подавленных враждебных чувств, имеющих своим источником ранний детский опыт воздействия родительской власти. В этом случае дискредитация аутгруппы по сравнению с ингруппой выполняет функцию сохранения индивидуального Эго или поддержания самооценки³⁸⁶.

Э. Фромм также переносит индивидуально-психологические характеристики индивида (нарциссизм, садизм, некрофилия, инцестуальное влечение) на социальные группы и считает, что именно они в сочетании с социально-экономическими и социально-политическими условиями определяют деструктивную агрессию в межгрупповых отношениях. Он пишет: «Многие читатели могут спросить, можно ли применять для психологического изучения целых групп открытия, полученные при наблюдении индивидов. Мы ответим на этот вопрос подчеркнутым «да». Любая группа состоит из индивидов, и только из индивидов; таким образом, психологические механизмы, действующие в группе, могут быть лишь теми же, что действуют в индивидах». По Э. Фромму, групповой нарциссизм описывает форму коллективного сознания, воспринимающего как реальность только свои идеи и ценности, все остальное маркируется как нереальное, странное, непонятное³⁸⁷. Э. Фромм считает, что нарциссизм можно и нужно побеждать, так как «цель человека – преодоление его нарциссизма», и «лишь тот, кто преодолел свой нарциссизм и может сказать: «Я есть ты», способен любить пришельца и врага». Кроме традиционного гуманизма и научного критицизма, в качестве средства избежать вредных последствий нарциссизма предлагается принципиально его переориентировать: «Если предметом группового нарциссизма станет человечество, вся человеческая семья, а не отдельный народ, отдельная раса или отдельная политическая система, вероятно, можно многого достичь»³⁸⁸.

Следовательно, в формате психоаналитического направления детерминанты противопоставления «Мы – Они» полностью локализованы в пространстве индивидуально-психологических особенностей и связаны как с защитными механизмами личности (проекция, вытеснение, замещение и т.д.), так и с отдель-

³⁸⁵ Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // По ту сторону принципа удовольствия. М, 1992.

³⁸⁶ Адорно Т. Эстетическая теория. Перевод с нем. М: Республика, 2001.- 526с.

³⁸⁷ Фромм Э. Душа человека. М: Республика, 1992.

³⁸⁸ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М: АСТ, 2006. – 640с.

ными личностными диспозициями, которые актуализируются внутри социально-экономического, социально-политического или ситуационно – специфического контекстов.

По мнению Д.А.Леонтьева, которое мы полностью разделяем, вряд ли можно назвать хотя бы одну большую нацию, которой не был бы свойственен нарциссизм в той или иной степени, в частности, он полагает, что групповой нарциссизм характерный для российского менталитета, может быть обозначен как «соборный нарциссизм»³⁸⁹.

В рамках когнитивного направления Л. Фестингер акцентирует внимание на значимости социального сравнения, полагая, что любой человек предпочитает взаимодействовать с похожими на него людьми, объединяться с ними в группы, сотрудничать или соперничать с ними. Все это делается для того, чтобы иметь возможность сравнивать себя с окружающими и получать стабильные, корректные и точные данные о себе. В гипотезе родственных признаков предполагается, что любой человек может сравнивать себя с теми, чьи способности или суждения либо аналогичны его собственным, либо отличаются от них, при наличии общих основополагающих признаков, которые имеют отношение к оцениваемым суждению и способностям, или обладают прогностичностью по отношению к ним. Г. Тэджфел и Дж. Тернер углубляют этот тезис, добавляя, что при определенных обстоятельствах сравнение с очень непохожими людьми становится весьма важным для самооценки, т.е. бывают моменты, когда человеку необходимо сравнивать себя с людьми, которые не похожи на него, и не только оценивать себя с точки зрения этой «непохожести», но и поддерживать ее³⁹⁰.

Таким образом, наличие аутгруппы необходимо, во-первых, для того, чтобы отделиться, обособиться, отгородиться от иного, непохожего, непонятного и выстроить защиты, а, во-вторых, для того, чтобы сконструировать собственную идентичность на основе признаков отличия, через сравнение с теми, кем личность не является. По аналогии с ингрупповым Другим мы вводим еще одно понятие «аутгрупповой Другой» как представитель «чужой группы», которому атрибутируются стереотипные черты данной малой группы.

Для понимания системы личностных репрезентаций «Я – аутгрупповой Другой» необходим ответ на вопрос о том, что выступает в качестве критериев для дифференциации этих репрезентаций.

Для начала выделим гипотетически возможные аутгруппы, различающиеся по территориальной локализации, по статусу, по владению экономическим, культурным или социальным капиталом, по величине угрозы ингруппе и показателям, задающим разные параметры социальной дистанции: гендерные группы; возрастные группы; конкурирующие группы; стигматизированные группы; высокостатусные группы; криминальные группы; чужие этнокультурные группы; маргинальные группы. Некоторые из этих групп достаточно очевидно различаются по формальным признакам принадлежности, другие катего-

³⁸⁹ Леонтьев Д.А. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии, 2009. №5. - С.8.

³⁹⁰ Тернер Дж. Социальное влияние. СПб: Питер, 2003. - С.48.

ризуются на основе случайных или минимально значимых различий. При этом, чем менее безусловными являются эти различия, тем более строгие критерии групповой дифференциации необходимы, для того, чтобы сделать их более рельефными и заметными.

Обратим внимание на то, что личностные репрезентации «Я – ингрупповой Другой» и «Я – аутгрупповой Другой» могут характеризоваться сходными понятиями, принадлежащими одному и тому же семантическому полю. Различие заключается в том, что репрезентации «Я – аутгрупповой Другой», как правило, имеют негативную валентность. Как было показано в исследованиях, проведенных под руководством В.А. Ядова, конструирование представлений о группе Мы из множества Они происходит следующим образом: сначала выделяются свойства с противоположным значением и из этих свойств интегрируется образ Мы. Это не столько процесс конструирования образа, сколько процесс реконструирования, предполагающий перенос замеченных у Других свойств и осознание их отсутствия у себя. Предложенная схема показывает, что антонимы – это не просто понятия с прямым противоположным смыслом, а понятия, принадлежащие к различным социальным сферам, отражающие специфическую оптику респондентов. Принципиально важным является то, что антонимическое реконструирование ингрупповых и аутгрупповых репрезентаций обнаруживает реальные и потенциальные зоны социального напряжения. В.А. Ядов указывает, что субъект выделяет для себя какой-либо признак важный для него в данное время и в данных обстоятельствах, и по этому признаку соотносит себя с «Мы» и противопоставляет своим «не своих»³⁹¹.

В рамках этого же проекта О.А. Оберемко и А.Н. Пасько³⁹² разрабатывают классификацию конструкторов групповой идентичности, предлагая гипотетическую модель, позволяющую не только получить представление о категоризации субъектами социального пространства, сформулировать некоторые объективные категории, которые чаще всего используются, но и обозначить различные стратегии конструирования Мы-Они пространства. Авторы полагают, что стратегии групповых идентификаций выявляют способы конструирования жизненного мира нашими современниками. Более того А.Н. Пасько были разработаны идентификационные профили и сценарии Мы-Они противопоставлений. На основе диспозиционной концепции личности выделены идентификационные уровни классификации: (1) первичный, семейный; (2) контактный; (3) социо-структурный; (4) ценностно-нормативный, идеологический. Показано, что идентификационные уровни образуют не только классификационную, но интерпретативную модель для систематического описания идентификационного пространства Мы - они.

В отечественной традиции одним из первых на эти механизмы указал Б.Ф. Поршнев. Описывая закономерности происхождения такого феномена, как этническое самосознание, он выделяет в качестве одного из основных его ком-

³⁹¹ Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и обществ (1999–2002 гг.): Мастер-класс проф. В.А. Ядова. Учебное пособие. М.: Аспект пресс. 2004.

³⁹² *Оберемко О.А., Пасько А.Н.* Классификация конструкторов социальной идентичности //Социология; методология, методы, математические модели, 2004. №18. - С.17-44.

понентов противопоставление, отмечая, что «этническое самосознание одной общности и ее представление о другой общности выступают как производные от ... наличия между ними рубежа... всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет; мера противопоставления есть мера объединения»³⁹³. «Первым актом социальной психологии надо считать появление в голове индивида представления о «них». Только ощущение, что есть «они», рождает желание самоопределиться по отношению к «ним», обособиться от «них» в качестве «мы»... Именно противопоставление своей общности другой всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым – скреплению общности»³⁹⁴.

Таким образом, личностные репрезентации взаимодействия «Я и Другой» – «Я – ингрупповой Другой» и «Я – аутгрупповой Другой» указывают, что личность, разделяя «бытие с Другими», дифференцирует и категоризирует их как отдельных, автономных или коллективных субъектов на основе сформированных и интернализованных критериев.

На интересубъектной границе феноменологический смысл получают визуальные, слуховые, тактильно-кинестетические очевидности присутствия Других, которые имеют тело, устанавливающее и очерчивающее границы «Я – Другой», они наделены сознанием, демонстрируют самобытный рисунок поведения и чаще всего персонифицированы. Способом постижения «Другого» выступает пространственно-временная аппрезентация (Э.Гуссерль), представляющая собой отражение фигуры «Другого» на основе доминантного взгляда личности, особенностей социальных взаимоотношений и межличностных интеракций. «Другой» оказывается видимой границей, маркирующей права обладания и указывающей на возможность существования множества суверенных интрапсихических миров.

Кроме того, «Другой» представляет собой необходимое условие существования социального мира, именно благодаря ему личность не только осмысливает и конструирует социальную реальность, но и проблематизирует себя, постигая свою самость и расширяя горизонты самопознания. Отношения с «Другим» дают возможность проникнуть в личность «Другого» и через него в себя, помогают «изымать меня из меня самого»³⁹⁵, «вышелушивать Другого и себя из скорлупы отчуждения, снимать с моего и его Я социальную маску»³⁹⁶. Желание постичь «Другого» сопровождается расширением собственного сознания и рефлексией своего существования за пределами себя самого. При этом статус личности не меняется: она живет с другими и для других, но ее «Я» не растворяется в «Ты» или «Мы», а, наоборот, самость обнаруживает себя перед Другим и для Другого; самость определяет субъекта, способного обозначать себя как автора и как актора собственной жизни. Взаимодействуя с «Другим», личность становится более открытой для самого себя: «Я становлюсь Я, соотнося себя с

³⁹³ Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. М., 1973. - С.12-14.

³⁹⁴ Там же, С.12.

³⁹⁵ Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб, 1998.- С.165

³⁹⁶ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М, 1979.

Ты»³⁹⁷, при этом «Ты» маркируется как вариант «Я». Можно испытывать весь спектр эмоциональных отношений к Другому – от любви, уважения и симпатии до вражды, презрения и ненависти, однако даже в своей чуждости и враждебности, в оппозиции «Я» и «Другого» существует своеобразная солидарность в использовании мира и констатация единства «Я» и «Другого».

3.3. Роль личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» в преодолении субъектом последствий травматического стресса

Перед тем как выявить роль личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», локализованных в интерсубъективном пространстве личности, в преодолении субъектом последствий травматического стресса, дадим определение понятию травматический стресс, детерминанты, динамика и последствия которого достаточно подробно изучены в отечественной и зарубежной психологии (Зеленова М.Е., Знаков В.В., Китаев-Смык Л.А., Колодзин Б., Лазебная Е.О., Левин П., Магомед-Эминов М.Ш., Решетников М.М., Тарабрина Н.В., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Черепанова Е.Ю., Вихристюк О.В., Миллер Л.В., Орлова Е.В., Лескина Е.А., Van der Kolk et al).

Травматический стресс является специфической разновидностью психологического (точнее психического) стресса высокой интенсивности, представляя собой сложное и полифункциональное неравновесное психическое состояние личности. Он детерминирован травматической ситуацией, перегружающей адаптационные резервы личности, и сопровождается сильными переживаниями страха, ужаса и беспомощности. Переживания травматического стресса связаны с напряжением аффективной сферы личности, трансформацией ее мотивационно-потребностной подструктуры, перестройкой ценностно-смысловой сферы, разрушением привычной картины мира, ослаблением адаптивной, регулятивной функций и нарушением привычных способов межличностных взаимодействий и взаимоотношений.

Нам близка идея П. Левина о том, что психическая травма образуется как результат незавершенной реакции организма на сильный стрессор, изначально подготавливающей его к сопротивлению, борьбе, бегству³⁹⁸. Он считает, что такие разнопорядковые показатели, индикаторы травматического стресса как беспомощность, страх, тревога, депрессия, соматические жалобы, возникают вследствие остаточной энергии, которая была мобилизована организмом в травматической ситуации, и не была израсходована им по ряду причин. По его мнению, для того, чтобы совладать с травматическим переживанием, личности необходимо завершить травматическую ситуацию, разрядить оставшуюся энергию и восстановить нарушенные процессы. П. Левин обосновывает тезис о том, что у каждой личности есть природная способность восстановления после

³⁹⁷ Бубер М. Два образа веры. М, 1995. - С.21

³⁹⁸ Селье. Г. Стресс без дистресса <http://www.syntone.ru/library/books/content/3213.html>

травмы и возвращения к нормальному функционированию³⁹⁹, в связи с этим он полагает, что ключом к исцелению травмы является телесно-ощушаемое личностью переживание, работа с которым приводит к внутреннему преобразованию личности и восстановлению ее целостности. Он рассматривает травму не как фатальный жизненный приговор, а как экзистенциальный вызов жизни и способу существования личности, как экзистенциальную данность, которую личности необходимо принять, пережить, переработать и трансформировать. Эти идеи созвучны отечественным разработкам в области изучения процессов саморегуляции личности⁴⁰⁰.

Нам импонирует точка зрения М.Ш. Магомед-Эминова, согласно которой предлагается рассматривать совладание личностью с экстремальной стрессовой ситуацией как ее смысловую работу, направленную на производство и присвоение опыта бытия в «со-бытии» с Другим⁴⁰¹. М.Ш. Магомед-Эминов, выдвигая эту идею и доказывая ее, полагает, что смысловая работа происходит в единстве ретроспективной, актуальной и проспективной форм. Более того, он считает, что феномен экстремальности имеет не только негативный аспект, связанный с расстройством, страданием и дистрессом, но и позитивный аспект, имеющий отношение к стойкости, мужеству и посттравматическому росту личности⁴⁰².

Травматическое событие часто описывается как такое, которое выступает своеобразным маркером, представляющим разрыв на жизненном пути личности, и рассматривается как точка бифуркации развития или регрессии личности. Какой будет траектория движения личности после травматического события, зависит от многих факторов, среди которых межличностные отношения и взаимодействия с реальными или виртуальными Другими занимают не последнее место.

Мы полагаем, что именно оптимизация межличностных отношений и взаимодействий через согласование личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» способствует позитивной динамике процесса совладания личностью с травматической ситуацией. В связи с этим восстановление, а иногда и выстраивание заново интересубъектных и интрасубъектных границ интересубъективного пространства личности будет находиться в центре нашего аналитического интереса. При этом смещение акцента на роль Другого/Других в преодолении личностью последствий травматического стресса и снижении интенсивности травматического переживания не умаляет важность и не минимизирует значимость интрапсихических (индивидуально-психологических, личност-

³⁹⁹ Левин П., Фредерик Э. Пробуждение тигра—исцеление травмы. Природная способность трансформировать экстремальные переживания / Пер. с англ. Науч. ред. Е.С. Мазур. — М: АСТ, 2007. - 316с.

⁴⁰⁰ Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М:ИП РАН, 2003; *Марицук В.Л., Евдокимов В.И.* Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. СПб: Сентябрь, 2001; *Прокофьев Л.Е.* Основы психологической саморегуляции. СПб.: Лань, 2003; *Моросанова В.И.* Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010.

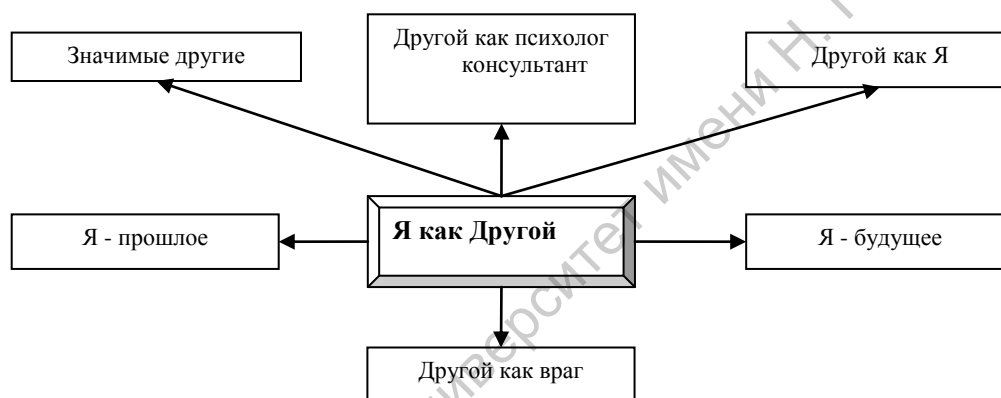
⁴⁰¹ Магомед-Эминов М.Ш. Триада расстройство, стойкость, рост как следствие экстремальной ситуации // *Акмеология*. 2009. №1. С.53-63.; Магомед-Эминов М.Ш. Феномен посттравматического роста // *Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки*. 2009. Вып. 3(71). - С.111-117.

⁴⁰² Магомед-Эминов М.Ш. Феномен посттравматического роста // *Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки*. 2009. Вып. 3(71). - С.111-117.

ных) факторов, а означает лишь сфокусированность исследовательской аналитики на фигуре Другого и на личностных репрезентациях взаимодействия «Я – Другой».

Мы предлагаем рассматривать интерсубъективное пространство личности, пережившей травматическую ситуацию, как пространство содержательно наполненное различными личностными репрезентациями взаимодействия «Я – Другой», главными из которых являются следующие: саморепрезентации – «Я – Я сам как Другой», «Я – Я прошлое», «Я – Я будущее»; репрезентации взаимодействия личности с Другим – «Я – значимые Другие», «Я – Другой с аналогичным опытом (Другой как Я)», «Я – Другой как психолог-консультант», «Я – Другой как враг».

Графически интерсубъективное пространство личности, переживающей травматический стресс, представлено на рис.3.3.

Рис.3.3. Интерсубъективное пространство личности, переживающей травматический стресс.

Рассмотрим и проанализируем каждую из выделенных личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой».

Личностная репрезентация «Я – Я сам как Другой» связана с внутренними монологами личности с собой, при этом «Я» существует в трех разных и субъективно различных временных модусах: «Я прошлое», «Я актуальное», «Я будущее». Заметим, что контекст травматичности ситуации задает и своеобразие автокоммуникации. Под воздействием травматического события у личности меняется не только картина внешнего мира, но и существенно трансформируется ее внутренний интрапсихический мир, ценности, смыслы и установки. Происходят изменения в когнитивных моделях, которые на субъективном уровне находят свое отражение в рефлексии личностной измененности, в особенностях оценки пережитого травматического события как индивидуального жизненного опыта, а также в изменениях представлений личности о психологической перспективе и о себе самом в будущем (иногда такая перспектива просто отсутствует).

Одним из механизмов, обеспечивающих снижение интенсивности травматического стресса и переработке его последствий, является механизм психологической защиты. Защиты способствуют рефигурации травматического опыта и рассматриваются как совокупность действий, направленных на уменьшение или устранение любого изменения, угрожающего целостности и устойчивости личности⁴⁰³.

Что касается определенного нами формата саморепрезентаций «Я прошлое» – «Я как Другой» – «Я будущее», то, как справедливо было отмечено известными психологами, существует некая критическая точка рассогласования между «Я актуальное», «Я прошлое» и «Я будущее», достижение которой приводит к социально-психологической дезадаптации (К. Хорни), к нарушениям личности (К. Роджерс), к низкому уровню самоактуализации (А. Маслоу) и даже к психическим расстройствам (Т. Хиггинс).

Репрезентация «Я – значимый Другой» предполагает наличие как репрезентаций взаимодействия с ближайшим окружением (семья, друзья, близкие люди), так и с авторитетными профессионалами (врачи, психологи, психотерапевты). Коротко проанализируем их содержание.

Особое место в интересубъективном пространстве травмированной личности занимают личностные репрезентации взаимодействия с близкими, значимыми Другими. При этом стоит обратить внимание на то, что они также испытывают стрессовое состояние, которое можно обозначить как «сопереживающее присутствие» (П. Левин). Само наличие и доступность поддерживающих Других выступает важным фактором в преодолении или, наоборот, фасилитации последствий травматического стресса. В свое время К.Г. Юнг подчеркивал важность разделения личностью любого опыта с другими людьми, полагая, что при отсутствии подобного разделения он образует эмоционально заряженные комплексы — источники психической патологии личности⁴⁰⁴.

Применительно к процессу горевания это неоднократно отмечалось в литературе: например, Дж. Боулби замечает, что члены семьи, друзья и другие люди играют основную роль, либо, помогая процессу горевания, либо препятствуя ему; К. Паркес также подчеркивает важность социальной поддержки близких и опасность изоляции людей, переживающих утрату; М. Кляйн описывает в формате объектных отношений роль «хорошего объекта» в процессе зрелого горевания, акцентируя внимание на том, что разрешение регрессии на параноидно-шизоидную позицию, которая характеризует горевание, в некоторой степени зависит от интернализации личностью опыта поддержки и любви со стороны внешних по отношению к ней объектов. Эта интернализация «хорошего» объекта смягчает примитивную агрессию и облегчает движение личности с начала к депрессивной позиции, а затем дальше, к успешному разрешению личностью процесса горевания. М. Кляйн отмечает: «...если у скорбящего есть люди, которые разделяют его горе, и если он может принять их сочувствие, то поддерживается гармония его внутреннего мира, страхи и дистресс проходят

⁴⁰³ Лаплани Ж., Понталис Ж. Словарь по психоанализу. М, 1996.

⁴⁰⁴ Юнг К.Г. Персона — 2 // В сб.: «Психология самосознания», Самара, 2000- С. 543-564

быстрее»⁴⁰⁵. Дж. Хэгман, обобщая накопленный зарубежный опыт, выделяет несколько ключевых ролей, которые выполняет Другой в горевании: 1) обеспечение базовых жизненных потребностей личности; 2) проявление любви, эмпатии и понимания к другой личности; 3) принятие и/или разделение с нею аффекта.

Еще одним важным аспектом роли близких Других в процессе совладания личностью с утратной ситуацией являются ритуалы – «медленное прощание» (М. Циполетти)⁴⁰⁶, призванные с помощью зафиксированных в культуре способов, завершить внешнюю коммуникацию с ушедшим, способствовать его переводу во внутреннее пространство личности, восстановлению прежнего уклада жизни личности и обретению ею жизненной перспективы, несмотря на разрушенный, но способный рефигурироваться ее внутренний интрапсихический мир.

В посттравматический период можно выделить следующие функции близких и значимых Других по отношению травмированной личности:

1. коммуникативная функция, включающая в себя организацию активного диалога с личностью, пережившей травматическое событие. Реализация этой функции приводит личность к осмыслению и пониманию случившегося через артикуляцию, проговаривание важных аспектов травматического переживания. Именно близким людям позволено задавать неудобные вопросы, выражать сомнение, комментировать ситуацию, давать оценку действиям других участников травматического события, да и просто взаимодействовать с личностью тогда, когда она находится в состоянии «психического онемения» (Бэйкер и др.). При этом валентность и аффективная насыщенность личностных репрезентаций «Я – значимый Другой» могут варьировать от крайне негативных до безусловно позитивных;

2. аффективная функция, связанная с поощрением выражения субъектом травматического опыта различных чувств. Д. Фурман говорит о том, что «иногда... трудности в выражении аффекта происходят просто из-за отсутствия кого-либо, кто разделял бы чувства или на кого они могли бы быть выплеснуты»⁴⁰⁷. Важным моментом здесь является «переживание созвучного отклика» (Дж. Хэгман), разделение аффекта с близким Другими, их эмоциональная вовлеченность и откликаемость на травматические переживания личности, эмпатия, позволяющие присоединиться к травмированной личности, и дать почувствовать ей внешнюю опору в мире, который стал опасным, враждебным и разрушительным для нее. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что близкие Другие должны соблюдать определенную меру, степень проявления сочувствия по отношению к травмированной личности, поскольку избыточное выражение чувств близкими Другими иногда представляет такую же опасность для нее, как и их полное отсутствие. В это время основная задача, которую решают близкие Другие, заключается в том, чтобы проявления их искреннего сочувст-

⁴⁰⁵ Цит. по Хэгман Дж. Роль Другого в горевании // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. №3.

⁴⁰⁶ Цит. по Хааз Э. Ритуалы прощания: антропологические и психоаналитические аспекты работы с чувством утраты // Московский психотерапевтический журнал, 1999. №3-4.

⁴⁰⁷ Цит. по Хэгман Дж. Роль Другого в горевании // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. №3.

вия к личности не трансформировались в жалость к ней, коннотативно связанную с обесцениванием личности, и не актуализировали у субъекта травматического переживания еще и чувство вины за доставленные близким Другим чрезмерные эмоциональные потрясения⁴⁰⁸;

3. регулирующая функция касается, прежде всего, организации близкими Другими контекста заботы и безопасности для травмированной личности. Известно, что регрессия в результате психопатологии или травмы может актуализировать архаические состояния, вызывающие повышенную потребность личности в помогающем отклике окружения. Личность испытывает острую потребность не только в эмоциональном соучастии и понимании близких и значимых Других, но и просто в их физическом участии. Именно близкие и значимые Другие способны решить в этот момент сложные и трудные задачи, на некоторое время взять на себя процесс принятия какого-либо решения и ответственность за их последствия, создав тем самым для травмированной личности фон безопасности внутри контекста защищенности и заботы.

Следовательно, личностные репрезентации «Я – значимые Другие» занимают в интерсубъективном пространстве травмированной личности важное и существенное место. Наличие и валентность этих личностных репрезентаций, связанных с эмпатической вовлеченностью значимых Других в межличностную коммуникацию или с их дистанцированием от субъекта травматического переживания, ослабляет или усиливает последствия травматического стресса, формирует или разрушает субъективно переживаемый контекст заботы и безопасности.

Еще одной личностной репрезентацией «Я – значимый Другой» может быть репрезентация, возникшая на основе коммуникации травмированной личности с профессионалом-психотерапевтом, психологом-консультантом – «Я – психолог-консультант».

Профессиональная коммуникация с личностью, пережившей травматический стресс, проходит поэтапно и основывается на целом ряде принципов. Мы не будем подробно останавливаться на динамических характеристиках психологического консультирования (они достаточно полно описаны в контексте разных подходов⁴⁰⁹), отметим лишь три важных, на наш взгляд, момента.

Первый связан с тем, что у личностей, переживших ту или иную травматическую ситуацию, очень часто не возникает запроса на психотерапевтическую коммуникацию иногда просто из-за отсутствия подобного опыта взаимодействия, а иногда из-за дефицита соответствующего знания. Безусловно, после травматического события личность активизирует весь имеющийся арсенал психологических защит, которые могут способствовать рефигурации ее травматического переживания, о чем мы говорили выше. Однако, необходима интенсификация просветительской работы как самих психологов-консультантов («информационная терапия»), так и представителей средств массовой информации

⁴⁰⁸ Дембо Т, Левитон Г., Райт Б. Приспособление к несчастью – проблема социально-психологической реабилитации//Московский психотерапевтический журнал, 2003. №1.

⁴⁰⁹ Роджерс К. Консультирование и психотерапия: новейшие подходы в области практической работы. М: Психотерапия, 2006. -512с.; Гулина М. Терапевтическая и консультативная психология. СПб: Речь, 2001. -352с.

для освещения проблем психологической помощи людям, получившим психическую травму, об интересных и эффективных программах психологической поддержки и совладания с травматическим стрессом, при чем эта информация должна предназначаться не только для членов профессионального психологического сообщества, но и для широкого круга людей. Для консультативной работы наличие запроса является необходимым и важным условием, поскольку оно связано с определенным уровнем ответственности клиента, его интенцией взаимодействовать и готовностью к изменениям.

Второй момент касается значимости и своеобразия психологического консультирования в острый период, которое должно иметь место в кратчайшие сроки после актуализации травматического стресса, опираться, на наш взгляд, главным образом, на телесно-ориентированные техники, дифференцированно учитывать этиологию, содержание и специфику конкретной травматической ситуации. Известно, что в острый период необходимо работать, в первую очередь, с травматическими симптомами, а не с содержанием травматического переживания личности, ведь именно директивные и не директивные техники соматической терапии позволяют это делать достаточно эффективно⁴¹⁰. Все последующие этапы консультативной работы, как правило, связываются с проработкой содержательной составляющей травматического переживания личности, его экзистенциальным, ценностно-смысловым уровнем, и могут быть пролонгированы во времени.

Что касается алгоритма организации экстренной психологической помощи на первом этапе (в острый период), то перечислим основную секвенцию шагов:

- 1) выстроить соответствующие консультативные отношения, которые отличаются от любых других социальных интеракций, позволяют клиенту приобрести уникальный опыт и характеризуются а) принятием клиента как личности; б) предоставлением ему достаточной свободы в выражении чувств; в) отсутствием любых морализаторских суждений со стороны консультанта; г) контролем консультанта над собственной идентификацией; д) соблюдением определенного модуса общения и ответственных ролей между клиентом и консультантом, при выполнении которых устанавливаемая аффективная связь имеет определенные четко выраженные и установленные границы;

- 2) сформулировать цели консультативного взаимодействия таким образом, чтобы создать у субъекта травматического опыта позитивные «точки роста» и обозначить вероятностную положительную динамику его психических состояний;

- 3) усилить веру в реальные возможности преодоления субъектом последствий травматической ситуации, в том числе подчеркиванием собственной профессиональной уверенности и компетентности при взаимодействии с ним;

---

⁴¹⁰ *Иванченко С.Н.* Соматическая терапия травмы при работе с пострадавшими в чрезвычайных ситуациях //Московский психотерапевтический журнал, 2003. №1.

4) провести одновременный поиск травматических и ресурсных зон травмированной личности с опорой на механизм компенсации, т.е. на имеющиеся у субъекта возможности, его потенциальные ресурсы и сохранившиеся внутренние резервы;

5) найти доступ к незавершенным действиям и реакциям травмированной личности, прерванным отношениям, которые были заблокированы, зафиксированы, остановлены во время травмы и, соответственно попытаться совместно завершить их.

Третий момент имеет отношение к так называемым терапевт-факторам и клиент-факторам. К первым относится уровень профессиональной подготовленности, компетентности и опытности психолога-консультанта, уровень его личной и социальной ответственности, делегированной ему тем социальным институтом, который он представляет, правовые ограничения и инструкции. Клиент-факторы включают в себя глубину поражения личностных структур субъекта травматического переживания, степень жесткости рельефов его психологических защит, силу его «Я» и других внутренних ресурсов, уровень соматизации симптомов, их природу и консультативную цель клиента⁴¹¹.

В этой связи нам видится необходимым сказать о принципах, на которых основывается интеракция психолога-консультанта и личности, пережившей травматическое событие, которые в основном повторяют, главные этические принципы психодиагностического исследования: принцип личной ответственности психолога-консультанта, наличие специальной подготовки и аттестации у лиц, занимающихся консультативной или психодиагностической деятельностью; принцип охраны прав и интересов личности, предполагающий то, что психолог должен предвидеть и оценивать возможные негативные последствия своей работы для дальнейшей траектории социального развития личности и не допускать их; принцип конфиденциальности и принцип осведомленного согласия личности, переживающей последствия травматического стресса.

Еще одной личностной репрезентацией взаимодействия травмированной личности с Другим является репрезентация «Я – Другой с аналогичным опытом (Другой как Я)», которая отражает процесс взаимодействия личности с другими людьми, имеющими подобный опыт. Существует достаточно много свидетельств того, что личности, пережившие сходную травматическую ситуацию, охотно консолидируются в формальные или неформальные сообщества, демонстрируя тем самым амбивалентную поведенческую стратегию. Содержание этой стратегии заключается в том, что она включает в себя, с одной стороны, желание травмированной личности отделиться от большинства людей, обособиться и изолироваться от них, а, с другой стороны, ее стремление объединиться с другими, имеющими аналогичный травматический опыт и выделиться в особую группу, обладающую по сравнению с другими иными знаниями и специфическим опытом.

---

⁴¹¹ Цит. по Гулиной М. Терапевтическая и консультативная психология. СПб: Речь, 2001. - С.38

На наш взгляд, желание травмированной личности отгородиться от людей связано со страхом непринятия другими, с потерей личностью статуса равноправного члена группы, со своеобразной «стигматизацией несчастьем» и с переводом личностей, переживающих травматическую ситуацию, в разряд жертв, по отношению к которым действуют иные эмоциональные и этические групповые стандарты. Обособление и объединение с «такими же, как Я» помогает личности пережить последствия травматической ситуации, разделив тяжесть эмоциональных потрясений и ее смысловую невыносимость с людьми, обладающими сходным травматическим опытом.

Кроме того, в этом случае Другие становятся своего рода «зеркалами», в которых субъект травматического опыта видит глубину своих проблем, значимость собственных потерь, серьезность ценностно-смысловых разрывов и необходимость жизненной транзигции, находясь в своеобразной позиции наблюдателя, которая позволяет снизить интенсивность субъективного травматического переживания, сместить аффективный фокус с собственной травмы на подобное переживание другой личности, посмотреть на свой травматичный опыт глазами «Другого» и тем самым (хотя бы на время) покинуть зону всепоглощающего страдания.

Травматический стресс, активизируя атрибутивные процессы личности, способствует тому, что субъект травматического переживания начинает объяснять причины произошедшего с ним через поиск того, кто является реальным или воображаемым источником и причиной случившегося травматического события, в результате в интерсубъективном пространстве личности формируется личностная репрезентация взаимодействия «Я – Другой как враг».

В качестве врага могут выступать конкретные персонифицированные Другие – террористы, преступники и маньяки, генерализованные, обезличенные Другие – врачи, правительство или даже целые этносы, в редких случаях источником травматического события личность начинает считать себя. Личностная репрезентация взаимодействия «Я – Другой как враг» становится доминирующим императивом поведения, генерирует деструктивные личностные тенденции, вызывая подозрительность, агрессивность, враждебность личности и актуализируя специфический архетип, запечатленный в глубинах коллективного бессознательного и представленный в сознании личности образом врага. Наличие личностной репрезентации «Я – Другой как враг» связано с актуализацией интенсивных негативных эмоциональных состояний (страх, отвращение, ненависть) и фиксированных агрессивных интенций. Личностная репрезентация взаимодействия «Я – Другой как враг» обуславливает напряженное монологическое общение, внутренние деструкции, нарушение саморегуляции и адаптации личности.

Таким образом, анализ интерсубъективного пространства личности, пережившей травматический стресс, выявляет наличие в этом пространстве различных личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой», которые способствуют преодолению последствий травматического стресса, либо фасилицирует их.

Переживание личностью травматической ситуации приводит к рассогласованию системы личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Соответственно, гармонизация интересубъективного пространства травмированной личности может способствовать снижению интенсивности переживаний травматического стресса, изменению характера его динамики и специфики последствий.

3.4. Роль личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» для понимания Другого, самопонимания и саморазвития личности

Жизнь человека связана с освоением, присвоением и осмыслением мира, в котором он живет. На наш взгляд, целью любой интеракции личности с миром является ее желание и попытка постичь себя, извлечь из самого себя пласты непознанного, воспользоваться имеющимися потенциалами и задействовать наличные ресурсы. Мы согласны с мнением И.И. Кального, что «человеку под силу переступить реальность сущего, спроектировать должное своего «я» и сделать попытку осуществить этот проект в процессе своей жизнедеятельности, заявив о себе как о субъекте и объекте, режиссере и актере, демиурге и творении»⁴¹². Следовательно, все сферы интеракций и коммуникаций личности так или иначе связаны с углублением, расширением и преобразованием ее интрапсихического мира. В этом ряду искусство занимает ключевую и исключительную позицию, поскольку вслед за С.А. Лишаевым можно констатировать, что «эстетический опыт есть феномен, который противостоит миру сделанного. Эстетическое как непроизвольное, как данное онтологично по самой своей природе. Эстетическое чувство напоминает о присутствии в жизни того, что просто есть, с чем нечего делать (с чем ничего не поделаешь), что нельзя использовать, но что важно своей самобытностью, своей неподдающейся симуляции реальностью»⁴¹³. Таким образом, искусство оказывается тем миром опыта личности, который существует не в координатах практической пользы и материальной выгоды, а в горизонтах развития и самосовершенствования, являясь той сферой, где удовлетворяется потребность личности в онтологических константах.

Мы считаем, что благодаря взаимодействию личности с художественной реальностью возникают многочисленные репрезентации взаимодействия личности с Другими в художественной реальности: с художником (мастером), с культурой, с самим собой через обращение к внутренней духовной жизни; с текстом как сложной самоорганизующейся системой и т.п.

Мы утверждаем, что с помощью искусства происходит постижение личностью Другого в структуре социального мира, результатом которого является амплификация собственного «Я» новыми смысловыми измерениями через на-

⁴¹² Кальной И.И. «Ното» и его духовное измерение // Тугариновские чтения. Материалы научной сессии. Серия «Мыслители», выпуск 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. - С.31.

⁴¹³ Лишаев С.А. Эстетика Другого. СПб: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. - С.6.

ложение и трансформацию различных культурных, ценностных, смысловых кодов автора, текста и реципиента.

Художественная реальность предполагает установление полилогических связей между субъектом эстетического воздействия и многочисленными Другими, репрезентированными в этом мире фигурами автора, исполнителя, персонажа, героя, аудитории и т.п., а также диалогических связей субъекта с самим собой, что способствует саморазвитию и постижению самого себя. Вступая в диалог с культурными артефактами, личность расширяет свое интерсубъективное пространство, наполняя его личностными репрезентациями взаимодействия «Я – Другой в художественной реальности». Диалог тесно связан с отношением с Другим, которое репрезентировано дуальными парами «Я – Ты», «Я – Мы», «Я – Они», «Я – Другой» и обуславливает ценностное отграничение и самоактуализацию личности. В формате искусства диалог превращается в полилог – в систему межличностных диалоговых отношений, поскольку одновременно взаимодействуют все субъекты художественного поля, для которых характерна некоторая асимметричность диалоговых позиций, связанная с горизонтами понимания и интенциональностью субъектов. При актуальном взаимодействии личности с культурными артефактами важны ее внутренняя активность, своеобразие ее оптики и заинтересованное отношение, т.к. в результате ее диалога с произведением искусства личность получит ответы только на поставленные ею самой вопросы, разрешая при этом межличностные проблемы и внутриличностные конфликты.

Следовательно, встреча с искусством рассматривается нами как качественно особый – творческий, креативный – способ взаимодействия личности с Другими и освоения ею мира, как пространство полилога, включающее систему межличностных диалоговых отношений, обладающее множеством различных функций. Необходимо обратить внимание на следующий факт: диалогичность как свойство искусства имеет как горизонтальный вектор, представленный диалогическими позициями автора, текста и реципиента в социо-культурном пространстве, так и вертикальную составляющую, образованную языком и культурой в целом. Ключевое отличие диалогичности искусства заключается в том, что она обусловлена совпадением и согласованностью интенций создающего произведение искусства и того, кто его воспринимает, стремлением к взаимопониманию и эмпатическому согласию при возможном когнитивном плюрализме.

Познание действительности в художественной реальности отличается качественным своеобразием, которое заключается в том, что взаимодействие личности с культурными артефактами приводит к порождению и пониманию «ответственного знания» (Ю.М. Лотман, М.М. Бахтин), «живого знания» (А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко), «мягкого знания» (В.Ф. Петренко), «целостного знания» (Г.Г. Шпет). Вводя такие характеристики, авторы акцентируют внимание на нравственно-этической стороне эстетического познания, говоря о социальной ответственности автора за транслируемое знание, предполагающей ориен-

тацию, прежде всего, на интересы людей и социума в целом, и личной ответственности реципиента за усвоенное и присвоенное знание.

Искусство не отражает действительность и не подражает ей, а трансформирует, модифицирует и сгущает смыслы, в результате чего происходит прямое усмотрение истины, не требующее доказательств. Вернее говорить не об истине, а о ценностях, и здесь мы согласны с В. Дильтеем, который считает, что использовать понятие *истина* в сфере гуманитарных наук некорректно, правильнее говорить о *ценностях*⁴¹⁴. Соответственно, в художественной реальности происходит непосредственное (прямое) постижение и формирование общечеловеческих ценностей, их интернализация и присвоение личностью.

Через искусство личность познает не столько субъект-объектные и субъект-субъектные отношения, сколько переопределяет внутреннюю смысловую систему координат и выстраивает пирамиду ценностей, обретая при этом устойчивые формы интеракции с предметным и социальным миром. Благодаря искусству личность раздвигает рамки повседневности, расширяет репертуар социальных ролей, осваивает различные иногда не сочетаемые в жизни поведенческие модели и стратегии, в целом, углубляя в себе меру понимания окружающего.

Если психологическая встреча с искусством произошла, то, как и любая эффективная встреча, она подразумевает наличие диалога: личность, взаимодействуя с культурным артефактом, автором, героем или персонажем, не столько эмоционально, сколько ценностно идентифицируется, и конструирует личностные смыслы в результате «перенимания – от - другого» того мира, в котором он живет. Безусловно, этот мир не присваивается полностью, не интериоризируется механически, но, нахождение в нем может способствовать трансформации или креативному реконструированию личностных смыслов и ценностных кодов субъектов эстетической деятельности.

На возможность приобретения новых форм поведения в отсутствии внешнего подкрепления, т.е. «научения через наблюдение», указывает А. Бандура в рамках социально-когнитивной теории. Он рассматривает процесс «научения через наблюдение» как активный критический и конструктивный процесс, при котором посредством вербальных и образных репрезентаций человек потребляет символические образы моделируемой действительности, производит и сохраняет опыт так, что он может служить ориентиром, прототипом для будущего соответствующего или несоответствующего поведения. Подчеркнем, именно ориентиром, поскольку воспринятые паттерны поведения могут видоизменяться и трансформироваться, а также «путем моделирования можно выстроить новое поведение»⁴¹⁵. При этом А.Бандура полагает, что приобретение самоэффективности может осуществляться любым из четырех способов (или их сочетанием): способности выстроить поведение, косвенного опыта, вербального убеждения и состояния эмоционального возбуждения. Из перечисленных пу-

⁴¹⁴ Дильтей В. Введение в науку о духе //Собр.соч. в 6 т. Т.1.М., 2000.

⁴¹⁵ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб: Питер, 1997. - С.380.

тей приобретения самоэффективности три последних имеют непосредственное отношение к обучающим воздействиям искусства.

Сконструированное личностью пространство отличается как от внутреннего пространства субъекта (чистой субъективности), так и от социального пространства его интеракций с обществом (корпоративности); оно представляет собой особое интересубъективное пространство личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Вступая в диалог, субъекты не только и не столько обмениваются информацией, действиями, знаниями, переживаниями, опытом, сколько оставляют друг на друге «следы» (Ж. Деррида).

Подлинно стать самим собой для личности означает преодолеть свою самодостаточность, выступить за свои пределы навстречу Другому, стать ответственным за свою судьбу, обрести подлинную свободу, т.е. возможность личностного выбора или отказа от него.

В мире искусства понимание Другого, Иного происходит с помощью приема «*отстранения*» (термин В.Б. Шкловского), делающего привычный предмет или объект странным, другим, не привычным, заставляющий воспринимающего человека задерживаться на нем, используя коммуникативную технику активного видения, а не простого стереотипного узнавания. Кроме того, одним из механизмов понимания Другого при взаимодействии с культурными артефактами является механизм деперсонализации (в мире искусства человек анонимен и получил свободу быть другим), своеобразного *отстранения* от себя, которое имеет место в относительно безопасной ситуации для самого субъекта эстетической деятельности. В этом контексте стоит обратить внимание еще на один важный момент, проблематизированный А.М. Пятигорским. Он пишет: «... Другой дан тебе в мышлении, только когда либо он уже стал тобой, перестав быть «другим», либо ты уже стал им, перестав быть собой, – две принципиально различные процедуры сознания»⁴¹⁶. В ситуации «встречи» с искусством происходит не простая редукция одного сознания к другому, а переопределение границы «Я – Другой», результатом которой является расширение интересубъективного пространства личности. В любом случае Другой обнаруживается в интересубъективном пространстве личности, причем «появление этого Другого обслуживает наиболее ответственные зоны мышления, — зоны трансцендентальности, в которых Я трансцендентально исполняется в неопределенном горизонте»⁴¹⁷. Вместе с тем, именно здесь существует вероятность освоения, принятия и присвоения личностью иных возможностей посредством овладения чужой ролью и органически связанных с нею действий.

На самом деле совершенно очевидно, что в результате появления личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой в художественной реальности» разрешаются личностные проблемы, внутренние конфликты личности, трансформируется ее смысловая пирамида, обогащается Я-концепция и изменяется идентичность, наполняясь новым смысловым и ценностным содержанием.

⁴¹⁶ Пятигорский А.М. Избранные труды. М, 2005. - С. 67.

⁴¹⁷ Гуссерль Э. Картезианские размышления. М: Наука. 2006. - С.212.

Через коммуникативные практики искусство раскрывает сущностные грани Другого, который вместе с тем предстает и как новая модель личной идентичности, расширяющая рефлексивное поле опыта личности. Интересно в этом контексте следующее высказывание Ф.Ницше: «Как эстетический феномен, наше существование все еще *сносно* для нас, и искусством даны нам глаза и руки и, прежде всего, чистая совесть для того, чтобы мы *смогли* из самих себя сотворить такой феномен. Нам следует время от времени отдыхать от самих себя, вглядываясь в себя извне и сверху, из артистической дали, смеясь *над* собою или плача *над* собою: мы должны открыть того *героя* и вместе того *дурня*, который притаился в нашей страсти к познанию; мы должны время от времени веселиться нашей глупости, дабы остаться веселыми и в нашей мудрости!»⁴¹⁸.

Напомним высказывание М.М. Бахтина, который полагал, что подлинное «Я» создается в точке несовпадения человека с самим собой. Именно в понятии всенаходимости, по его мнению, фиксируется механизм идентификации личности с Другим на основе ее отказа от самой себя, что позволяет узнать Другого *в его отличии* и самого себя *в своей дружости*⁴¹⁹.

В формате искусства Другой снимает ограниченность, фиксированность, упрощенность, уплощенность и предвзятость индивидуальной точки зрения, демонстрируя широкий репертуар возможностей и потенциальностей, т.е. с помощью искусства личность может выстраивать собственную жизнь через возможности, предоставленные Другими. Ж. Делез по этому поводу пишет: «Другой релятивирует незнание, невоспринимаемое, понуждая меня охватить то, что я не воспринимаю, как воспринимаемое для Другого»⁴²⁰. Аналогичную мысль высказывает М.М. Бахтин, подчеркивая значимость взгляда Другого на окружающий социальный и предметный мир, благодаря которому мир становится не фрагментарным, а завершенным и целостным⁴²¹.

Безусловно, возможен и иной итог переопределения границы взаимодействия «Я – Другой», в результате которого она (граница) выступает в виде предела, накладывающего ограничения, останавливающего преобразование себя, замыкающего личность в рамках непосредственного опыта и влияющего на качество ее жизни. В этом случае препятствиями для проницаемости этой границы могут стать культурная неграмотность личности, ее невежество, эмоциональная леность, отсутствие интереса и сниженная мотивация.

Еще одним вариантом переопределения границы «Я – Другой в художественной реальности» является вариант ее превращения в жесткий и непроницаемый барьер, при котором происходит трансформация Другого в Чужого, в Чуждого. Указанная трансформация актуализирует у личности чувство опасности, тревоги, возникают разного рода страхи или, наоборот, формируются агрессивные установки и враждебные установки, связанные с наличием ценност-

⁴¹⁸ Ницше Ф. Веселая наука ("la gaya scienza") Сочинения в двух томах. "Мысль", М, 1990, т. 1. - С. 580-581

⁴¹⁹ Бахтин М.М.: pro et contra. Личность и творчество М.М.Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Составитель К.Г.Исупов. СПб, 2001.- С.49

⁴²⁰ Делез Ж. Мишель Турнье и мир без другого //Делез Ж. Логика смысла.- М., 1998. - С. 398.

⁴²¹ Бахтин М.М.: pro et contra. Личность и творчество М.М.Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Составитель К.Г.Исупов. СПб, 2001. - С.16.

ных или смысловых отграничений, очерчиванием демаркационных линий, выстраиванием защитных фронтов.

Основатель социальной феноменологии А. Шюц констатировал множественность конечных областей значений (*finite provinces of meaning*⁴²²). В качестве сфер опыта он выделял мир сна, религии, искусства, мир повседневности, игры, научного теоретизирования, мир душевной болезни. По А. Шюцу, каждый из этих миров замкнут, и имеет жесткую границу, пересечение которой не просто предполагает наличие определенного усилия, но и требует своеобразного смыслового скачка. Один и тот же факт или объект в разных мирах опыта имеет различные коннотативные значения, но внутри каждой сферы опыта они образуют целостную, замкнутую конфигурацию. Пребывание в том или ином мире опыта подразумевает определенный поведенческий сценарий и характерный рисунок действия.

Аналогичную мысль высказывает Й. Хейзинга, анализируя пространство игры: «Арена, игровой стол, магический шар, храм, сцена, киноэкран, судебное присутствие – все они, по форме и функции ... отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освещенные территории, где имеют сами свои особые правила. Это временные миры внутри мира обычного, предназначенные для выполнения некоего замкнутого в себе действия»⁴²³. Учитывая современные реалии, можно выделить еще один уникальный мир опыта – виртуальный мир, порождаемый новейшими компьютерными технологиями, в котором отсутствуют или могут отсутствовать прототипы, а реальность конструируется по индивидуальному запросу с самым широким выбором возможных вариантов.

Каждый из выделенных миров опыта имеет различный статус, при этом мир повседневности можно рассматривать как базовый мир, поскольку повседневность «выступает в качестве естественной реальности, и мы готовы отказаться от отношения, которое характерно для нее, только если особый шоковый опыт прорывается через структуру значений повседневности и заставляет нас переносить предикат реальности на другую конечную область значений»⁴²⁴. Как справедливо отмечают Е.Г. Дьякова и А.Д. Трахтенберг, «все остальные конечные области значений когнитивно соотносятся с повседневностью по принципу дополнительности – в них тематизируется то, что никогда не тематизируется в повседневности и снимается ряд ее онтологических ограничений»⁴²⁵.

Л.Г. Ионин полагает, что, «рассуждая о конечных областях значений, мы не затрагиваем вопрос об объективном существовании фактов и явлений в данных областях. И у нас есть полное право на это. В этом и состоит специфика феноменологического подхода. Ведь речь идет не о том, что объективно, а что не объективно; и в одном, и другом, и в третьем, и в пятом случае мы имеем де-

⁴²² Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Составитель А.Я. Алхасов. – М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 336с.

⁴²³ Хейзинга Й. *Ludens Homo*. Статьи по истории культуры. М, Прогресс-Традиция, 1997. - С. 28.

⁴²⁴ Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. - С.87.

⁴²⁵ Там же, С.88.

ло со сферами *опыта*. А все, что нам известно о мире, мы знаем из нашего опыта»⁴²⁶.

Идея конструирования другой реальности с помощью искусства является сквозной в высказывании В.Б. Шкловского: «Искусство – это способ обнажения, обновления действительности. Оно строит свою действительность рядом с действительностью мира, оно ближе к исходу, чем тень к тому предмету, который загораживает от солнца кусок земли. Искусство строит способы познания, снимает шум, превращая его в речь, годную для сообщения»⁴²⁷. Дискурс тени, имеющий истоки в античности, всегда связывался с транзицией, переходом, пересечением границы, отделяющей реальное от воображаемого, действительное от мнимого, рациональное от чувственного, иррационального, типичное от инакового, свое от чужого. Пересечение границы – это процесс трансформации ценностей, смыслов, установок, идентификаций. Именно искусство выполняет на этой границе функцию своеобразного медиатора.

Таким образом, с помощью искусства личность умножает мир, расширяя повседневность, приобретает опыт и познает действительность в ее многообразии. По мнению Ю.М. Лотмана: «Искусство даёт прохождение непройденных дорог, т.е. того, что не случилось...»⁴²⁸. Искусство предъявляет личности многоликость, веерность и многозначность жизненных ситуаций, предлагает широкий диапазон и разнообразный спектр паттернов и моделей поведения в них, включает в рамки дозволенного опыта недозволенное, расширяет вариативность эмоциональных и когнитивных реакций по шкале: невероятное, невозможное, допустимое, возможное и реальное. С точки зрения О.А. Кривцуна, в мире искусства «действует психический механизм, который обозначают как феномен допущения, заставляющий смотреть на вымышленное как реальное, на заблуждение как действительный факт»⁴²⁹.

Во многом солидаризируясь с упомянутыми выше исследователями, хотелось бы обратить внимание на относительную замкнутость мира или поля искусства. Трудно не согласиться с идеями П. Бурдьё, согласно которым художественное поле, безусловно, наделено собственными законами функционирования, но одновременно с этим оно не имеет абсолютной независимости от внешних законов⁴³⁰. Мир искусства обладает некоторой автономией, определяемой специфическими действиями акторов, в нем существуют собственные механизмы влияния и власти, аутентичное понимание символического капитала, но при этом он подчиняется тем или иным закономерностям, обусловленным взаимодействиями с другими мирами.

Возможность анализа искусства в контексте обретения и расширения опыта косвенно показана в исследованиях, проведенных социологами Государственного института искусствознания совместно с Академией образования, в

⁴²⁶ Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М: «Логос», 2000. 324с.

⁴²⁷ Шкловский В.Б. О теории прозы. М, 1983. - С.196.

⁴²⁸ Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб: Искусство-СПБ, 1998.- С.432.

⁴²⁹ Кривцун О.А. Эстетика М: Аспект Пресс, 2000. - С.353.

⁴³⁰ Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Ин-та социологии РАН. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2001. - С. 112—114.

которых была представлена типология публики: проблемно ориентированный зритель; нравственно ориентированный зритель; гедонистически ориентированный зритель; эстетически ориентированный зритель. О.А. Кривцун справедливо отмечает, что «выявленные группы отличаются по характеру изначальных художественных установок, определяющих их потребность в искусстве», что «произведение искусства дает реально каждому столько, сколько человек способен от него взять», что «произведение искусства всегда отвечает на те вопросы, которые ему зададут»⁴³¹. При этом для нас важным является то, что именно нахождение внутри художественной реальности способствует обретению личностью некоторого опыта, специфика которого определяется выбранным маршрутом движения, а именно познавательной, нравственной, гедонистической или эстетической траекторией.

Мы утверждаем, что с помощью искусства происходит постижение «Другого» в структуре социального мира, результатом которого является обогащение собственного Я новыми смысловыми измерениями.

Как известно, Я-концепция личности включает оценки, мнения и установки, принятые по отношению к ней, других людей. Личность становится тем, кем она является, благодаря направляющим, контролирующим и регулирующим воздействиям, прежде всего, значимых других. Одним из фундаментальных механизмов первичной социализации является механизм эмоциональной идентификации, благодаря которому имеет место усвоение и интернализация правил, норм и конвенций мира значимых других, выступающего не как один из возможных миров, а как единственно существующий. На этой фазе социализации идентификация личности с Другими осуществляются автоматически, поскольку общество предоставляет (навязывает) значимых других на безальтернативной основе, т.е. при полном отсутствии выбора.

Вторичная социализация (а искусство мы рассматриваем как ее институт) также предполагает присутствие и воздействие Другого в качестве своего агента. При этом роль Другого остается доминирующей, поскольку «Другой» субъектно включен в со-бытие, в построение целостного, но потенциально не завершенного, ценностно значимого мира. Как справедливо отмечает В.Г.Аникина, именно Другой является источник самопознания, предполагающий «выход за пределы эгоистического состояния самоудовлетворенности»⁴³².

Как известно, вторичная социализация личности может осуществляться без эмоциональной идентификации и эффективно протекать лишь на уровне взаимной идентификации, лежащей в основе любой межличностной коммуникации. Если психологическая ситуация встречи личности с искусством произошла, то она, взаимодействуя с культурным артефактом, с автором («другом» в терминологии В.Е.Семенова), героем или персонажем, не столько эмоционально, сколько ценностно идентифицируется, и конструирует личностные смыслы в результате «перенимания - от-другого» того мира, в котором он жи-

⁴³¹ Кривцун О.А. Эстетика. М: Аспект Пресс, 2000. - С.358.

⁴³² Аникина В.Г. «Другой» как рефлексивная позиция в самопознании человека //Личность и бытие: субъектный подход. М: Институт психологии РАН, 2008. - С.233-236.

вет. Безусловно, этот мир не присваивается личностью полностью, не интериоризуется механически, но, нахождение в нем может способствовать трансформации или креативному реконструированию личностных смыслов и ценностных кодов субъектов эстетической деятельности. А.А. Потебня пишет: «Искусство есть язык художника, и как посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить в нем его собственную, так нельзя ее сообщить и в произведении искусства; поэтому содержание этого последнего (когда оно окончено) развивается уже не в художнике, а в понимающих»⁴³³.

Попадая в мир искусства, личность активна, она открыта новому опыту, что предполагает отсутствие жестких, фиксированных схем восприятия и анализа, а также проницаемость в понятиях, представлениях и толерантность к неопределенности. Субъект освобождается от власти необходимого, целесообразного, стереотипного и трансформируется в своеобразного путешественника, готового и желающего узнать иную реальность, способного понять и постичь в этой реальности Другого. Как и любому путешественнику, личности, оказавшейся в мире искусства, интересно все – культурный ландшафт, смысловые трудности, табуированные препятствия, метафорические опасности и символические приключения. Как и с любым путешественником с ним охотно делятся информацией, он здесь желанный гость, которого пригласили, однако за ним остается выбор длительности пребывания в этом мире.

Опираясь на идеи И. Канта, уже У. Джеймс в конце XIX века высказал предположение о том, что глобальное человеческое Я разделяется на «познающее Я» и «эмпирическое Я». Позднее идея неоднородности и множественности Я была развита З. Фрейдом, Э. Берном, А. Маслоу, Дж.Г. Мидом, К. Роджерсом, Ч. Кули, М. Розенбергом и др. Мы согласны с М.В. Ивановым, что в контексте искусства достаточно провести одну границу между высшими и более низкими слоями личности, выделив «Я биографическое» и «Я ценностное»⁴³⁴.

«Я биографическое» существует в мире повседневности, частью повседневного опыта является переживание объективного существования предметов и явлений, т.е. телесно-предметное переживание реальности. Напряженно функционируя в режиме «здесь-и-сейчас», «Я биографическое» удовлетворяет не только основные потребности, но и обеспечивает тождественность личности. Каждый раз, принимая решение в постоянно меняющейся конкретной ситуации, «Я биографическое» осуществляет проверочную деятельность на свою неизменность как в телесном, так и в психических аспектах, при этом эта работа происходит в условиях ограниченного времени и абсолютизации своего образа жизни, собственного поведенческого стиля, уникальных сформированных образов «Я» и мира. Естественно, что ведущую роль в этом случае играют повседневные автоматизмы, устойчивые поведенческие паттерны, системы стереотипов, которые способствуют созданию такой непротиворечивой картины мира, которая бы отвечала личностным установкам и ожиданиям. «Я биографиче-

⁴³³ Потебня А.А. Слово и миф. М, 1989. - С.167.

⁴³⁴ Иванов М.В. Психологический смысл искусства. Комментарий к «Психологии искусства» В.М. Аллахвердова. СПб: ДНК, 2001. - С.103-156.

ское» пытается игнорировать чуждое и непонятное, актуализируя для этого весь арсенал защитных механизмов. При этом, чем значительнее информация о рассогласовании планов и результатов, чем сильнее когнитивный диссонанс, тем интенсивнее и разнообразнее репертуар психологических защит личности. Следовательно, все, что было ранее негативно маркировано «Я биографическим», продолжает отвергаться, поскольку опасно экспериментировать в напряженной и трудной ситуации.

«Я ценностное», существуя в иных мирах опыта – в мире искусства, религии, науки – опирается на универсальные программы логики, справедливости, красоты, познавательной достоверности. С помощью «Я ценностного» «Я биографическое» получает возможность увидеть проблему, осмыслить ее, функционируя не в экстремальном, а обычном режиме: не в связи с ужасно сложившимися личными биографическими обстоятельствами, а в ситуации лишь смысловой невыносимости. Следовательно, у личности появляется возможность перепроверки собственного позитивного или негативного опыта, формируется способность к принятию многозначности и неопределенности мира, а также толерантность к неоднозначным ситуациям, что, в свою очередь, ведет к расширению диапазона поведенческих реакций личности и ее изменению. Результатом работы «Я ценностного» можно считать повышение психологической компетентности личности, расширение границ интерсубъективного пространства и постижение себя.

Через искусство личность имеет возможность

- получить иной взгляд на свой индивидуальный, а потому узкий опыт, лишив его однозначности, всеобщности и диктата свершившегося;
- реинтерпретировать или изменить способ репрезентации мира и Другого в этом мире;
- изменить идентичность в процессе усвоения и присвоения произведений искусства и конструирования личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой»;
- повысить психологическую компетентность;
- реконструировать социальный мир, т.к. с помощью искусства происходит трансляция социальной группой разного рода моделей (поведенческих, интерпретационных, смысловых) отражающих строение социального мира.

Искусство представляет собой динамический процесс создания – освоения художественных ценностей, в котором присутствует художник, часто сам не осознающий до конца полноты смысла своего творения, а также социум, состоящий из самых разных людей (агентов). И вся эта сложная конструкция погружена в поток времени, меняющий социокультурный и психологические контексты восприятия самих художественных ценностей, потому что в разные эпохи востребуются, актуализируются какие-то прежде латентные пласты художественной культуры и создаются новые произведения, меняющие иерархию ценностей в соответствующем виде искусства, а также общие оценки художественной ситуации. Концентрируя в себе эстетико-культурные характеристики, искусство своеобразным образом формирует, конструирует, а иногда транс-

формирует картины мира различных личностей через личностные репрезентации взаимодействия «Я – Другой». По существу этот процесс является собой социокультурное моделирование, в ходе которого и художник, и реципиент непосредственно участвуют в построении совместной картины мира.

Таким образом, теоретическая рефлексия искусства как мира опыта позволяет показать, что с помощью искусства происходит постижение личностью Другого и узнавание себя в различных социальных дискурсах. Через коммуникативные практики искусство раскрывает сущностные грани Другого, расширяет смысловые горизонты рефлексивного поля опыта личности и конструирует новую модель личной идентичности. Психологическая ситуация встречи с искусством и коммуникация с Другим обеспечивают личности непротиворечивый перевод значений и смыслов из пространства Другого в пространство своего, обогащая собственную личность новыми смысловыми и ценностными измерениями.

Приобретая опыт, расширяя собственное интересующее пространство, личность выходит за пределы упорядоченного и духовно обжитого мира, совершая своеобразный духовный экскурс, состоящий в развертывании (экспликации) бытия как такового навстречу миру и Другим в этом мире. А.Ф. Лосев пишет: «На основе феноменологического, герменевтического, онтологического, религиозного опыта искусство усложняет и модифицирует первично ощущаемое им бытие, сгущает его, желая его оформить и преобразовать»⁴³⁵.

Каждое произведение искусства может рассматриваться как интенциональный объект, конституируемый сознанием, причем этот объект является интересующим, поскольку существует на перекрестке опыта автора и реципиента. Значит, произведение искусства нельзя отнести ни к миру материальных вещей, ни к миру субъективных переживаний, для него характерно некое идеально-реальное бытие, которое конструируется совместными усилиями автора и слушателя/зрителя/читателя.

Психологическая встреча с искусством рассматривается нами как психологическая ситуация, разворачивающаяся во времени и в пространстве и характеризующаяся различной степенью включенности личности в интеракцию с культурным объектом. Мы хотим остановиться на динамических этапах этого взаимодействия, для дифференциации стадий которого обратимся к схеме, предложенной А.В. Запорожцем⁴³⁶. Изучая поведенческую динамику детей-дошкольников в театре, он показал, что формирование эстетического чувства схематично выглядит следующим образом: *соприсутствие, сочувствие, сопереживание, соучастие, сопричастность, сомыслие*. Он считал, что процессы эстетического восприятия у взрослого человека имеют аналогичные стадии, справедливо полагая при этом, что некоторые из них носят свернутый, сокращенный, внутренний характер. А.В. Запорожец сосредоточил свой исследовательский интерес на разработке психологических основ действия и, в частности, содействия - внутренней формы движения, в содержание которой входят

⁴³⁵ Лосев А.Ф. Форма. Стил. Выражение. М., 1995. - С.301.

⁴³⁶ Запорожец А. В. Избранные психологические труды: В 2-х т. М, 1986.

образ ситуации и алгоритм возможных действий, реализуемых личностью в тех или иных конкретных обстоятельствах. Мы, в свою очередь, хотим содержательно наполнить и дополнить выделенные стадии динамического взаимодействия и доказать, что психологическая встреча личности с произведением искусства сопряжена с самопознанием, саморазвитием и амплификацией «Я» субъекта новыми смысловыми и ценностными измерениями.

Представим эту схему графически на рис.3.4. Смоделируем своеобразный маршрут движения «Я» в экзистенциально-культурной сфере intersubъективного пространства личности, содержательно наполненного личностными репрезентациями взаимодействия «Я – Другой в художественной реальности».

Рис.3.4. Траектория движения Я в intersubъективном пространстве, образованном личностными репрезентациями «Я – Другой в художественной реальности».

Соприсутствие предполагает совместное нахождение в той или иной точке пространства и времени, которое может отличаться различной степенью добровольности или принудительности, но в случае взаимодействия личности с культурным артефактом всегда (или почти всегда) пространственно-временной контакт связан с посещением определенных мест и фиксированных территорий (театр, музей, концертный зал), где существуют свои особые правила. Для того, чтобы встреча с искусством действительно произошла, личность, попадая на эти «обособленные, выгороженные, освещенные территории»⁴³⁷, должна определить для себя эту психологическую ситуацию как ситуацию встречи именно с произведением искусства и в русле этого организовывать, воспринимать, типизировать и наделять эту «встречу» определенным социальным значением и личностным смыслом. На этом этапе происходит наложение трех локальных хронотопов: 1) ситуации присутствия «здесь и сейчас», 2) ретроспективной ситуации «там и тогда», связанной с мотивационно-потребностной сферой и прошлым (как правило, позитивным) опытом взаимодействия личности с искусством, 3) антиципацией будущей ситуации и экспектацией либо новой, необычной, интересной коммуникации, либо «оживление следов» ранее воспринятого, пережитого, присвоенного. Стоит заметить, что intersubъективное про-

⁴³⁷ Хейзинга Й. Ludens Homo. Статьи по истории культуры. М, 1997. - С.28.

странство личности еще не наполнено новыми личностными репрезентациями «Я – Другой в художественной реальности», поскольку активное взаимодействие личности с произведением искусства еще не произошло.

Граница пространства взаимодействия может быть представлена как своеобразная рамка – фрейм, открывающая иное пространство и одновременно препятствующая проникновению в него. Наличие рамки повышает значимость того, что в нее заключено, и придает ему знаковость, т.е. отграниченное пространство превращается в значимое (значительное) и означающее пространство. Эта трансформация предполагает знание определенных кодов – эмоциональных, культурных, жанровых, символических, стилистических, с помощью которых нейтральное пространство переводится в означающее. Безусловно, траектория движения в этом пространстве будет определяться культурной компетентностью личности и зависеть как от самого субъекта, его отношения к искусству, модуса реагирования на него (эксперт, профессионал, потребитель, наивный наблюдатель), так и от особенностей самого произведения искусства.

Нам видится значимым и аналитически очень важным отметить, что иногда граница между миром искусства и интересубъектной границей интересубъективным пространством личности может быть, к сожалению, жесткой и непреодолимой. Тогда коннотативным значением понятия «граница» будет являться понятие «предел», накладывающее ограничения, замедляющее преобразование личностью себя, замыкающее ее в рамках непосредственного опыта и влияющее на качество ее жизни, а препятствиями для проницаемости этих границ могут выступать культурная неграмотность, невежество, отсутствие интереса и сниженная мотивация личности.

Проницаемость границы предполагает разнообразный репертуар способов перехода через нее, самым простым и доступным из которых является эмоциональное реагирование личности, позволяющее выделять свое из общего, аффективная включенность личности, выступающая проводником между совокупностью общих значений и областью личностных смыслов. Диапазон эмоциональных проявлений личности весьма разнообразен – от наслаждения, полученного в результате ее интеракции с эстетическим объектом, или удовольствия от процесса культурного потребления, высвобождения собственных эмоций, катарсиса до эмоций страха, ужаса, растерянности, отвращения, своеобразного «антикатарсиса»⁴³⁸. Мы полагаем, что, говоря об эмоциональном реагировании личности при ее взаимодействии с культурными артефактами важна не столько модальность эмоции, сколько ее интенсивность, амбивалентность и парадоксальность, позволяющие почувствовать амплитуду полярностей, благодаря чему происходит не столько эмоциональная разрядка, сколько «эмоциональный взрыв», приводящий к иной конфигурации личностного опыта, к постижению непостижимого, а также к преобразованию ценностных рядов и перестройке смыслов, поскольку «умные эмоции искусства» способны создавать на своей территории особые смыслы и свой говорящий язык (Л.С. Выготский).

---

⁴³⁸ Семенов В.Е. Искусство как межличностная коммуникация. СПб, 1995.

На этой стадии важны и необходимы не только эмоциональные, но и коммуникативные (языковые и внеязыковые) коды. Личность, эмоционально включенная в процесс интеракции с произведениями искусства, вступает в субъект-субъектное отношение с ним как «вещью-в-открытости», т.е. в такую стадию взаимодействия, когда «оно из неорганического конструкта превращается в некий анимистический живой организм, наделенный рядом душевных и духовных свойств»⁴³⁹.

Мы коснулись вопроса, связанного с индивидуальным уровнем анализа эмоциональных проявлений личности в процессе ее интеракции с искусством, однако, не стоит забывать о важности и значимости межличностного уровня анализа, имеющего отношение к эмоциональному заражению, социальным оценкам и межличностному подкреплению, а также группового, межгруппового и культурного уровней анализа эмоциональных проявлений⁴⁴⁰. Так, например, коммуникативная теория эмоций, активно разрабатываемая в современной зарубежной психологии, постулирует, что эмоции, определяя конфигурацию когнитивной системы и выбор способов действия, должны рассматриваться как автокоммуникация или коммуникация, эмпатическая координация с другими людьми⁴⁴¹. Согласно этой теории, положения которой во многом созвучны нашей точке зрения, эмоция представляет собой невербальное сообщение, а процессы ее опознание и распознавание выступают в качестве своеобразных личностных умений, которые тренируются и вырабатываются, благодаря в том числе и искусству.

При описании происходящего на этой стадии очень важным является переход от эмоционального реагирования личности на ситуацию встречи с искусством сначала к сочувствию – актуализации собственных состояний по поводу чувств Другого, репрезентированного в мире искусства различными фигурами, а затем к сопереживанию – переживанию личностью тех же состояний, что и Другой. Психологическими механизмами, обеспечивающими эти переходы, могут быть механизмы идентификации, эмпатии, принятия роли, децентрации (эмоциональной и интеллектуальной). Стоит обратить внимание на то, что аффективно-коммуникативное и аффективно-регулятивное измерения связаны с отрефлексированным качеством художественного образа, который наделяется личностью рациональными структурами, способными трансформировать характер чувственности: «Отныне рефлексия зрителя будет работать внутри построения художественного образа во всех его статусах»⁴⁴².

Следующим этапом является этап сомнения, сущность которого мы хотим раскрыть через семантику этого понятия. Согласно словарям В.И. Даля и Д.Н. Ушакова, сомнение означает неуверенность личности в чем-либо, «колебание мыслей», подозрение и опасение, «шаткое недоумение», «думать на

⁴³⁹ *Копцева Н.П.* Зритель // Автор и зритель: эстетические проблемы восприятия и творчества. СПб, 2006.

⁴⁴⁰ *Приходько А.И.* Проблема эмоций в зарубежной социальной психологии // Вопросы психологии, 2009. №1. - С. 141-152.

⁴⁴¹ *Oatley K.* Communications to Self and Others: Emotional Experience and its Skills Emotion Review Vol. 1, No. 3 (July 2009) 206–213

⁴⁴² *Копцева Н.П.* Зритель // Автор и зритель: эстетические проблемы восприятия и творчества. СПб, 2006.

двое», т.е. сомнение связано с наличием, активизацией личностью собственного мнения и с актуализацией неуверенности в его исключительности и однозначности, которая возникает в результате полученного эмоционального опыта и знания. Усилим высказанный тезис изречением И.В.Гете: «Мы точно знаем, только когда знаем мало, с ростом знания возрастает сомнение». Кроме того, со-мнение можно буквально трактовать как совместное мнение, следовательно, оно предполагает открытость, возникновение вопроса, поиск ответа и возможность выработки согласованного, совокупного мнения, возникшего на перекрестке опыта «Я» и «Другого». С нашей точки зрения именно этот этап взаимодействия личности с произведением искусства является ключевым, определяющим ее дальнейшее саморазвитие и самопознание, поскольку сомнение имманентно процессам познания и самопознания и предшествует со-мыслию.

Соучастие (содействие) переводит анализ из плоскости реакции личности в плоскость ее акции, действия и регуляции, т.к. определив ситуацию, личность определяет и модель, схему будущего способа действия в ней. А.В. Запорожец, изучая механизмы восприятия и понимания детьми сказок, считал, что в процессе их слушания формируется определенная внутренняя психическая активность – умение мысленно действовать в воображаемых обстоятельствах. При этом специфическим содержанием восприятия является не столько виртуальная действительность, сколько существенные, типичные образы, продуцированные с ее помощью, а действие понимается как опредмеченная, овеществленная субъектность, в связи с чем овладение новыми действиями представляет собой подлинное обогащение субъекта⁴⁴³.

Сопричастность связана с ценностной сферой личности, она требует активизации специальных способов личностного действия субъекта – духовных актов – поступков, которые имеют отношение к нравственной сфере: к порождению смысла, принятию ответственного решения, к способности сделать выбор и отвечать за него. Рефлексия этого этапа неизбежно приводит нас к анализу поступка в философской традиции М.М. Бахтина⁴⁴⁴, согласно которому продуктом эстетической деятельности является не действительно становящееся бытие, а акт действительного эстетического интуирования. Он считал, что в содержании эстетического видения нет акта-поступка видящего, там имеет место «вживание» в индивидуальный предмет видения, затем происходит объективация, отделение от себя, возврат в себя и именно это возвращенное в себя сознание, эстетически оформляет изнутри схваченную вживанием индивидуальность как целостную и качественно своеобразную. М.М. Бахтин пишет: «Понять предмет – значит понять мое должествование по отношению к нему (мою должную установку), понять его в отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность». По М.М. Бахтину, поступок расколот на объективное смысловое содержание и субъективный процесс свершения. Только изнутри «участности»

⁴⁴³ Запорожец А. В. Психология восприятия сказки ребенком-дошкольником.— Дошкольное воспитание, 1948, № 9. - С.36.

⁴⁴⁴ Бахтин М.М. Философия поступка. М, 1996.

может быть понята функция каждого участника. По мнению М.М. Бахтина, «поступок – последний итог, всесторонний окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и разрешает в едином и единственном и уже последнем контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо все входит в его ответственную мотивацию, в поступке выход из только возможности в *единственность раз и навсегда*⁴⁴⁵

Следовательно, сопричастность подразумевает диалогичность личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой в художественной реальности» и формирование потенциального содержания поступка. На основе сопричастности интернализуются этические нормы, нравственные оценки и определяется горизонт единой и единственной нравственной ответственности личности. Сопричастность тесно связана с собеседованием, с установлением полилогических связей между субъектом эстетического воздействия и многочисленными Другими, представленными в художественной реальности, а также диалогических связей личности с собой, что способствует саморазвитию и самопостижению.

Такой этап взаимодействия с искусством как сомыслие связан с реверсивным погружением в интрапсихическое пространство и рефигурацией полученного опыта. Эта идея блестяще, точно и метафорично высказана Г.-Г. Гадамером: «игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой»⁴⁴⁶. По М.М. Бахтину, каждая мысль представляет индивидуально ответственный поступок, который своим содержанием включается в единство ответственности. Он пишет: «Я мыслю, значит, поступаю мыслью»⁴⁴⁷. Для выражения поступка изнутри нужна вся полнота слова.

Ф. Эбнер отмечает, что единичный, конкретный человек представляет собой не отдельное «Я» для себя, а всегда находится в некоторой связи с «Ты», и что это отношение существует благодаря языку, который не только предполагает отношение между ними, но и определяет эту взаимность. Когда личность обдумывает какую-либо идею, она вербально артикулирует ее, т.е. сообщает и открывает себя самому себе. Именно слово является тем, что помогает личности пояснить в себе нечто для нее самого пока еще темное, открыть в себе нечто от нее самой пока еще скрытое; и смысл слова – это отношение духовного в человеке к духовному вне его.

Таким образом, посредством личностных репрезентаций «Я – Другой в художественной реальности», отражающих полилогические связи между Я и многочисленными Другими, происходит постижение Другого в структуре социального мира, результатом которого является амплификация собственного «Я» субъекта новыми смысловыми измерениями через наложение и трансформацию различных культурных, ценностных, смысловых кодов автора, текста и реципиента.

На основе личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой в художественной реальности» расширяется intersubъективное пространство лич-

⁴⁴⁵ Там же, С.128.

⁴⁴⁶ Гадамер Г.-Г. Искусство и подражание //Актуальность прекрасного. М, 1991.

⁴⁴⁷ Бахтин М.М. Философия поступка, М, 1996. - С.131

ности, характеристики границ которого определяются особенностями личности, спецификой произведения искусства и ситуационного контекста. При взаимодействии личности и культурного артефакта обозначена траектория ее движения в направлении самопонимания и самопостижения, которая схематично представлена в виде таких этапов как соприсутствие, сочувствие, сопереживание, сомнение, соучастие, сопричастность, собеседование, сомыслие, сотворчество, самопознание, самопонимание.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите теоретические и методологические основания концепции личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой».
2. Дайте определение личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой»?
3. В чем заключается развивающая функция границ психологического пространства?
4. Охарактеризуйте культуру как один из контекстов формирования и конструирования личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой»?
5. Опишите модель интерсубъективного пространства личности.
6. Дайте определения ингруппового и аутгруппового Другого.
7. Какие виды ингрупповых Других Вы знаете?
8. Назовите основные слагаемые межличностной значимости.
9. Существует ли жесткая граница между «мы» и «они»?
10. Какие этноцентрические установки личности Вы знаете?
11. Какова роль средств массовой информации в формировании этноцентрических установок?
12. Возможна ли ингрупповая дискриминация? Приведите примеры.
13. Приведите примеры чужого, выступающего в роли культурного инноватора? Культурного раздражителя?
14. Может ли Враг быть представителем ингруппы?
15. Какова роль медиация в межкультурном взаимодействии?
16. В чем основное содержание концепции креативного влияния меньшинства С. Московичи и теории самокатегоризации Дж. Тернера?
17. Какова роль личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» в преодолении субъектом последствий травматического стресса?
18. Какое значение имеют личностные репрезентаций взаимодействия «Я – Другой в художественной реальности» для понимания Другого, самопонимания и саморазвития личности?
19. Назовите основные этапы траектории движения Я в интерсубъективном пространстве, образованном личностными репрезентациями «Я – Другой в художественной реальности».
20. Назовите причины возникновения этнических конфликтов.

Творческие задания

Задание 1.

Написать эссе на одну из предложенных тем

1. Герой и Антигерой – модели поведения, обусловленные национальной культурой.
2. Свой и Чужой: традиции и ритуалы конкретной культуры (эмический подход).
3. Анализ детско-родительских коммуникаций в пословицах определенной культуры.
4. Анализ дружеских интеракций в пословицах определенной культуры.
5. Сравнительный анализ взаимоотношений между мужчиной и женщиной в пословицах разных культур.
6. Образ врага как инструмент манипуляции общественным мнением.
7. Чужой в гостевой культуре: законы гостеприимства.
8. Гуманизм как уважение к инакомыслию, инакочувствию и инакожитию.
9. Толерантность как устойчивость к различиям.
10. Мультикультурализм: управление разнообразием или разнообразие управления?

Задание 2

Охарактеризовать сущность ролевой позиции и привести конкретный пример (из исторической или художественной литературы, произведений искусства, повседневной жизни).

Табл. 1.

Характеристика ролевой позиции

Ролевая позиция	характеристика	пример
Другой		
Иной		
Чужой		
Чуждый		
Стигматизированный Другой		
Враг		
Друг		
Герой		
Жертва		
Шут		

Задание 3.

Написать сказку, главное действующее лицо которой занимает любую из перечисленных в табл. 1 ролевых позиций.

Задание 4.

Описать факторы, влияющие на формирование личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» и дифференцировать механизмы, с помощью которых происходит это формирование. Результаты рефлексии представить в табл. 2.

Табл. 2

Механизмы и факторы формирования личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой»

механизмы		факторы
личностные механизмы	социально-психологические механизмы	

Задание 5.

Проанализируйте представленную на рисунке типологию образа Героя⁴⁴⁸ и назовите основные функции каждого типа в контексте социального развития личности.

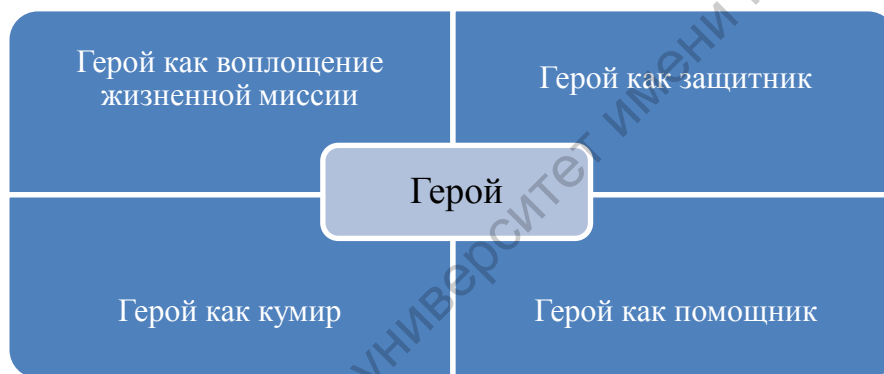

Рис.3.5. Типология образа Героя

Задание 6.

Проанализируйте результаты факторного анализа функциональных характеристик друга⁴⁴⁹, представленные в табл. 3, и проинтерпретируйте каждый из выделенных факторов.

Табл. 3

Результаты факторного анализа функциональных характеристик Друга

Функциональные характеристики друга	Факторы	Компонента			
		1	2	3	4
Преданность	Обоюдное доверие	0,767			
Обоюдное доверие		0,732			
Жертвенность	Взаимный реципрокный альтруизм		0,744		
Схожесть интересов			0,644		
Понимание	Эмпатический резонанс			0,729	

⁴⁴⁸ Рягузова Е.В. Полисемичность образа Героя у современных подростков // Психология обучения, 2011. №12. С.37-47.

⁴⁴⁹ Рягузова Е.В. Личностные репрезентации дружеских взаимодействий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т.12. Выпуск 2. С. 76-80.

Исключительность				0,631	
Принятие Я Дру- гого	Безусловное принятие				0,728
Искренность					0,685

Задание 7.

М.А.Одинцова⁴⁵⁰ выделяет игровую роль жертвы, социальную роль жертвы, позицию жертвы и статус жертвы. Необходимо проанализировать содержание этих понятий и ответить на следующие вопросы:

1. Какими личностными особенностями обладает человек, привычно занимающий позицию жертва?
2. Насколько многолика эта позиция?
3. Как можно преодолеть разрушительную установку «Жертва»?
4. Какой поведенческий рисунок соответствует игровой роли жертвы?

---

⁴⁵⁰ Одинцова М.А. Многоликость жетвы или немного о великой манипуляции. М, 2010. 256с.

Рекомендованная литература

1. *Абрамов В.В.* Об одном из подходов к исследованию межгрупповых отношений и эффектов // *Мир психологии*, 2008. №3.
2. *Абульханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. Т.2, №4, 2005, с. 3-21.
3. *Абульханова К.А.* Проблема индивидуальности в психологии / *Психология индивидуальности: новые модели и концепции*// Коллективная монография-под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009. С. 14-63.
4. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000.
5. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. Мб Аспект-Пресс, 2002. С.101-105.
6. *Аникина В.Г.* «Другой» как рефлексивная позиция в самопознании человека // *Личность и бытие: субъектный подход*. М: Институт психологии РАН, 2008. С.233-236.
7. *Антоненко И.В.* Социально-психологическая концепция доверия. Монография. М.: Флинта; Наука, 2006. 480с.
8. *Анцыферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельного подхода // *Проблема субъекта в психологической науке*. – М.: Академический проект, 2000. С. 27 – 42.
9. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 768с.
10. *Баксанский О.Е., Кучер Е.Н.* Когнитивный образ мира: Прологомены к философии образования. М: Канон, 2010. 224с.
11. *Баньковская С.П.* Другой как элементарное понятие социальной онтологии // *Социологическое обозрение*. Том 6, №1. 2007. С.75-87.
12. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. 323с.
13. *Боулби Д.* Привязанность. Пер. с англ. /Под. общ. ред. Г.В. Бурменской. М: Гардарики, 2003.
14. *Брунер Дж.* Жизнь как нарратив // *Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход*. 2005. №1(2). С.9-30.
15. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта Отв. ред. В. В. Знаков. – М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
16. *Гозман Л.Я.* Психология эмоциональных отношений. М.,1987
17. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ.статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
18. *Гофман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004.
19. *Гулевич О.А., Онучин А.Н.* Основные направления изучения эффектов межгруппового восприятия // *Вопросы психологии*. 2002. №3. С.132-145.

20. *Гусельцева М. С.* Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: изд-во ИП РАН, 2007. С.45-73.
21. *Джемс У.* Психология // Под ред. Л.А.Петровской. М: Педагогика, 1991.
22. *Джерджен, К. Дж.* Социальное конструирование и педагогическая практика / Пер. с английского А. М. Корбута // Образовательные практики: амплификация маргинальности/Под ред. А. А. Забирко. Мн.: Технопринт, 2000. 184 с.
23. *Джерджен К. Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003.
24. *Ежов И.В.* Сущность и границы «духовного Я» как субъекта духовно-нравственного самосознания личности//Мир психологии, 2008. №3. С.75-87.
25. *Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М: ИП РАН, 2006.
26. *Завершинская Н.А.* Оппозиция «своего» и «чужого» в современной культуре//Вестник Новгородского государственного университета, 2004. №27. С.41-47 (С.42)
27. *Зиммель Г.* Человек как враг//Зиммель Г. Избранное. М: Юрист, 1996. Т.2.
28. *Знаков В.В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия //Психологический журнал, 2003. Том 24, №2. С.95-106. С.96-97.
29. *Иванова Н.Л.* Социальная идентичность и профессиональное становление личности Ярославль, МАПН - Изд-во Аверс-Пресс , 2005.
30. *Ишкова М. А.* Граница как ориентир активности ребенка: Дис. ... канд. психол. наук / М. А. Ишкова. М., 1998.
31. *Калиненко В.К.* Границы в культуре и культура на границах // Журнал практического психолога : научно-практический журнал. 2009. N 2 .
32. *Козлов В.В.* Духовная психология: в поисках изначального. М: изд-во Трансперсонального института, 2000.
33. *Кондратьев М.Ю. , Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М.: ПЕР СЭ, 2006. - 272 с.
34. *Кондратьев М.Ю.* «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. №2. С. 17-28.
35. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М: изд-во Института психологии РАН, 2008. 576с.
36. *Лабунская В.А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание. — Ростов н/Д: Феникс, 1999. 608 с.
37. *Лакан Ж.* Стадия зеркала как образующая функцию «Я» (Je), открывающаяся нам в психоаналитическом опыте (Пер. А.Абрамовой)// «Стадия зеркала» и другие тексты. Париж, 1992.
38. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс культурную психологию. М., 1999.
39. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: «Сенсор», 2000. 368 с.
40. *Левинас Э.* Путь к Другому / Пер. Е. Бахтиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.
41. *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб: Искусство-СПб, 1998.

42. *Лэйнг Р.Д.* «Я» и Другие / Перевод с англ. Е. Загородной. — М.: Независимая фирма «Класс», 2002. 192 с.
43. *МакАдамс Д.П.* Психология жизненных историй: пер. с англ. // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3, вып. 3. С. 135–166.
44. *Мамардашвили М.К.* Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М: Школа «Языки русской культуры», 1997, 304с.
45. *Марцинковская Т.Д.* Категория переживания в философии и психологии: монография. М., 2004.
46. *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Питер, 2003. — 718 с.
47. *Ментальная репрезентация: динамика и структура* / Под ред. А.В. Брушлинского, Е.А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 1998. 320 с.
48. *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // *Психологический журнал*. Т.16. №1. 1995. С.3-18.
49. *Московичи С.* От коллективных представлений – к социальным // *Вопросы социологии*. 1992. Т.1. №2. С. 94. С.83-95
50. *Мухина В.С.* Феноменология бытия и развития личности. М.; Воронеж, 1999.
51. *Мясоед П.А.* О психологическом знании и познании, или что мы хотим от психологии // *Вопросы психологии*, 2006. №4. С.139-145.
52. *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.
53. *Пезешкиан Н.* Психотерапия повседневной жизни. Тренинг разрешения конфликтов. СПб: Речь, 2001.
54. *Петровский А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982. — 255 с.
55. *Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. М: ТОО «Горбунок», 1992.
56. *Поляков С.Э.* Феноменология психических репрезентаций. СПб: Питер, 2011. 688с.
57. *Психология личности. Учебное пособие* / под ред. проф. П.Н. Ермакова, проф. В.А. Лабунской. – М.: Эксмо, 2007. 653[3]с.
58. *Ребеко Т.А.* Ментальная репрезентация как формат хранения информации // *Ментальная репрезентация динамика и структура*. М.: ИП РАН, 1998.-С. 25 - 54.
59. *Рикер П.* Я-сам как другой. М: изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416с.
60. *Ришар Ж.-Ф.* Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М: ИП РАН, 1998. 232с.
61. *Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. /Пер. с англ. В.В. Румынского, под ред. Е.Н.Емельянова, В.С. Магуна. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 429с.
62. *Рябкина З.И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий// *Психологический журнал*. Т.29. №2. 2008. С. 78-87.
63. *Рягузова Е.В.* Социальная психология личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой». Саратов: Научная книга, 2011. 304с.

64. *Рягузова Е.В.* Методологический статус Другого: психологический дискурс // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т.10. Выпуск 2. С.82-87.
65. *Рягузова Е.В.* Модель личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» // Акмеология. 2011. № 3. С.78-83.
66. *Рягузова Е.В.* Социально-психологический анализ ингруппового и аутгруппового Другого // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2011. №2. С.194-201.
67. *Сайко Э.В.* Взаимодействие в социальном мире и специфика его действия // Мир психологии. 2008. №1. С. 3-9.
68. *Сайко Э.В.* Значение, знак, смысл, символ как рождаемые человеком и образующие его // Мир психологии. 2008. №2. С. 3-13.
69. *Салливан Г.С.* Интерперсональная теория в психиатрии / Пер. с англ. — СПб: Ювента, 1999. 347с.
70. *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М, 2003.
71. *Сергиенко Е. А.* Психология субъекта: поиски и решения // Психологический журнал. Т29, №2, 2008, с.16-28.
72. *Сергиенко Е.А.* Когнитивная репрезентация в раннем онтогенезе человека // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М., 1998.-С. 135-162.
73. *Серкин В. П.* Пять определений понятия «образ мира» // Вестник МГУ (Сер. 14. Психология). 2006. № 1. С. 11 — 19.
74. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия. М: Академия, 2000. 264с.
75. *Слободчиков В.И.* Психологические проблемы становления внутреннего мира человека. // Вопросы психологии. 1986. - №4. – С. 14-22.
76. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 3–17.
77. *Слободчиков В.И.* Со-бытийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Ученые записки Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского Серия Психология. Педагогика. 2010. №2. С.3-8.
78. *Солдатова Г.У., Макаруч А.В.* Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М, Генезис, 2006. 256с
79. *Старовойтенко Е. Б.* Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академ. Проект. 2004.
80. *Старовойтенко Е.Б.* Модель персонологии в парадигме «жизни» // Мир психологии, 2010, №1.
81. *Стефаненко Т.Г.* Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект-Пресс, 2002.
82. Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / отв. Ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич, М, 2007.
83. *Тернер Дж.* Социальное влияние. СПб: Питер, 2003.
84. *Триандис Г.* Культура и социальное поведение. М: Форум, 2007.

85. Улановский А.М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // *Методология и история психологии*, 2007. Т.2, Вып. 1. С.130-150.
86. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм и конструкционизм: мир как интерпретация // *Вопросы психологии*, 2009. №2. С.35-45.
87. Филатов Ф.Р. Отношение «Я – Другой» в свете поздних сочинений К.Г. Юнга // *Консультативная психология и психотерапия*. 2001. №1. С. 24-41.
88. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // *По ту сторону принципа удовольствия*. М, 1992.
89. Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М: АСТ, 2006. 640с.
90. Хараш А.У. Личность, сознание и общение: к обоснованию интересубъективного подхода в исследовании коммуникативных воздействий // *Психолого-педагогические проблемы общения* / Под ред. А. А. Бодалева. М.: НИИ ОПП АПН СССР. 1979. С. 17 — 35.
91. Харре Р. Вторая когнитивная революция // *Психологический журнал*. 1995. Т. 16. № 1.
92. Харламенкова Н.Е. Анализ одной из стратегий самоутверждения личности в ракурсе проблемы «Я и другой» / *Проблема субъекта в психологической науке*. М.: «Академический проект», 2000. С. 314-320.
93. Холодная М.А. Ментализм как альтернатива традиционным теориям в области психологии познания // *Ярославский психологический вестник*. Москва-Ярославль, 2009. Выпуск 25. С. 87-89
94. Шамянов Р.М. Личность и ее становление в процессе социализации. Саратов, 2000.
95. Шпилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М., 2008. 257 с.
96. Шюц А. Чужак // *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2004. С. 533 – 550.
97. Шюц А. Возвращающийся домой // *Избранное: Мир, светящийся смыслом* - М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2004. С. 550 – 557.
98. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. Юнг К.Г. Комментарий к «Тайне Золотого Цветка» // В сб.: *О психологии восточных религий и философий*. М., 1994
99. Юревич А.В. Парадигмальные дебаты // *Методология и история психологии*. 2007. Вып. 3. С.3-17.
100. Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН РАН, 1999.